

ISBN 978-5-9907691-2-0

9 785990 769120

Александр БОНДАРЕНКО Юные герои Отечества

Александр БОНДАРЕНКО

Юные герои Отечества

Никита ЛУНИН Гимназист САДОВИЧ Магомед ТАШУХАДЖИЕВ
РАЙЧО НИКОЛОВ Павлик АНДРЕЕВ Валя КОТИК
Ксюша ПЕРФИЛЬЕВА Василий ГОНЧАРОВ и Иван ЛАТЫШЕВ
Женя ВАСИЛЬЕВА Федя ФРИКИН АРКАДИЙ ГОЛИКОВ
Антошка ВЛАСИН Всеволод ВИШНЕВСКИЙ Марат КАЗЕЙ
Котя МГЕБРОВ-ЧЕКАН Костя ТОМАШЕВСКИЙ Вася ШАХТАРОВ
ВОЛОДЯ КОШТИН Шурка ЧЕРВЯТНИК
Пиня ЗОЛОТИН Зина ПОРТНОВА Иргалей ИСКАКОВ
Ваня ПАСЕЧНИК и Сережа ВВЕДЕНСКИЙ ЛИЗА ХОМУТОВА
Вася КУРКА Юта БОНДАРОВСКАЯ Стасик ПОЛЯНСКИЙ
Слава ВИЛЬДАНОВ АНТОН ЧУСОВ Оля КОЗЛОВА
Ваня ЖАМЬЯНОВ Аркадий КАМАНИН Сережа ШИШКИН
Петя КЛЫПА Дима ЛЯШКО ЛЮСЯ ГЕРАСИМЕНКО
Вася КОРОБКО Володя КАЗНАЧЕЕВ Сережа АЛЕШКОВ
Лариса МИХЕЕНКО Нина КУКОВЕРОВА Надя БОГДАНОВА
ДАНИЛКА ЗАЙЦЕВ Лида ВАШКЕВИЧ

Александр Бондаренко

Юные герои Отечества

Екатеринбург
2017

УДК 82-32
ББК 84-44
Б 81

Книга издана при финансовой поддержке
Андрея Анатольевича Козицына
для безвозмездной передачи
в детские учреждения
в целях патриотического воспитания
подростающего поколения.

Б 81 **Бондаренко А. Ю.**
Юные герои Отечества. — 3-е изд. — Екатеринбург: Банк
культурной информации, 2017. — 347 с.
ISBN 978-5-9907691-2-0

Эта книга, посвященная подвигам юных героев, может быть интересна как большим, так и маленьким читателям. В ней рассказывается о ребятах, которые жили в различные периоды истории Государства Российского — от X до XXI века, в различных городах и селах, и совершили свои подвиги не только в военное, но и в мирное время. Далеко не все их имена известны нашему современнику, а потому читатель обязательно найдет здесь много интересного и неожиданного.

12+

Несколько слов к читателям

Эта книга посвящена юным героям нашего Отечества: ребятам и младшего возраста, и уже почти взрослым, 16-летним, жившим в различные исторические эпохи — начиная с X века до наших дней. Среди них — будущие правители земли Русской, юные солдаты и офицеры, а также самые обычные дети различных национальностей. Одни из них стали героями войн, другие совершили подвиги в мирное время — в родном селе, на улице своего города, даже в своем доме. А так как подвиг всегда связан с опасностью, порой со смертельной, то, к сожалению, многие из них навсегда остались юными... Но, как сказано в Священном Писании, «нет больше любви, чем положить жизнь свою за други своя» — то есть нет большей любви к людям, чем отдать за них свою жизнь. Ведь жизнь — это всегда выбор, и каждый человек делает его самостоятельно: как и для чего жить, какой след, какую память оставить о себе на земле.

Кто-то из наших героев впоследствии прославился другими делами, достиг немалых жизненных высот, а для кого-то именно детский подвиг стал самым ярким событием всей жизни — быть может, очень даже долгой, ее звездным часом. Рассказывая о юных героях, мы также говорим об истории всей нашей страны, в которую вписаны их подвиги. Историю, как известно, делают своими поступками люди, а потому книга «Юные герои Отечества» адресована каждому, кто интересуется историей нашей страны, кому небезразличны ее настоящее и будущее.

Часть 1

Русь изначальная

«Князь уже начал!»

(СВЯТОСЛАВ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ)

Наверное, первым из известных юных героев государства Российского — Древней Руси — следует назвать Святослава, будущего великого князя Киевского, родившегося примерно в 942 году. То есть тысячу семьдесят лет тому назад. Но ведь недаром говорят, что подвигу жить в веках, а слава героев бессмертна. Память о подвигах Святослава, сохранившаяся в летописях и народных преданиях, — лучшее тому подтверждение.

Святослав был сыном великого князя Киевского Игоря и его жены великой княгини Ольги, ставшей первой русской святой. Конец X века... Время это было очень трудное, жестокое — шли бесконечные войны с соседями и кочевыми племенами, в боях и походах расширялись границы Киевского княжества, укреплялась власть великих князей, постепенно выковывалось могущественное централизованное государство. Уже в то время власть Киевского князя простиралась на всю обширную территории Восточно-Европейской равнины — от Старой Ладogi и Нового города на севере до Киева и Родни на юге.

Однако все еще было зыбко и непрочно: когда Святославу исполнилось три года, отец его, великий князь Игорь, был коварно убит древлянами — существовал такой союз восточнославянских племен, подвластных Киевской Руси. После того как Игоря убили, предводитель древлян князь Мал задумал сосватать княгиню Ольгу, чтобы самому сесть на киевском престоле. Но Ольга, занявшая престол после убиенного мужа и при малолетнем сыне, решила удерживать его за собой и Игоревым родом, что и смогла сделать не столько силой, сколько хитростью.

Первых древлянских послов-сватов она пригласила к себе на пир, славно потчевала, а после застолья распорядилась закопать их живыми в землю. Вторых послов-сватов повели с дороги по русской традиции в баню париться, да там их всех и сожгли, а древлянскую дружину, сопровождавшую послов, княгиня Ольга приказала так хорошо принимать и угощать, что всех их потом перерезали сонных и пьяных... После всего этого великая княгиня Ольга сама повела киевское войско в поход на мятежных древлян, чтобы отомстить за смерть мужа и вновь привести их к покорности.

Притом считалось, что войско в поход ведет великий князь Киевский Святослав Игоревич, которому было тогда всего четыре года, ибо женщинам на войну ходить не полагалось. Ну а если князь ведет войско, то ему следовало и битву начинать. Вот и сидел юный воин на добром коне, облаченный в шлем и кольчугу, с маленьким, но боевым булатным мечом и с красным щитом в руках. Пожалуй, иного мальчика такого возраста, да и постарше, испугали бы огромное количество шумного вооруженного народа, горящие на стоянках костры, вся тревожная обстановка ожидания боя, которую чувствуют не

только будущие его участники, но и все, кто оказался поблизости. Однако юный князь не испытывал ни стеснения, ни робости — ему было привычно в этом военном лагере, среди дружинников, которые видели в нем своего вождя и предводителя.

Когда же на бранном поле две рати встали друг против друга, а в воздухе начали посвистывать стрелы, Святослав сидел на коне перед рядами своих воинов и также не выказывал никаких признаков страха. Начиная сражение, он первым бросил во врага свое боевое копьё. Пущенное слабой, еще детской рукой тяжелое копьё упало тут же, у ног княжеского коня. Но ритуал был соблюден, ибо так исстари зачинали бой русские великие князья. А традиция — дело великое!

— Князь уже начал! — закричали ближние к нему воеводы. — Последуем, дружина, за князем!

Засвистели в воздухе тучи стрел, полетели копьё. Воодушевленные храбростью своего юного предводителя, русские воины бросились на противников, смяли их ряды и погнались прочь...

Очень жестоко поступила потом с древлянами княгиня Ольга: подойдя с дружиной, ведомой князем Святославом, к главному древлянскому городу Искоростеню, она потребовала небывалую дань: не серебра и золота, не драгоценных мехов пушных зверей, но по три воробья и три голубя с каждого двора. Смешно стало древлянам, и они, не разгадав хитрости, охотно и быстро представили все требуемое. Ночью в русском лагере никто не спал, потому как все привязывали к птичьим лапкам трупы — разный материал, который не горит, но тлеет, сохраняет тлеющий огонь, — а затем одновременно подожгли их и выпустили. Птицы полетели в город, к своим гнездам и голубятням, которые были в те

времена на каждом дворе. А на дворах было сено для корма скотине, и многие крыши были крыты соломой. Малейшей искорки было достаточно попасть на этот сухой материал, чтобы вспыхнуло пламя, и вскоре уже весь Искоростень оказался объят огнем, потушить который было невозможно, так как горело повсюду. За несколько страшных часов город сгорел дотла, в огне небывалого пожара погибли многие его жители. После такой катастрофы древляне покорились Киеву уже навсегда.

Дальнейшее свое воспитание великий князь Святослав получал уже в рядах княжеской дружины. Он вырос умелым и сильным воином, замечательным военачальником, и всю свою недолгую жизнь провел в походах и боях. Святослав укрепил Киевское государство, разгромил Хазарский каганат, воевал на Северном Кавказе и на Балканах, сражался против алчной Византии в союзе с венграми и болгарами... Великому князю не было еще и тридцати лет, когда на Днепровских порогах он попал в засаду кочевников-печенегов и погиб в неравном бою.

Много подвигов совершил Святослав Игоревич, но и за всеми его блестящими победами сохранился в памяти народной тот самый первый славный его поступок — копьё, брошенное им, четырехлетним мальчиком, в сражении с древлянами.

Мальчик с уздечкой

(Герой, оставшийся безымянным)

Имя этого юного героя, младшего современника и подданного великого князя Киевского Святослава, осталось неизвестным. Однако русская лето-

пись, «Повесть временных лет», составленная на рубеже XI—XII веков легендарным Нестором-летописцем, монахом Киево-Печерского монастыря, сохранила подробное описание его подвига.

Произошло это в 968 году, когда на Русь впервые пришли печенеги — тысячные орды кочевников из Заволжских степей. «Силою великой», как написал летописец, они окружили Киев — город торговый и богатый. Кочевники поставили вокруг городских стен свои кибитки, разбили шатры, запалили костры и, не рискуя идти на штурм, стали ждать, когда жители города сами решат сдаться. Ведь хотя Киев и окружали высокие стены, казавшиеся неприступными, но к длительной осаде он готов не был: жители не имели больших запасов продовольствия и, что важнее всего, воды. Но самое главное, что отважный Святослав Игоревич, великий князь Киевский, вместе со своей дружиной находился далеко от стольного града — в покоренном им городе Переяславце, на Дунае, а потому отразить нашествие степняков было просто некому. В Киеве оставалась одна лишь великая княгиня Ольга со своими внуками, малолетними сыновьями Святослава — Ярополком, Олегом и Владимиром. Хотя на другом берегу Днепра стояла небольшая по численности русская дружина, у нее были ладьи, чтобы переправиться к осажденному городу, но не было уверенности, когда именно следует это сделать и насколько велики силы осаждающих.

Осада длилась недолго. Видя, что никто не спешит им на помощь, а положение в городе с каждым днем становится все хуже, киевляне стали говорить о том, что, мол, незачем им мучиться, раз все равно придется покориться пришельцам и отдать город на разграбление. Да и ясно было,

что чем дольше продлится осада — тем злее будут осаждающие.

— Вот если бы кто смог перебраться на тот берег, — рассуждали люди, собравшись на главной городской площади, — да сказал бы нашим воинам, что если они не подступят утром к городу и не спасут нас, то тогда мы откроем крепостные ворота... А если они нам помогут, то мы еще будем держаться!

Все это были прекрасные, но пустые слова: люди любят себя оправдывать. Но для того чтобы выйти к Днепру, нужно было пробраться через несметные полчища врагов, а любого лазутчика из крепости печенег сразу бы заметили. Да и кому под силу было переплыть на другой берег широкой и могучей реки?

И вдруг перед людьми вышел мальчик, отрок, и громко сказал:

— Я проберусь!

Он был так спокоен и держал себя настолько уверенно, что все взрослые — и старые, и молодые — ему поверили. Или же все согласились с ним только потому, что никакой другой надежды на спасение у киевских жителей просто не было, а человеку всегда хочется надеяться хоть на что-то.

— Иди! — сказали ему без всяких лишних вопросов.

Наверное, мальчик оделся как печенег, а может, вся одежда простого люда была тогда приблизительно одинакова. В известном ему месте незаметно для врагов парнишка выбрался из крепости и быстро, не таясь, побежал по печенежскому лагерю. В руках у него была уздечка, которую он показывал всем и каждому, спрашивая по-печенежски:

— Вы не видели моего коня?

Откуда он знал этот язык, остается только гадать. Зато понятно, что коней в кочевом лагере всегда было гораздо больше, чем людей — каждый всадник имел по одной-две запасные лошади, да тут еще и повозки были, и кибитки, также запряженные лошадьми, а потому человек, разыскивающий своего коня, ни у кого не вызвал никаких подозрений. И так вот, размахивая уздечкой, мальчик прошел через весь лагерь до самого днепровского берега. Там, скинув с себя одежду, он бросился в воду и быстро поплыл.

Пока печенеги сообразили, что произошло, и попытались организовать погоню, юный герой был уже достаточно далеко от берега. По нему стали стрелять из луков, в воздухе запели десятки стрел, но мальчик глубоко нырял, долго оставался под водой, меняя направление своего движения, и выныривал там, где этого лучники никак не ждали, а потому вражеские стрелы не нанесли ему вреда.

На той стороне увидели, какой вдруг переполох возник в печенежском лагере, разглядели плывущего по реке человека и послали ему навстречу ладью. Вскоре уже отрок предстал перед воеводой Претичем, которому передал просьбу киевлян:

— Если вы не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам!

На следующий день, лишь только в синем небе над Днпром стало всходить яркое солнце, русские ладьи двинулись через реку. Дружинники громко трубили, и переправу эту сразу заметили и в печенежском лагере, и в Киеве. Сам печенежский князь вышел на берег, навстречу степенно выходящему из ладьи воеводе, и спросил:

— Кто ты, зачем пришел?

— Я воевода великого князя Святослава, — отвечал Претич, — пришел с его передовым отрядом.

За мной идет войско с самим великим князем, и воинов у него бесчисленное множество!

Печенеги поверили и отступили, хотя и не слишком далеко от Киева, стали ждать появления основных русских сил... Тогда жители города срочно послали к Святославу своих послов, чтобы сказать ему: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, свою же покинул...»

Услышав этот зов, великий князь поспешил привести свою дружину обратно к стольному городу, после чего печенеги бежали прочь...

А что же юный герой, который спас Киев, княгиню Ольгу, великокняжескую семью и, очевидно, все Киевское княжество? Судьба его неизвестна, как неизвестным осталось и его имя. К сожалению, так часто случается в истории, в которой с годами стираются многие замечательные имена и славные деяния. Но люди запомнили его подвиг, и в русских летописях на многие века отважный отрок остался как Мальчик с уздечкой — один из первых юных героев великой Руси.

Наследник Дмитрия Донского (Василий I, великий князь Московский)

8 сентября 1380 года на поле Куликовом, что протянулось между Доном и Непрядвой, произошло крупнейшее сражение своего времени, известное в истории как Куликовская битва, или Мамаево побоище, в котором полки великого князя Московского Дмитрия Ивановича сокрушили орды монголо-татарского военачальника — темника Мамая и его союзников, с чего началось освобождение Руси от владычества иноплеменной Золотой Орды.

Но это было только начало сокрушения монголо-татарского ига — прошло всего лишь два года, и летом 1382 года к Москве подошли войска хана Тохтамыша, нового повелителя Орды. Взяв город штурмом, монголы разграбили и сожгли столицу Великого княжества Московского, угнав «в полон» многие сотни ее жителей. А через год, в апреле 1383 года, в числе пленников-полонян оказался и старший сын великого князя Дмитрия, нареченного после победы на поле Куликовом «Донским».

Конечно, 12-летнего княжича Василия Дмитриевича повезли в Орду не для того, чтобы с выгодой продать где-нибудь на азиатском невольничьем рынке — сыновей правителей завоеванных ими земель золотоордынские властители забирали к себе для того, чтобы тем самым обеспечить покорность их отцов. Это, как считали монголо-татарские ханы, было лучшим средством против смут и мятежей на подвластных им землях.

Пока все было спокойно, юные княжичи очень неплохо жили в татарской неволе — при ханском дворе, ни в чем не испытывая нужды. И все-таки даже большая золоченая клетка всегда останется клеткой, и почетные пленники это чувствовали, тоскуя по своей такой далекой, но незабытой и любимой родине.

Княжичу Василию не было еще и пятнадцати лет, когда он решил бежать: другого способа, как только тайным путем возвратиться в Москву, не было. Ведь если бы хан Тохтамыш узнал о его желаниях и планах, то почетный плен вполне мог смениться тюремным заточением, а то и вообще лютой смертью... Василий готовился к побегу втайне, доверившись в своих планах лишь несколькими из ближайших и самых верных слуг.

Как оно все потом произошло — историкам неизвестно, так что можно только гадать и домысливать. Возможно, юный герой со своими близкими людьми в очередной раз поехал на охоту и не вернулся; возможно, они внезапно скрылись под покровом ночи; а может, отправились сопровождать хана Тохтамыша в одной из его поездок и тайком изменили направление движения, как бы случайно отстав от ханского каравана и заплутав в степи... В летописях подробности этого бегства из плена не сохранились. Известно только, что произошло оно в 1386 году, когда Василию было 14, а может, уже и 15 лет. Как видно, юноша был достаточно умен и имел хороших, опытных советчиков, потому как выбрал для себя не ближайший прямой путь к рубежам Московского княжества, по которому за ним, несомненно, отрядили не одну погоню, а на запад, к Молдавским землям. Сначала его маленькому отряду пришлось бежать по степи, где любой человек виден за многие версты издалека, а потому можно было передвигаться только по ночам, а днем прятаться в оврагах или кустарнике. Из Молдавских земель Василий перебрался в Польшу, оттуда — в Пруссию и, наконец, в Литву.

Об этом путешествии и точном маршруте бегства княжича известно опять-таки очень немного. Но в летописи есть свидетельство о том, что он, как зрелый государственный муж, встретился с великим князем Литовским Витовтом и даже попросил у него руки его дочери Софьи. Предложение было принято, так что из Литвы наследник московского великокняжеского престола возвратился к своему отцу великому князю Дмитрию Донскому уже в сопровождении большой свиты, состоявшей в основном из польской и литовской знати. В Москве его

ждала торжественная встреча, которая произошла 19 января 1388 года.

Впоследствии Василий действительно женился на литовской княжне, укрепив тем самым отношения Московского княжества с Литвой — в ту пору своим еще могучим западным соседом...

Немногим более чем через год после возвращения старшего сына великий князь Дмитрий Иванович умер, перед смертью завещав Василию сразу два великих княжества: Московское и Владимирское. На великокняжеском престоле Василий I Дмитриевич сидел до 1425 года — 36 лет, оставшись в исторической памяти нашего народа как собиратель русских земель и их ревностный защитник от посягательств врагов с востока и запада. Уж он-то, познавший горький хлеб неволи, очень не хотел, чтобы его вкушали русские люди!

Детство Иоанна Великого (Иоанн III, государь всея Руси)

Так случалось в истории, что само нелегкое время порой превращало детей в героев уже с самого раннего их детства, еще до того, как они действительно начинали понимать свою великую и ответственную миссию. Речь идет о русских княжичах, наследниках московского престола — будущих великих князьях, будущих государях. Посреди трудностей, смертельных опасностей и подвигов выковывался железный характер тех, кто потом твердо и мудро правил Русской землей.

Именно так сложилась судьба княжича Ивана, старшего сына Великого князя Московского Василия II Васильевича, получившего, о чем мы еще

расскажем, прозвище Темный, — внука Василия I Дмитриевича.

Иоанн родился в Москве 22 января 1440-го, а если по принятому тогда летосчислению — 6948 года от Сотворения мира. Время тогда было жуткое и тревожное. Младенец еще лежал в колыбели, окруженный мамками и няньками, а русские княжества и князья вели междоусобную братоубийственную борьбу — за земли, за власть. Золотая Орда уже разваливалась, но ее отряды все-таки продолжали набеги на Русь, грабили российские окраины. А тут еще и неурожаи случались, отчего люди в деревнях и городах российских голодали, и болезни, от которых ежегодно умирали многие тысячи крестьян и горожан, накатывались. Но все эти беды стороной обходили наследника великокняжеского престола — да недолго это было, до тех пор пока юному княжичу не исполнилось пять лет...

7 июля 1445 года под стенами Спасо-Евфимиева монастыря, близ города Суздаля, полки великого князя Московского были разбиты монголо-татарами, и сам Василий II оказался в плену. А в тот день, когда пришло в Москву это известие, в столице великого княжества разгорелся огромный пожар, в котором не только сгорели все деревянные здания, но и обрушились многие каменные церкви, в нескольких местах не устояли даже огромные стены Кремля. К счастью, из горящего города великокняжескую семью успели вывезти в Ростов. Но этот огненный, ежеминутно грозивший ужасной смертью ад, через который пришлось пройти, — рушащиеся постройки, погибающие люди, крики боли и ужаса, нестерпимый жар, столбы пламени, поднимающиеся со всех сторон, мириады летящих искр, — стал для пятилетнего Иоанна первым

жизненным испытанием. А потом в его жизни все оказалось еще более страшно...

Пока великий князь находился в плену, опустевший московский престол попытался самочинно занять князь Дмитрий Шемяка. И хотя это ему не удалось, потому как вскоре Василия II из плена выкупили, планов своих коварный самозванный правитель не оставил, и сам, выждав удобный момент, обманом пленил великого князя, поехавшего с сыновьями на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Мало того, он еще и злодейски ослепил захваченного им Василия, отчего и пошло прозвище Темный — Слепой. Шемяка так возрадовался тому, что сумел обмануть великого князя и занять его престол, что даже забыл про сыновей своего соперника — Иоанна и его младшего брата Юрия, которых сторонники свергнутого великого князя успели увезти в город Муром.

И вот тут вдруг шестилетний княжич Иоанн в одночасье превратился в народного героя. Вокруг него, как сына законного государя, стали собираться все русские люди, недовольные новым правителем. В юном княжиче они видели не несмышленного шестилетнего мальчика, но наследника великокняжеского престола, будущего правителя Великого Московского княжества. А значит, своим поведением Иоанн Васильевич должен был соответствовать этой важной роли. Так закончилось его детство, едва успевшее начаться...

Вскоре коварный князь Шемяка понял, какую ошибку он допустил, оставив княжичей на свободе. Иоанн был схвачен людьми нового правителя и привезен к находившемуся в ссылке отцу, но пламя народного гнева, которое удалось ему поддержать одним своим именем, уже горело сильно и неугаси-

мо. В Московском княжестве поднимался народ, и в феврале 1447 года сторонники Василия Темного изгнали прочь из Москвы Шемяку и его сторонников.

Во главе полков, входивших в город, ехали рядом на добрых конях, стремя в стремя, отец и сын — великий князь Василий Васильевич и княжич Иван Васильевич. А всего лишь год спустя Иоанн сам стал прозываться великим князем, соправителем при своем слепом отце. Тогда ему было всего лишь восемь лет. Но в том же году он уже находился в городе Владимире, во главе полков, которые защищали южные рубежи Московского княжества от монголо-татарских набегов, а в возрасте 12 лет, в 1452 году, возглавил поход на город Устюг — против все того же Шемяки, чтобы добить остатки его войск. Мятежные полки были разбиты, но сам злоумышленный князь бежал и через год умер в Великом Новгороде.

Иоанн III Васильевич, как называют его в истории, сменил своего отца на престоле в 1462 году. Про его жизнь и правление можно рассказать очень и очень много. Ведь он окончательно сверг монголо-татарское иго, присоединил к Великому княжеству Московскому Великий Новгород, Тверь и часть непокорного Рязанского княжества. А главное — он первым венчался на царство, центром которого стала возродившаяся после пожара и всех набегов и смут Москва, и первым среди правителей вошел в историю как Иоанн III, государь всея Руси, а также Иоанн Великий.

Часть 2

Имперская Россия

В БОЯХ ЗА ОТЕЧЕСТВО

«Кто первым поднимется на вал...»

(Князь Василий ДОЛГОРУКОВ-КРЫМСКИЙ)

Есть такая старинная поговорка: «от сумы да от тюрьмы не зарекайся», предупреждающая, что жизнь переменчива и человек всегда должен быть готов к превратностям судьбы, к любым ударам и несчастьям. Впрочем, есть и такая присказка: «после дождичка — вёдро», означающая, что ненастье обязательно сменится хорошей погодой, именуемой этим старинным словом «вёдро». А если так, то и в несчастье человек должен не терять надежды, не унывать и надеяться на лучшее.

Василий принадлежал к одному из древних, блистательных, богатых и самых влиятельных в начале XVIII столетия российских родов — князей Долгоруковых. В то время почти все дворянские юноши избирали для себя военную карьеру — самый почетный путь служения Отечеству, и юный князь не был тому исключением. Тринадцати лет от роду он был записан в драгунский полк, почти сразу произведен в чин капрала, а затем — вахми-

стра и вскоре уже должен был стать офицером. Но все вдруг резко переменялось после вступления на русский престол императрицы Анны Иоанновны. Фавориты предыдущего царствования князя Долгоруковы и Голицыны здорово пострадали: одни казнены, другие сосланы в Сибирь... 14-летний Василий был отдан в солдаты «без выслуги», что означало пожизненную службу без права производства в офицерский чин. Если учесть, что Русская армия воевала тогда очень много, а смертность среди солдат была весьма высока, такое наказание можно было считать просто отсроченной смертной казнью.

Но все, однако, сложилось совершенно по-другому.

В ту пору большую опасность для России представлял Крым: своими набегами крымские татары, подданные турецкого султана, с пугающей регулярностью опустошали Малороссию, теперешнюю Украину, южные земли империи. Чтобы утихомирить разбойников, в апреле 1736 года в поход на Крым отправилась армия фельдмаршала графа Христофора Антоновича Миниха: 58 тысяч человек — по 17 пехотных и драгунских полков и 12 тысяч казаков. Одним из этих многих тысяч, неся за плечами тяжелое кремневое ружье, все свое скудное имущество и многодневный запас сухарей, был рядовой пехотного полка 14-летний Василий Долгоруков, который тянул солдатскую лямку наравне со всеми.

Войска шли по безводной степи, под лучами солнца, которое в южных краях в мае светит уже достаточно ярко и жарко и к середине дня здорово нагревает все вокруг. Солдаты падали от усталости и жары, кого-то потом везли на телегах,

кто-то умирал — вся дорога по сторонам была отмечена безымянными могилами, но войска шли и шли. Останавливаясь, разбивали палатки и делали шалаши, сами варили кашу, а по ночам несли сторожевую службу, охраняя лагерь от внезапного нападения. И так было изо дня в день...

Шли они целый месяц, а во второй половине мая достигли «крымских ворот» — Перекопского перешейка, соединяющего полуостров с материком. Здесь с незапамятных времен греческих колоний были возведены укрепления, оборонявшие вход в Крым. Русские солдаты ахнули, увидев растянувшийся на одиннадцать километров земляной «турецкий вал», пятнадцатиметровый по высоте, усиленный семью каменными башнями и крепостью Ор-Капи. А перед этим валом был вырыт ров в тридцать метров глубиной.

Взять такие укрепления было немыслимо, но и отступать нельзя, поскольку смерти подобно: орды крымских татар, поддержанные степными разбойниками, обязательно ударили бы в тыл отходящей, а потому потерявшей уверенность армии. К тому же был приказ: взять крепость! Так что вариантов, кроме как идти вперед, не было.

На совещании перед штурмом фельдмаршал Миних сказал генералам:

— Передайте солдатам — любой, кто первым поднимется на вал, получит офицерский чин! Даю слово!

Была в Русской армии такая традиция, когда отличившиеся солдаты — даже недавние крепостные крестьяне, — получали в награду офицерский чин, а с ним вместе и дворянское достоинство. Таким образом, служба в армии открыла жизненный путь многим смелым и толковым людям...

Утром 21 мая 1736 года начался штурм крепости. Его можно описывать долго и красочно: то, как под грохот барабанов пошли на штурм колонны солдат, встреченные губительным огнем с крепостных валов. По ним стреляли тысячи ружей, сотни артиллерийских орудий буквально в упор били ядрами и картечью. Но, пройдя смертельные сотни метров до рва, пехотинцы стали забрасывать глубочайший ров фашинами — вязанками хвороста, привезенными с собой, потому как в степи в качестве топлива или строительного материала дорога любая деревяшка; потом, перейдя под огнем по этому ненадежному, пружинящему под ногами настилу и по телам своих товарищей, только что здесь погибших, солдаты приставляли к стенам длинные штурмовые лестницы и карабкались по ним, а сверху на головы атакующих сыпались пули, летели камни, выливался из котлов крутой кипяток; убитые и раненые бойцы сотнями падали со стен. Вокруг все горело, небо и землю закрывал густой пороховой дым от тысяч выстрелов, отчего очень трудно было дышать, и, кажется, не было возможности выйти живым из этого ада...

Но все же, отбивая штыковые и сабельные удары обороняющихся, русские воины смогли зацепиться за верхушки крепостных валов, подняться на них. Один, другой, десятый... Вот уже все валы заняты людьми в зеленых, перекрещенных белыми ремнями мундирах — и теперь уже татары летят вниз, на сторону Крыма...

Но кто же был тем самым первым героем? Какой-то совсем еще юный, невысокий и худенький солдатик...

Сразу же после штурма один из генералов, его приметивший, — а генералы и офицеры также

поднимались на вал вместе со штурмующими солдатами, — взял этого молодца за руку и привел к фельдмаршалу:

— Ваше сиятельство, вот он, первый!

— Как тебя зовут, братец? — спросил граф (обращение «братец» у командиров к солдатам в Русской армии было традиционным).

— Василий, Михайлов сын, князь Долгоруков! — отрапортовал солдатик.

Граф замер. «Михайлов сын» — это означало Михайлович. А вот что князь Долгоруков... Знал фельдмаршал про указ Анны Иоанновны, грозной императрицы, что тех князей Долгоруковых, которых отдали в солдаты, производить в офицерские чины нельзя. Нарушить повеление государыни — опасно, однако не сдержать обещание, данное собственной армии, — позорно. Да и понимал фельдмаршал, что «победителей не судят». Перекоп взят, и для государыни это гораздо значимее, чем судьба какого-то мальчишки из опального рода Долгоруковых. Да и надежда есть, что сей храбрый отрок будет верно и достойно служить российскому престолу.

— Поздравляю тебя прапорщиком! — сказал фельдмаршал, троекратно расцеловав юного героя.

Вот ведь как капризна порой бывает судьба: оказавшись в опале со всей своей родней, князь Василий Долгоруков получил офицерский чин гораздо раньше, нежели бы это было по его записи в полк.

А впереди князя ждала долгая и славная воинская биография. В 25 лет он уже командовал полком; он отличился в боях Семилетней войны 1756 — 1763 годов с Пруссией, во многих других военных кампаниях, на которые было столь щедрым то далекое «осьмнадцатое» столетие. Но самое главное, что в 1771 году армия под его командованием — теперь

уже генерал-аншефа князя Василия Михайловича Долгорукова, — пройдя через столь знакомый ему с детства Перекоп, заняла Крым, окончательно присоединив его к России.

За эту замечательную победу к фамилии князя был присоединен почетный титул «Крымский». Мог ли мечтать о такой чести 14-летний солдатик, карабкавшийся на «турецкий вал» 21 мая 1736 года, в надежде получить первое офицерское звание?..

«Молодость не мешает быть храбрым» (НИКИТА ЛУНИН)

Сражение при Аустерлице 20 ноября 1805 года... Более столетия — с кровавого поражения ново-рожденной петровской армии под Нарвой 19 ноября 1700 года — не знало русское войско таких серьезных неудач. И вообще, весь XVIII век представляется для Российской армии чередой славных побед. Так что на новую войну смотрели чуть ли не как на увеселительную прогулку. Главное командование объединенными русскими и австрийскими войсками молодой император Александр I передал союзникам-австрийцам. Они-то и придумали бездарный план боя, рассчитанный на то, что французы, буквально не сходя с места, будут ждать атак объединенных войск, и все завершится парадом победителей близ аустерлицкого поля. Да только французами командовал император Наполеон — великий полководец, а потому все получилось иначе. Не ожидая, пока на него нападут, он начал сражение сам...

В то время отряд русской гвардии, всего за несколько дней до этого подошедший из Санкт-

Петербурга, находился в резерве, вдали от поля битвы, и готовился к торжественной встрече победителей. В числе прочих в отряд этот входил Кавалергардский полк — самый лучший в гвардейской кавалерии. Кавалергарды очень переживали, что им не придется участвовать в бою. Особенно досадовал 16-летний корнет Никита Лунин, самый молодой из офицеров полка — офицерский чин ему, как и его старшему брату Михаилу, а также еще нескольким полковым юнкерам, то есть унтер-офицерам, проходившим в полку обучение, император присвоил лишь месяц назад, уже во время похода. Ах, как же хотелось отличиться в бою, повести в атаку свой взвод и быть награжденным орденом за воинский подвиг! И вот теперь кавалергарды прислушивались к отзвукам далекого боя, представляя себе, как объединенные силы союзников побеждают французов, а они остаются не у дел.

— Знаешь, Мишель, — сказал вдруг Никита брату. — Иногда мне хочется все оставить и уйти в монастырь, чтобы закончить там свои дни... Почему это?

— Брось! — махнул рукой Михаил, который считался в полку самым лихим из всех молодых офицеров. — Просто ты досадуешь, что участвовать в бою не будешь. Вот и приходят в голову всякие нелепые мысли...

Закончить разговор они не успели — со стороны Аустерлица появился офицер, сообщивший, что гвардейцев требует к себе командир их отряда цесаревич Константин. Обогнав другие полки, кавалергарды первыми прискакали к плотине через Раузницкий ручей, близ которой их ждал великий князь.

— Выручайте пехоту! — только и крикнул Константин, махнув рукой в сторону поля боя.

Проскакав через плотину, кавалергарды выехали на берег, и перед ними открылась картина сражения. Французы со всех сторон теснили наши отступавшие войска. В центре поля, окутанные клубами порохового дыма от непрерывных ружейных залпов, полки гвардейской пехоты отбивались от вражеской кавалерии. Разделившись поэскадронно, Кавалергардский полк бросился на помощь лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам, гвардейской пешей артиллерии, отвлекая на себя конные массы французов...

В этом бою Кавалергардский полк потерял почти половину своего состава, но столь дорогой ценой он дал возможность отойти гвардейской пехоте, сохранив свои знамена. Были спасены и все орудия.

В числе погибших оказался и юный Никита Лунин. Он отважно повел свой взвод в атаку на французские пушки и был смертельно ранен картечью в грудь. Истекающего кровью офицера принесли в находящийся неподалеку монастырь братьев-миноритов.

— Видишь, Мишель... — с трудом улыбнулся Никита. — Я же тебе говорил... так оно и получилось...

Уже много лет спустя, в далекой сибирской ссылке, декабрист Михаил Сергеевич Лунин вспоминал о своем младшем брате: «Он умер, словно младенец, засыпающий на груди матери...»

А тогда, после Аустерлицкого сражения, многие раненые русские офицеры, в том числе и кавалергарды, были взяты в плен и оказались во французском госпитале. Одного из них, графа Павла Сухтелена, который был всего на год старше Никиты Лунина, увидел Наполеон. Поглядев на

юного офицера, император Франции высокомерно заметил своим маршалам:

— Он слишком молодым задумал тягаться с нами...

— Молодость не мешает быть храбрым, — на прекрасном французском языке ответил русский офицер.

— Хороший ответ, молодой человек. Вы далеко пойдете, — одобрительно сказал Наполеон.

Император был прав — уже через девять лет, в 1814 году, за взятие французского города Суассона граф Павел Сухтелен получил генеральские эполеты. Месяц спустя, 19 марта, Русская армия вошла в Париж — столицу Франции.

«Я и мои сыновья покажем вам путь!»
(НИКОЛАЙ РАЕВСКИЙ-младший)

Когда Николенька вырос, его стали называть Николай Николаевич Младший, потому как Николаем Николаевичем Старшим был его отец — генерал от кавалерии Раевский, прославленный герой турецких войн, Отечественной войны 1812 года и многих других боевых кампаний. Как и большинство дворянских детей, он с самого раннего детства был записан в полк и считался находящимся «в отпуску для обучения наукам». Так, ни дня не прослужив в строю, к началу Отечественной войны Николенька уже был прапорщиком — это младший офицерский чин — Орловского пехотного полка, входившего в состав 7-го пехотного корпуса, которым командовал его отец. Между тем юному офицеру было всего только десять лет, потому как родился он осенью 1801 года...

Когда весной 1812 года Русская армия стала сосредотачиваться у западных границ империи, Николай Николаевич Старший отправился в город Вильно, взяв с собой Николеньку и Александра, старшего своего сына, тоже офицера — 16-ти лет от роду.

«Мы долго молча отступали...» — писал Михаил Юрьевич Лермонтов про начало Отечественной войны, но был не совсем прав. Русская армия отходила с боями, задерживая наступающие войска Наполеона и нанося им чувствительные потери. 11 июля произошел бой у деревни Салтановка, где полки 7-го корпуса остановили атаку авангарда маршала Даву. Ключом к позиции стала плотина, перегородившая текущий по дну оврага ручей. Она несколько раз переходила из рук в руки, но дальше плотины французы пройти не могли.

И вот, в самый трудный момент боя, когда, казалось, еще усилие — и противник сумеет прорвать порядки Смоленского пехотного полка, генерал Раевский вышел перед рядами его батальонов, осыпая пулями и картечью, окутанных пороховым дымом.

— Вперед, ребята! — сказал Николай Николаевич. — Я и мои сыновья покажем вам путь!

«Ребятами» командиры называли своих солдат, когда к ним обращались. Один солдат — братец, несколько — ребята. Была такая традиция...

На мгновение солдаты замерли. Они увидели, что рядом с генералом стоит его 16-летний сын Александр, а младшего, 10-летнего Николая, Раевский держит левой рукой за руку, в правой сжимая шпагу. Мальчишки-офицеры были спокойны — кажется, им передалось мужество отца.

«Ура!» — заревели смоленцы и, склонив штыки, устремились на врага.

Раевский и его сыновья также шли вперед. По пути Александр подхватил и понес батальонное знамя, которое уронил убитый знаменщик. Французы не выдержали дружного штыкового удара и отступили. Наступление врага было остановлено.

Этот эпизод стал одним из самых ярких в истории Отечественной войны. Его не раз описывали в своих стихах поэты, художники изображали на картинах. Правда, генерал Николай Николаевич Раевский-старший говорил потом, что все это придумано, что в том бою из-за тесноты мало кто смог бы увидеть его сыновей. Однако никто ему не верил — все знали, что этого славного генерала отличала не только блистательная храбрость, но и удивительная скромность. Но как бы там ни было, за этот бой Николенька был произведен в следующий чин — подпоручика, ему тогда уже исполнилось 11 лет.

Всю войну, с 1812 по 1814 год, сыновья сопровождали своего знаменитого отца, участвовали во многих сражениях. За отличие в сражении при взятии Парижа младший сын генерала был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом — почетнейшей боевой наградой.

По-разному сложились потом судьбы сыновей генерала Раевского. Старший, Александр, быстро дослужившись до чина полковника, вышел в отставку. А младший, Николай, всю свою недолгую жизнь посвятил военной службе. Он воевал на Кавказе, усмиряя мятежные племена, был награжден многими орденами, получил чин генерал-лейтенанта и умер в 42 года.

Подвиг милосердия

(Мальчишки из села Аксиньино)

Стояла поздняя осень памятного для России 1812 года. Совсем недавно по русским землям дважды прошли многотысячные войска Великой армии императора Наполеона. Этот венценосный полководец некогда заявил: «Война сама себя кормит», — и армия его, подобно полчищам саранчи, поела и уничтожала все на своем пути.

Общая участь постигла и большое село Аксиньино, что было в Рославльском уезде Смоленской губернии. Впрочем, большим оно являлось раньше, а теперь осталось от него десятка полтора хат, да и те такие, что смотреть жалко: солому с крыш отступающий неприятель скормил своим голодным лошадям, все двери и ворота были сорваны и, равно как и плетни и заборы, сожжены в кострах. Поодаль сиротливо стояла церковь, в которой также похозяйничали французы — все дома, которые были вокруг, сгорели.

Народу в селе, конечно, тоже поубавилось. Из мужиков кто-то ушел в ополчение, кто-то подался в партизаны. В то время пока французы тут проходили, бабы, старики да ребятишки, от греха и опасности подальше, спасались по окрестным селам да лесам, но все равно тогда от голода и болезней немало народу полегло, а некоторых и враги поубивали.

Однако когда французы прошли обратной дорогой, спеша убраться из России восвояси, жизнь в Аксиньино стала помаленьку налаживаться, сельчане возвращались на родное пепелище. Строиться заново народ пока еще не начал, так что в избах размещалось по две-три семьи, в жилые помещения превращали сараи, овины и прочие уцелевшие постройки.

В один из дней ребятишек из села послали в лес нарубить хворосту. Это раньше можно было в одиночку по дрова ходить, а теперь — только гуртом, потому как мало ли кого в лесу встретишь. Хотя была еще осень, но снег уже лежал, так что ребята — им было от двенадцати до четырнадцати лет, и только Корнею, самому старшему, пятнадцать — взяли салазки, вооружились топорами и отправились за околицу. Разговор, конечно, был о французах: рассказывали, что некоторые из них еще бродили по лесам... Конечно, как часто бывает, ребята хвастали напропалую, живописуя друг другу свои грядущие подвиги.

— Да я, когда этого самого француза встречу, — рассуждал самый младший, Ермошка, — сразу подскочу, и его штыком — раз! А что, я умею! Помните, когда тут наши проходили, мне солдат показывал, как штыком колоть надо... И я его, француза этого, тогда вот так штыком — раз!

— А у тебя штык-то есть? — спросил Корней, и все ребята засмеялись, потому как никакого штыка у Ермошки отродясь не бывало.

— Не, ребята, когда француза встретим, его топором надо! — продолжил разговор Корней, когда затих смех. — Или дубиной по голове, чтобы топор басурманской кровью не поганить...

Так шли они по лесной тропинке, рассуждая о своих грядущих подвигах и хвастаясь небывалой собственной храбростью, как вдруг из-за деревьев появился человек в оборванной синей шинели с красными эполетами на плечах, в высокой медвежьей шапке и с винтовкой в руках. Был он немолод, выглядел очень худым и измученным. Увидев ребят, он остановился.

— Француз! — ахнул кто-то, и все остановились.

— Ух ты!

— Француз, взаправдашний!

— Ну, давай, — плечом подтолкнул Корней Ермошку. — Как ты его хотел?

— У меня штыка нет, — буркнул тот в ответ. — Сам давай, вон топор у тебя...

Страха не было. Были растерянность и какое-то смущение: вид этого смертельно уставшего, измученного человека неожиданно вызвал в ребячьих сердцах дотоле незнакомые им чувства жалости и сострадания. Будь на его месте какой-нибудь здоровый молодец, ребята явно бы не струсили и воспользовались своим численным преимуществом, но в этом нечастном, поверженном неприятеле они уже не могли увидеть врага... А тот вдруг закашлялся, прижимая ладонь к груди, и на глазах у него появились слезы.

Медленно, готовые в любую секунду броситься прочь, мальчишки стали подходить к незнакомцу, который стоял спокойно, не выказывая ни страха, ни враждебности. Свою винтовку с примкнутым штыком он поставил прикладом на землю и оперался на нее.

— Ну что, мусью? — наконец окликнул его Корней как самый старший и самый смелый.

Впрочем, о чем спрашивать, он не знал. Француз попытался улыбнуться и сделал движение, словно бы что-то положил себе в рот, и ребята сразу поняли, что он имеет в виду.

— Кушать хочешь?

— Хлеба?

— Oui, oui!¹ Клеба! — забормотал француз. Хлеба у ребят с собой не было.

¹ Да, да! (франц.)

— Что делать с ним будем? Помрет ведь!

— Ну да, жалко. Человек ведь... Хотя и француз...

— А как народ к тому отнесется? Враг ведь...

— Враг — это когда в бою! А этот старенький и беспомощный...

— Ну, вот что, мужик, — обращаясь к незнакомцу, решительно сказал Корней. — Отдавай ружье, и айда с нами!

Француз ничего не понял, однако, когда мальчишки брали у него ружье и патронную сумку, не сопротивлялся. Он сделал несколько шагов, но движения были так тяжелы и неуверенны, что ребята подставили ему салазки и жестами показали, чтобы садился.

Какой же был для мальчишек триумф, когда они, радостно крича и бегом, втащили в родное Аксиньино салазки с пленным. По пути решили, что отвезут басурмана в церковь, к отцу Варсонофию, который был в селе самый умный и знающий, — и тот во всем разберется.

Хотя старенький сельский священник и не знал французского языка, но как-то понял, что пленника зовут Теодор Ренан, он гренадер Старой императорской гвардии. На мундире гренадера красовался крест Почетного легиона — высокая награда Французской империи.

Пленника пригрели в церкви, накормили, и он довольно быстро прижился в селе. Когда же он научился немножко говорить по-русски, то объяснил, что во Франции у него никого нет и возвращаться ему туда, наверное, незачем. Дядя Федор, как начали звать пленного мальчишки, оказался умелым механиком, который охотно брался за любую работу: он и водяную мельницу для всего села построил,

и ребятам удивительные игрушки делал. На селе его стали уважительно звать Федором Степановичем — почему Степановичем, никто и не знал. Ну, так повелось. Одно только плохо было: кашлял француз довольно часто, и грудь у него болела — наверное, застудил, когда бродил по лесам, отступая из Москвы, куда завел его Наполеон.

Лет пять прожил Федор Степанович — французский гренадер Теодор Ренан в селе Аксиньино, а потом тихо скончался от своей грудной болезни. Незадолго до смерти отец Варсонофий окрестил его по православному обряду.

Когда француз умер, по нему плакало все село, включая старенького священника, который искренне с ним подружился. Но больше всех, слез не скрывая, плакали те самые молодые парни, которые осенью грозного 1812 года, будучи совсем еще юными мальчишками, совершили очень непростой, но такой важный подвиг милосердия.

Дети осажденного Севастополя

Восточная война 1853—1856 годов у нас чаще называется Крымской, хотя боевые действия происходили тогда не только в Крыму, но и на территории Дунайских княжеств, и на Кавказе, и на Балтике, и даже на Камчатке... Но все же основные события разворачивались в Крыму.

20 сентября 1854 года произошло сражение русских с войсками англичан и французов на реке Альме, 13 октября — при Балаклаве, 24 октября — при Инкермане... Раненых оттуда везли в севастопольские госпитали и лазареты, сюда же каждый день привозили сотни и тысячи солдат, матросов

и офицеров, раненых на бастионах, жителей города, пострадавших при артиллерийских обстрелах. Медиков, сиделок и санитаров катастрофически не хватало, а потому в госпиталя сразу же стали приходить женщины и юные жители Севастополя. Кого-то из ребят приводили матери, прочие приходили сами. У одних среди раненых были родственники, у других — никого, но каждый старался сделать все возможное, чтобы облегчить страдания воинов. Дети приносили из своих домов посуду, кухонную утварь и одежду, щипали корпию — раздергивали ткань на нитки, употреблявшие вместо ваты, убирали коридоры и палаты, дежурили у больничных коек, подавая питье и еду. Кое-кто даже ассистировал при хирургических операциях, для чего нужно было иметь очень крепкие нервы: израненные конечности ампутировали без наркоза...

Исторические хроники сохранили имена юных сыновей прапорщика Толузакова — Венедикта и Николая, 6-летней Марии Чететкиной, двух ее братьев — 12-летнего Силантия и 15-летнего Захария и сестры — 17-летней Хавроньи, дочери поручика 15-летней Дарьи Шестоперовой и многих других юных героев, награжденных впоследствии медалями «За усердие».

Еще севастопольские ребята собирали неприятельские ядра, пули и даже неразорвавшиеся бомбы, которые потом возвращались врагу, выпущенные уже из наших пушек и ружей. Понятно, что собирать это добро приходилось не на свалке, а там, где стреляли, где было смертельно опасно.

Дети офицеров, солдат и матросов, не обращая внимания на артиллерийский огонь, приходили к отцам на бастионы, принося им воду, провиант, чистое белье. Немало ребят так и оставались со

своими отцами на батареях и бастионах Севастополя — тем более что дома у многих были разрушены и сгорели, — сами непосредственно участвовали в боях. Например, 14-летний Василий Даценко, получивший ранение осколком уже в конце обороны, 23 августа 1855 года; 14-летний Кузьма Горбанев — он был ранен 2 апреля, но после перевязки вернулся на родной бастион; 12-летний Максим Рыбальченко, исполнявший обязанности номера орудия — члена орудийного расчета на Камчатском люнете; матросские сыновья Иван Рипицын, Дмитрий Бобер, Дмитрий Фарсюк и Алексей Новиков... Многие из таких ребят были награждены Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость».

Но не всем этим героическим ребятам довелось дожить до конца войны. В числе погибших — Антон Гуменко, сын матроса 33-го флотского экипажа, сыновья матроса 41-го флотского экипажа Захар и Яков — фамилия их неизвестна... 29 марта 1855 года при обстреле 5-го бастиона погиб 15-летний Деонисий Толузаков, старший из братьев, сыновей прапорщика, похороненный на Военском кладбище на Северной стороне Севастополя...

Так исключительные обстоятельства превращали детей в героев.

Сын комендора (Коля ПИЩЕНКО)

Матрос 2-й статьи 37-го флотского экипажа Тимофей Пищенко был комендором, флотским артиллеристом, на батарее, расположенной на 4-м бастионе, считавшемся чуть ли не самым опасным местом в осажденном Севастополе. Бывало так, что

в течение суток на этот бастион непрерывно падало более двух тысяч вражеских снарядов! С 5 октября 1854 года, когда начались артиллерийские бомбардировки города, Тимофей поселился там, потому что на выстрелы мортир и пушек врага нужно было сразу же отвечать огнем из всех российских орудий и быть в постоянной готовности отразить очередной штурм неприятельских войск.

Вместе с отцом на батарее поселился и его десятилетний сын Коля, так как мать его давно уже умерла, и он жил с отцом при казарме флотского экипажа. Но ведь орудийная батарея — не летняя дача, там просто так жить и прохлаждаться нельзя, хотя бы потому что человек, не знающий куда себя деть и чем заняться во время обстрела, может просто умереть со страху. Да и количество народу на батарее уменьшалось довольно быстро: кого-то ранили, кого-то убили — и ведь каждый день, и помногу человек, а пополнения приходили небольшие... Поэтому с того же самого первого дня для Николки Пищенко были определены совершенно взрослые занятия: «банить» орудие — то есть брать «банник», здоровенную круглую щетку из конского волоса на длинной оглобле, и после каждого выстрела прочищать ствол орудия от порохового нагара, — а затем подавать «картузы» с порохом. Настоящим праздником для юного артиллериста было, когда отец разрешал ему поднести пальник к затравочному отверстию пушки — выстрелить.

Стоя в стороне от орудия, мальчик прижимал к затравке тлеющий фитиль, порох вспыхивал, а потом пушка оглушительно рявкала, выбрасывая в сторону врагов огромное чугунное ядро, которое с низким гулом улетало куда-то далеко-далеко и там безошибочно поражало цель, а само тело орудия,

окутанное клубами дыма, отскакивало назад вместе со своим большим деревянным корабельным лафетом. Тут же на него наваливались комендоры, накатывали орудие на прежнее место, и нужно было снова «банить» ствол...

Пять месяцев воевал на батарее комендор Тимофей Пищенко, но в какой-то черный день он был насмерть сражен прилетевшим с той стороны ядром. Так Николка остался сиротой. Но мальчишку, который сам был уже опытным, обстрелянным комендором, не бросили, хотя командир сразу распорядился перевести его на другую, менее опасную батарею, поближе к городу. Хотя где в осажденном Севастополе было безопасно? Бомбы и гранаты с кораблей союзников падали и взрывались на любой улице или площади, да и атаки врагов можно было ждать буквально на любом участке обороны.

Смышленный и бойкий мальчуган сразу пришелся по душе и командиру, и своим новым товарищам-матросам. К тому же тут для него нашлось важное дело: на батарее оказалось девять маленьких мортирок — «маркел», как называли моряки эти орудия, — снятых с какого-то небольшого корабля. Тогда, чтобы преградить путь пароходам противника в гавань осажденного города, на севастопольском рейде были затоплены многие корабли эскадры, и верхушки их мачт возвышались над водой, подобно частоколу. Артиллерийские орудия с кораблей, разумеется, снимали. Наставником Пищенко выступил один старый матрос, и Коля быстро наловчился отправлять мортирные гранаты в самую гущу наступающих на город врагов, рассчитывая траекторию полета снаряда. Впрочем, это было не так уж сложно: он твердо знал, что если солдаты противника добежали до корявого сухого дерева,

нужно положить в ствол столько-то пороха, а если до плетня — в два раза меньше... Приходилось ему участвовать даже в рукопашных схватках, когда французы слишком близко подходили к батарее, и комендоры, похватав у кого что было — кто ружье, кто тесак, а кто и банник, — бросались им навстречу. Когда же в какой-нибудь особенно опасный момент командир пытался отправить юного героя с батареи, он заявлял вполне по-взрослому: «Маркелами заведу, при них и умру!».

После оставления нашими войсками Севастополя Николай Пищенко, награжденный Георгиевским крестом, был переведен в Санкт-Петербург, в школу кантонистов — то есть солдатских детей, которые служили с малолетства, — Гвардейского экипажа. Служба его в гвардии продолжалась, однако, недолго: уже в 1866 году он был уволен за выслугой лет, то есть отслужил все положенное сполна. А ведь в то время солдаты служили в армии по пятнадцать лет. Николаю же было всего 22 года! Ведь всем севастопольским героям месяц службы в осажденном городе засчитали за год. А Николай Пищенко провел на бастионах осажденного Севастополя полный срок — 11 месяцев.

Память юного воина до сих пор сохраняется в городе русской морской славы — Севастополе, одна из улиц которого носит имя Николая Пищенко.

«Надо помочь братушкам!»

(РАЙЧО НИКОЛОВ)

Как известно, многие исторические события впоследствии повторяются в похожем варианте — в том числе и подвиги. В историю Великой Отече-

ственной войны, например, вошли такие понятия, как «подвиг Александра Матросова», «подвиг Николая Гастелло»... Если следовать такому примеру, то про Иродиона — коротко это болгарское имя звучит как Райчо — Николова можно сказать, что он повторил подвиг Мальчика с уздечкой. Хотя, конечно, повторить подвиг нельзя — его можно только совершить, отдавая всю свою душу, а нередко и саму жизнь. Вот и он продолжил традицию подвига, даже, очевидно, не зная, что нечто подобное уже было в стародавние времена...

В июне 1854 года, в то время когда Русская армия сражалась в Крыму против десантов англичан и французов, боевые действия происходили и на Балканах — в Дунайских княжествах, где на левом берегу реки Дунай находились русские войска, а на правом — турки. Однажды так случилось, что Райчо Николов, тринадцатилетний сын сапожника из села Травны, хорошо понимавший турецкий язык, услышал разговор о намерении турок скрытно переправиться через Дунай на остров Родамас и напасть на находившихся там русских...

Болгары турок не любили. И дело было совсем не в том, что одни молились Христу, а другие поклонялись Аллаху: если люди уважают друг друга, то они живут в мире и согласии вне зависимости от своих убеждений и веры. Однако с тех пор как еще в конце XIV века турки вторглись на Балканы, они стали наводить там свои порядки, грабить и угнетать местное население. Болгары, сербы, валахи, молдаване и люди всех прочих национальностей, жившие на территории Балканских княжеств, с надеждой смотрели на своего могущественного соседа — Россию, видя в нем будущего избавителя от захватчиков...

Райчо побродил вокруг огромного турецкого лагеря, расположенного на самом берегу реки рядом с Руцукской крепостью, посмотрел, что там происходит. Увидел спрятанные в кустах лодки, пушки, подтянутые поближе к берегу и тоже укрытые от посторонних взглядов. Да и количество народу в лагере в последнее время явно увеличилось, палаток стало гораздо больше, пришли новые таборы — подразделения турецких войск.

— Папа, разреши, я предупрежу русских? — спросил мальчик, возвратясь к отцу.

— Доброе бы дело — помочь братушкам! — согласился сапожник. — Но как? Турки же вокруг! Они же к берегу никого не подпускают...

— Я придумал. Слушай...

На следующее утро в турецком лагере появился болгарский мальчик с большим пустым ведром, который, весело насвистывая, шел прямо к реке.

— Dug! — кричат часовые. — Стой!

Райчо послушно останавливался и, делая вид, что не говорит по-турецки, показывал свое ведро, изображал, словно бы зачерпывает воду, а затем весь изгибался, словно бы тащил тяжеленный груз. Турки понимали, смеялись — очень уж забавно у него это получалось — и пропускали. Чего парнишке в обход лагеря тащиться? Солдаты ведь, даже турецкие, сами по себе народ простой и добрый — гораздо лучше тех же чиновников, которые только и думают, где бы чего украсть.

Дошел Николов до берега. Набрал полное ведро воды. Поднял его, весь перекосившись от тяжести. Поставил. Подумал о чем-то, на свое ведро глядя. День был жаркий, поэтому никто из турок не удивился, когда мальчишка разделся и полез в воду купаться. Поплескался Райчо на мелководье,

а затем нырнул и быстро-быстро поплыл к левому берегу. Вынырнул глотнуть воздуха — и опять глубоко нырнул.

Турецкие часовые, которые от скуки безотрывно за ним наблюдали, стали кричать, чтобы он возвращался. Но куда там! Плывет мальчишка и плывет. Тут уже солдаты встревожились, кто-то вскинул ружье, грянул выстрел, и пуля шлепнулась в воду неподалеку от Райчо. Когда же он еще сильнее заработал руками, поплыл быстрее, то всем стало ясно: лазутчик, шпион! Вот тут уже по нему начали стрелять все часовые, а потом и другие солдаты, которые, похватав свои ружья, подбегали к берегу.

Вода вокруг закипела, забулькала, запузырилась, как во время сильного дождя с градом. Мальчик стал нырять все чаще, резко изменяя направление движения под водой. А река тут была широкая, саженой пятьсот — то есть около километра. Но Райчо, выросший на берегу Дуная, плавал как рыбка.

Тогда турки зарядили пушку и выстрелили картечью. Хорошо, мальчик успел нырнуть — десятки пуль вспенили воду вокруг. Пожалуй, еще пара выстрелов — и все, пропал бы! Но на войне так заведено: если противник стреляет — значит, надо выстрелить по нему в ответ. Переполох на турецком берегу был замечен в русском лагере, и как только раздался первый пушечный выстрел, русские артиллеристы ответили картечью прямо по турецким позициям. Тогда и турки стали стрелять по русским, а плывущий по реке маленький беглец оказался ими забыт.

Но русские его ждали — не зная, кто это и зачем, поэтому солдаты на берегу стояли, держа ружья на

изготовку. Райчо вылез из воды, перекрестился и прочитал молитву «Отче наш». Все ясно — свой, православный!

Мальчишку тут же одели в то, что было под рукой, накормили, передали, что называется, по команде — от одного командира к другому, более старшему и так до самого начальника отряда. Через переводчика Николов очень толково рассказал обо всем, что разузнал про планы турок и что видел на правом берегу реки. Когда же генерал его поблагодарил, Райчо встал перед ним на колени и попросил сообщить отцу, что он жив и все в порядке.

— Сообщим, — улыбнулся генерал.

Два дня спустя турки действительно атаковали русские позиции на острове Родамас, но там их ждали, хорошо подготовились к встрече, так что ответили метким огнем, и противник был отброшен с большими потерями...

Император Николай I высоко оценил подвиг 13-летнего героя. Ему были вручены медаль «За усердие» на красной Анненской ленте и 10 полумпериалов — большая по тем временам денежная сумма. Несколько позже отец Райчо также получил денежное пособие в сто червонцев. Но главное, чем был осчастливлен мальчик, — царь выполнил его просьбу, разрешив ему остаться в России, выучиться русской грамоте и поступить на военную службу.

Через несколько лет Иродион Николов выучился и стал офицером пограничной стражи на молдаво-валахской границе — поближе к своим родным местам. Как русский офицер он был возведен в дворянское достоинство.

Когда в 1870-х годах началась борьба за освобождение Болгарии от османского владычества, многие русские офицеры, еще до того как Россия

вступила в войну, отправились на Балканы добровольцами — сражаться с турками. Подполковник Николов стал командиром отряда одной из болгарских дружин. За мужество, проявленное в боях, его наградили орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

Но коротка оказалась жизнь нашего героя: он был смертельно ранен во время ожесточенных боев на горе Шипке и похоронен здесь же, в родной земле.

Командир Варяга и Корейца (САША СТЕПАНОВ)

27 января 1904 года японские боевые корабли внезапно напали на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур. Так началась русско-японская война, к которой ни царь Николай II, ни российское правительство, ни командование Русской армии оказались не готовы, хотя о возможности такой войны все они давно знали и даже были уверены в безусловной победе России. В этой войне были громкие сражения, блистательные подвиги и замечательные герои, но нашей победы в ней не было. Можно сказать, что эту войну проиграл именно Николай II — из-за своей бездарной государственной, военной и экономической политики, своего отношения к армии и подбора армейского руководства.

Событиям этой войны посвящено несколько очень интересных книг русских советских писателей, в том числе роман «Порт-Артур» Александра Николаевича Степанова. Но мало кто знает, что автор этой книги видел описываемые им события

собственными глазами, будучи юным героем обороны крепости...

С незапамятных времен в дворянском роду Степановых все мужчины служили в артиллерии. Стать офицером-артиллеристом мечтал и маленький Саша, который уже учился в Полоцком кадетском корпусе, в нынешней Белоруссии. Однако в 1903 году его отца перевели в Порт-Артур, и вся большая семья Степановых поехала на Дальний Восток. Саше было одиннадцать лет, и родители решили не оставлять его одного, а потому забрали из корпуса, так что пришлось кадету снимать погоны и поступать в реальное училище — в школу, где давали образование с упором на изучение математики и точных наук. Конечно, мальчик сильно расстроился: одно дело — кадет, военный человек, и совсем другое — реалист, «штафирка»! Но знал бы Александр, какие боевые испытания предстоят ему в самом скором времени...

Отец его был назначен командиром артиллерийской батареи так называемого Малого Орлиного гнезда. Саша ходил в училище, обзавелся новыми друзьями. Мама вела домашнее хозяйство, занималась младшими детьми. Жизнь семьи постепенно входила в привычную колею — все было так же, как в России.

Вот только вскоре началась война. После того как близ Порт-Артура загремели морские бои, а на улицах города стали рваться снаряды, пущенные с японских кораблей, было принято решение об эвакуации семей офицеров. Уезжали и Степановы — мама, Саша, его младший брат и две сестры. Отец усадил их всех в купе железнодорожного вагона, расцеловал на прощание, долго махал рукой вслед поезду, думая о том, придется ли еще свидеться...

А через два дня Александр вернулся. Оказалось, он сбежал из поезда на первой же станции. И что с ним было делать?! Отец его выпорол, но оставил на своей батарее. Как говорится, поезд ушел — и в том, и в другом смысле.

22 апреля близ Порт-Артура высадился японский десант, а уже 28-го крепость оказалась в блокаде. Теперь японские орудия стреляли по ней ежедневно и довольно часто, а порт-артурские орудия отвечали огнем. Сначала Саша боялся этих обстрелов, прятался в отцовский блиндаж и сидел там, пока не прекращали греметь разрывы снарядов, но вскоре привык и, как и солдаты, уже не обращал на стрельбу особого внимания.

На батарее он пробыл несколько месяцев. А поскольку просто так, ничего не делая, жить на позициях нельзя, то скоро он принял на себя обязанности помощника командира батареи. Мальчик не только передавал на огневые позиции приказания своего отца, но и проверял правильность установки прицела: солдаты в основном были неграмотны и часто ошибались, а он как кадет имел определенные навыки в артиллерийском деле. Когда же разрывы японских снарядов обрывали линию телефонной связи, Саша, невзирая на обстрел, отважно «бежал по проводу», искал место обрыва и чинил.

Обстановка в осажденной крепости ухудшалась с каждым днем. Не хватало боеприпасов, воды и продовольствия, солдаты погибали не только под вражеским огнем и при отражении японских атак, но также и из-за различных болезней, которые буквально косили гарнизон.

Заболел и был направлен в госпиталь капитан Степанов, так что Саша фактически остался безпризорным. Впрочем, не он один — в крепости

были и другие сыновья офицеров, матери которых уехали, а отцы находились в госпитале или погибли. Тогда этим ребятам поручили помогать водовозам при развозке воды по фортам и укреплениям крепости: водопроводов или водоводов не было, и воду по гарнизону развозили по ночам в больших 20-ведерных бочках, укрепленных на телегах. Каждую бочку везла запряжка из двух осликов.

Днем ребята мыли и чистили бочки, доверху заливали их водой, а вечером, когда над осажденной крепостью сгущались сумерки, передавали запряжки солдатам-водовозам, которые расходились по своим маршрутам, а сами дожидались их возвращения. Мальчишкам нужно было также присматривать за осликами: кормить, поить, чистить, запрягать.

Своих длинноухих подопечных Саша назвал громкими именами Варяг и Кореец — в честь русских кораблей, геройски погибших в неравном бою с японцами в первый же день войны. Варяг был здоровее Корейца, но ленив и упрям — если он артачился, его нельзя было сдвинуть с места ни понуканиями, ни лакомствами, ни побоями. Но вскоре Степанов узнал, что когда на ослика плеснешь водой, он сразу же становится покорным и идет, куда велят.

Бои не прекращались, продолжались обстрелы, и количество солдат, оборонявших Порт-Артур, неумолимо сокращалось. Уже через некоторое время ребятам пришлось заменять возниц и уже самим возить воду на передовую. Саше Степанову достался маршрут от батареи Литера «Б» до форта № 2 — длиной около полутора километров. Стреляли японцы или нет, но он каждую ночь вел по этому нелегкому пути своих упрямых Варяга и Корейца,

запряженных в тяжеленную бочку, останавливался в определенных местах и раздавал солдатам воду в точно установленном, рассчитанном объеме: на одном укреплении два ведра, на другом — три... Ведра были большие, тяжелые, так что к концу пути и спина болела, и руки не слушались. Не детская, конечно, это была работа, но война и осада вообще к детским занятиям не относятся.

В начале ноября 1904 года около домика, где жил Саша, разорвался японский снаряд. Дом рухнул, у Степанова оказались повреждены обе ноги, и мальчика отправили в госпиталь. Когда же он поправился, то поехал на одну из батарей бухты Белого Волка, где находился его отец, опять командовавший артиллерийскими орудиями. И Саша продолжал там свою боевую службу.

20 декабря 1904 года русское командование предательски сдало крепость, хотя защитники Порт-Артура еще могли и были готовы сопротивляться. Взятых в плен русских солдат и офицеров победители увезли в Японию, так что 21 января 1905 года Саша Степанов вместе с отцом оказался в городе Нагасаки.

Там юный герой обороны Порт-Артура пробыл недолго: через несколько недель вместе с больными солдатами и офицерами его отправили на пароходе в Россию. Маршрут пролегал через Шанхай, Манилу, Сингапур, Коломбо, Джибути, Порт-Саид, Константинополь — такие названия, что у любого мальчишки голова пойдет кругом.

8 марта в одесском порту Сашу встречала его мама... С момента его приезда на Дальний Восток прошло всего только полтора года.

«МИРНЫЕ ДЕТИ ТРУДА»

Так назвал героев одного из известнейших своих стихотворений замечательный русский поэт XIX века Николай Алексеевич Некрасов. Ребята, о которых пойдет наш рассказ, жили почти в то же время, что и он — может, немного позже. Они не носили офицерских эполет или солдатских погон, не участвовали в сражениях, их не награждали орденами и медалями — но так уж случилось, что каждому из этих простых крестьянских ребятишек, живших в различных уголках России, этих «мирных детей труда», в какой-то момент пришлось рисковать своей жизнью ради спасения других людей. Не важно, родных или совершенно незнакомых. Главное, что все они поступили тогда именно так, как велела им совесть, как подсказало сердце.

После этого каждый из них прожил свою самую обыкновенную, но нет сомнения, что честную, достойную и, дай Бог, долгую и счастливую жизнь людей, которые работают на своей родной земле.

И потому еще раз вспомним слова поэта Н. А. Некрасова:

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —
Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Здесь есть над чем задуматься человеку, только еще вступающему в жизнь.

Ангара — река своенравная (Тимоша ГРЕЧИН)

В озеро Байкал впадают 336 рек и ручьев, а вытекает из него одна лишь Ангара — река быстрая, широкая, бурливая, своенравная, очень холодная.

На берегу вдоль Ангары, где-то в Иркутской губернии, растянулось большое село Воробьево, к которому вплотную подступала дремучая тайга. Из избы выйдешь, посмотришь — как стена зеленая перед тобой стоит. Места тут красивые, заповедные, но для того чтобы распахивать поля, нужно было сначала вырубить вековые деревья, выкорчевать пни, а потом уже обрабатывать пашню. Однако воробьевские крестьяне нашли иной выход: посреди реки находился большой остров, который они и превратили в свое поле, куда приходили по реке на лодках и баркасах. В страдную пору туда обычно отправлялись ранним утром, а возвращались лишь поздним вечером...

Однажды погожим днем, когда народ уже вовсю трудился на своем островном поле — началась жатва, уборка хлебов, — работник зажиточного крестьянина Гречина повез к хозяину лошадь на большом баркасе. С ним вместе отправился хозяйский сынок Тимоша, парнишка лет пятнадцати. Из самого Тимоши работник, к сожалению, был никудышный — мальчик для своих лет маленький, тихий, слабый, да еще и хромой. Зато нрава он был доброго, незлобивого, про таких говорят — мухи не обидит, и люди его жалели. Обычно он оставался дома, а не трудился в поле со всеми вместе.

— Чего собрался, Тимоша? — ласково спросил работник. — Что дома не сидится?

— А что сидеть, когда все в поле? — отвечал тот. — На острове хорошо, свежо, с людьми весело! Да может, и я отцу чем помогу...

Пока они собирались в путь, заводили лошадь по сходням на баркас, а она, конечно, боялась, не шла, потом там ее привязывали, из своей избы вышел молодой крестьянин Хрисанф Ступин — здоровяк и крестьянин справный, да только был он еще немножко навеселе, не успел прийти в себя после вчерашнего праздника, вот и проспал общий отъезд на остров.

Окликнул его работник, но Хрисанф не ответил, глаза прятал, стыдно было, что загулял. Сел он в свою углую лодочку, стал торопливо грести, чтобы скорее наверстать упущенное — весла гнутя, лодка по реке прямо-таки летит. Течение у Ангары бурное, лодчонка на волнах пляшет, раскачивается, с боку на бок переваливается. И вдруг беда: лодку качнуло, и новенький серп, который мужик небрежно бросил на кормовую банку — заднюю скамейку, скользнул по доске и упал за борт, в воду. Ну и, конечно, напрямик на дно. Крестьянин и не сообразил, что, как говорится, пиши пропало, серп утонул безвозвратно, и за ним дернулся. Ведь серп денег стоит, чтоб его купить — нужно в город на ярмарку ехать, да и что теперь без него на острове делать?! Но тут лодка сильно качнулась, легла на борт и опрокинулась, а Ступин в воду упал. Как назло, все это произошло на самом глубоком месте. Лодчонка плывет вверх дном, ее течение сносит, а Хрисанф в воде пытается свое суденышко догнать, но тут и его понесло куда-то в сторону.

— Люди добрые, помогите! Спасите! Тону! — закричал мужик.

Но кто его услышит, когда весь народ на острове?

Только Тимоша и увидел произошедшее — работник баркасом управлял и по сторонам не глядел. Ни слова не говоря, перескочил мальчик в маленькую лодочку, что была привязана к корме баркаса, схватил весла и погреб к утопающему — хорошо, тот ниже по течению оказался, грести легко было. Впопыхах мальчишка сел лицом не к корме, а к носу, и могучая река так и понесла лодочку вперед кормой.

— Хватайся за корму! — крикнул он мужику, подплывая.

Да куда там! Когда человек тонет, он разум теряет — не зря говорят, что утопающий хватается за соломинку. Вот и Хрисанф Ступин вцепился намертво в борт лодки, потянул на себя, пытаясь в нее забраться. Накренилась лодочка, воду бортом черпнула. Еще миг — и перевернется, оба в воде окажутся, и тогда спасения уже точно не будет. Но Тимоша самообладания не потерял, на другой борт навалился, даже через него перегнулся — и выровнял лодку. А мужик, воды наглотавшийся, промерзший, уже из сил выбился и просто на борту повис, держится из последних сил. Но ведь, не дай Бог, пальцы разожмет — и все, утонет! Тогда парнишка, от своего борта не отклоняясь, изловчился и руку к нему протянул, ухватил за волосы, потащил к себе. И ведь шуплый такой, хилый, как про него говорили, но сумел он затащить здорового мужика в свою лодку! Тот упал на дно, замер, да так и лежал и дышал тяжело, пока до берега не доплыли...

Бездонный колодец (Миша МАТУШКИН)

Случилось это в те дни, когда только окончились Рождественские праздники, а зима была в самом разгаре, все вокруг снегом усыпано, куда ни глянь — бесконечные белые поля расстилаются, за горизонт уходят. И лес стал белым, и речка, льдом покрытая. В самом селе от улиц только тропинки в снегу протоптанные остались, да по дворам снег расчищен, а так — сугробы высоченные! Детворе раздолье — хоть весь день с улицы не уходи. Можно на санках или ледянках с берега кататься, можно снежную крепость выстроить и от врагов ее оборонять... Никакой мороз тут не страшен.

И вот в один такой морозный и солнечный день в селе Казанки, что в Самарской губернии, на Волге, ребята, те, что постарше, затеяли играть в снежки. Собрались за околицей, ну и пошли с веселыми криками стенка на стенку, не жалея закидывали друг друга увесистыми снежными комками. Смотрел на эту потеху десятилетний Андрюшка Татьянин, завидовал и радовался — здорово! Как будто снежные тучи по земле кружатся! Только тут и самому надо было быть осторожным, чтоб крепким снежком нос не разбили, чтобы самого в этой кутерьме не помяли, не затоптали нечаянно... Вот и крутился мальчишка — щеки от ветра и мороза красные, как два снегиря, — неподалеку от играющих, но близко не подходил, отступал предусмотрительно, зато кричал громко и азартно:

— Так ему! Так ему! Дай еще! Не трусь! Вперед!

Мыслями и сердцем он был там, в самой свалке, и представлял себя самым сильным, самым храбрым, но понимал, что мал еще и слаб, и потому

благоразумно стоял в сторонке. Не пришло еще его время для таких проказ. А как же ему сейчас хотелось поскорее подрасти!

Тут одна «команда», или как ее назвать, надругой перевес взяла, теснить стала. Андрюшка-то как раз позади отступающих оказался и вместе с ними отходить начал, только на некотором безопасном от них расстоянии. Так он, раскрыв рот, на них смотрел и пытался, что не заметил, как до колодца дошел. Сруб у колодца высокий был, но теперь столько снега насыпало, что все вокруг сугробами занесло, и колодец чуть ли не искать приходилось. Накрывала сруб большая деревянная крышка, но она в мороз настолько снизу обледенела, что едва мальчишка спиной ее коснулся, того даже и не почувствовав, как крышка съехала и на снег за колодец упала, открыв семисаженную пропасть со стылой водой внизу... А сажень, как известно, более двух метров будет.

Тут сделал Андрюша еще один неверный шаг, зашнулся за бревенчатый сруб, закричал испуганно, руками взмахнул, но не удержался — и полетел в колодец вниз головой, только подшитые валенки сверкнули.

Заметили ребята это сразу, закричали: «Андрюшка в колодце, спасите!». Все столпились вокруг, но дальше-то что делать? Колодец глубокий, прямо-таки бездонный, стенки сруба изнутри толстым слоем льда покрыты, зацепиться не за что, упереться не во что — как туда невредимым спуститься, а главное — как потом оттуда выбраться да еще вытащить мальчика, попавшего в беду?

Тем временем со всего села стали сбегаться люди. Мать Андрюшки к односельчанам бросается, плачет, умоляет: «Помогите! Спасите сыночка!

Один он у меня!» А что тут поделаешь, как материнскому горю поможешь? Стоят все, глаза потупив, молчат угрюмо, с ноги на ногу переминаются... Вот и широкоплечий здоровяк Андрей Гольшев вздыхает, не знает, чем помочь. Хотя, как только суматоха началась, он первым делом в сарай забежал, схватил веревку, к которой деревянное ведро привязано было — как раз из этого колодца воду доставали. Но она тонкая у него была, ветхая, да еще и в узлах. Ведро с водой выдержит, а вот мужика дюжего — нет. В общем, никчемная сейчас вещь, бесполезная. Да и ему самому в замерзшем колодце, если бы полез, было бы не развернуться.

Неподалеку от колодца стояла изба старосты. Как раз в тот самый момент деревенский начальник послал с каким-то поручением к соседу смышленого парнишку лет шестнадцати — Мишу Матушкина. Вышел тот из избы, увидел, что народ толпится, подбежал к колодцу, все с полуслова понял. Скинул полушубок:

— Дядь Андрей, веревку давай!

— Ну, смотри, парень! — только и сказал Гольшев, протягивая веревку с ведром.

Понимал: тут одного пацаненка не вытащить, а ежели двух?! Но и стоять просто так нельзя — не по-людски это получается.

Стал мужик себе другой конец веревки на руку накручивать, чтобы надежно было, не выпустить случайно — теперь от этой веревки сразу две жизни зависели. Миша взобрался на сруб, сел на ведро, перекрестился:

— Опускай!

Андрей Гольшев начал медленно стравливать веревку в колодец. Холодно было, мороз, и руки у него голые, так что обледеневшая веревка сразу же

их до крови порезала, да еще и Мишка Матушкин не маленький пацаненок был. Тут подскочил другой крестьянин, Василий Завалихин, поддержал, помог — так они вдвоем парня в колодец, в темную ледяную пещеру, и опустили.

Увидел Миша, что Андрюшка Татьяна на поверхности воды лежит: то ли одежонка еще не намочла и вниз его не потащила, не то раскорячился он так, в стенки колодца уперся — тут уж не время разбираться было. Хотя парнишка не шевелился и глаза у него были закрыты, но видно было, что живой, дышал он тяжело и прерывисто. Взял его Миша на руки, крикнул:

— Еще веревка есть?

Оказалось, уже вторую веревку принесли и сразу же ему конец сбросили. Тогда он обвязал мальчика под мышками, сказал, чтобы поднимали. Вытащили Андрюшу. Затем, вслед за ним, и Мишу Матушкина. И хоть пришлось ему искупаться в холодной воде, но ничего, выдержал. А бедный Андрюшка Татьяна долго потом болел — то ли простудился крепко, то ли просто с перепугу...

К чему ведет озорство...

(Гриша СТРАННИКОВ)

Василий Чекалов, староста села Ивановское, отец двенадцатилетнего Гриши, был человек строгий, требовательный, но дельный и к людям справедливый. Мужики его за это уважали, хотя и побаивались. Сам староста работник был хороший, справный, а потому при деньгах; вот и купил он как-то на ярмарке коня Сивку — красивого, статного, норовистого. Гриша, сынок, в новом коне души не чаял — и чистил его, и

поил... Прямо как хозяин для него был, и все другие ребята в селе это видели и ему завидовали.

Однажды сказал отец Грише отвести Сивку на озеро — искупать. Гриша позвал своих приятелей-ровесников, все и пошли, благо день был летний, знойный, самый подходящий для купания. Народ-то взрослый весь в поле был, сенокос в самом разгаре — недаром же говорят, что один летний день весь год кормит. Ну а ребятам тогда приходилось всякую домашнюю работу справлять.

Начали они плескаться у берега, потому как родители строго-настрого им запрещали далеко заплывать и могли, если бы узнали, за это всыпать «горяченьких». Но вот Гриша перед товарищами пофорсить решил.

— Эй, смотрите, как я! — гордо крикнул он товарищам.

Сел мальчик на спину неоседланного коня, правой рукой подбоченился и направил его прямо в озеро. Тот спокойно пошел, а как зашел поглубже, то и поплыл. Гриша верхом сидит, за гриву держась, красуется, а все другие ребята смотрят на него и завидуют — каждому из них хотелось бы вот так прокатиться на коне по озеру... Только потом понял старостин сынок, что Сивка уж слишком далеко от берега уплыл, оказался на глубоком месте — и стал он коня обратно поворачивать. А тот-то норовистый, не хочет, плывет себе и плывет, только пофыркивает. Задергался мальчишка, запаниковал и с перепугу в воду свалился! Конь же, как ни в чем не бывало, дальше поплыл. Известно, что на человека лежащего конь никогда копытом не наступит, но вот спасать утопающих кони не приучены.

Место глубокое, до берега далеко, Гриша совсем перепугался, да и устал здорово, пока с Сивкой

пытался управиться. Забил мальчишка по воде ручонками, закричал, так что еще и воды наглотался.

Хорошо приятель его — другой Гриша, по фамилии Странников, — не растерялся, бросился на помощь. Плышет саженками и кричит:

— Держись, брат, я сейчас!

Подплыл, схватил друга за волосы, за собой потащил. А Гриша Чекалов уже еле дышит, чуть шевелится... Все-таки дотащил его приятель до берега, тут другие ребяташки подбежали, на траву его выгасили и откачали. Ожил мальчишка, в себя пришел.

Так потом строгий староста Василий Чекалов Гришу Странникова при всем селе благодарил. В ноги ему поклонился и сказал: «Спасибо, Григорий, вовек не забуду!» А ведь парнишке-то всего 12 лет было — и такое уважение! Но, конечно, было за что.

«Главное — сестричка жива!»

(Володя КОШТИН)

Не везло в жизни крестьянину Осипу Коштину, что проживал в селе Новая Слобода Курской губернии. Хотя и мужик он был справный, работающий и достаток в доме имел, хозяйство держал большое, все в том хозяйстве имелось — да только счастья не оказалось. А без счастья — что это за жизнь? Еще когда его сыну Володьке всего только пять лет было, умерла любимая жена Коштина, вдвоем их оставила. Погоревал мужик, нанял няньку — молодую, красивую Агафью, чтоб за парнишкой приглядывала, пока он в поле работает, и по дому помогала. Хорошая девушка была — работающая, аккуратная, добрая, о людях заботливая, и полюбились они с Осипом друг другу, вот и обвенчались

два года спустя. Мальчишка в мачехе души не чаял, только мамой ее и звал — она ему как родная была...

Но вскоре опять пришла беда в дом к Осипу. Когда Володьке было двенадцать, Агафья родила ему сестренку, а сама через день умерла. Девчущку, в память о покойной матери, тоже Агашей окрестили.

Внезапное горе просто согнуло Осипа — и так уже не молодой мужик был, а тут вообще постарел буквально на глазах. Надо бы было теперь для младенчика няньку взять, да он наотрез отказался. И то хорошо, что девочка тихая была, смиренная, вся в матушку. Уйдут мужики на работу — а Володьке, несмотря на малые годы, наравне с отцом трудиться приходилось, — оставят Агаше рожок с молоком, она и довольна: лежит, улыбается. То спит, то бормочет чего-то на своем младенческом языке и при этом улыбается, то молочко сосет — не плачет, не капризничает. И отец, и брат в малютке своей души не чаяли.

— Вот оно теперь, наше счастье! — говорил, глядя на дочку, Осип, а у самого слезы на глаза наворачивались. — Беречь ее надо...

И вот однажды, в сентябре дело было, озимые пора было сеять, ушли Осип с сыном в поле — верстах в двух от дома. Агаше, как всегда, полный рожок молока оставили.

Работали мужики старательно, дело спорилось, а в полдень пообедали и легли под кустом, в тенечке, передохнуть немного. Вдруг слышат — набат загудел, колокол церковный часто-часто тревогу бьет. Значит, беда какая-то в селе случилась. Глянули — точно, над домами черный дым столбом поднимается. Сразу же все побросали, побежали туда, где огонь занялся. Оно ведь как на деревне было: если пожар, то его только всем миром, всем обществом

победить можно, и неважно, у кого горит — дома тесно друг к другу стояли, огонь запросто с одного на другой перекидывался. И если, бывало, не успеют люди, зазеваются, замешкаются — глядят, а тут уже и вся улица занялась. Огонь для русской деревни, где все дома из дерева рублены, — первый враг! «Вор хоть стены оставляет, а пожар ничего не щадит!» — была такая грустная присказка.

Вот и сбегался народ со всех сторон — кто ведра с водой тащил, чтобы огонь заливать, кто багор нес — горящие бревна растаскивать...

Подбегая, увидели, что горела, во всю уже полыхая, изба самого Осипа. Крыша соломенная уже в огне, бревна почернели, потрескивают, языки пламени по ним скользят...

— Как же так, батька?! — только и сумел вымолвить Володя, глядя на эту ужасную картину.

Но как, почему изба загорелась — узнай, попробуй! Да и неважно тогда это было. Главное, о чем сразу оба Коштина подумали, — в доме малый ребенок остался, Агаша их ненаглядная, дочурка и сестричка.

Хотел Осип броситься в горящее свое жилище, да понял, что силы у него уже не те, так что и сам погибнет, и ребенка не спасет. Тогда к избе бросился Иван Мохнаев, свояк Коштина — муж сестры покойной его жены Агафьи. Но только он подошел, как с пылающей крыши прямо на него свалился пук горячей соломы и крепко обжег мужику руку. Остановился тот, растерялся. Тут ведь дело такое: если сразу, очертя голову, в огонь бросишься — то сумеешь, а если думать начнешь, как оно и что, — пиши пропало, уже себя не заставишь... В общем, не смог Мохнаев в избу горящую войти. Да тут как раз в сенях крыша с грохотом обвалилась. Вот-вот и вся изба рухнет...

— Спаси, сынок! — пробормотал Осип.

И понял тут Володя, что если не он, так больше этого сделать некому! Кинулся он в горящую избу, откуда страшным жаром палило, хотя кто-то и кричал ему вслед:

— Куда ты, парень, пропадешь!

Заскочил. Страшно в родном доме стало: нестерпимо жарко, все в дыму, рот противной горечью наполнился, глаза режет, слезы текут, дышать нечем, ничего не видно, а сверху, над головой, кровля зловеще трещит... Где же Агаша, роднучка, живали она, маленькая?! Так-то он бы ее сразу нашел, что днем, что ночью — а здесь, в этом дыму... Но не растерялся мальчишка — ударил кулаком по стеклу, руку в кровь порезал, но зато дым из разбитого окна наружу пошел, в избе чуть прояснилось, и он сразу колыбельку увидел. Схватил младенчика, в одеяльце обернул, к груди прижал — и прочь из избы!

Как только Володя во двор выскочил, с грохотом рухнула крыша, столб пламени вверх взметнулся. Вот и нету избы, дома родного!

Что ж, жалко, конечно, что и говорить. А впрочем, чего об избе горевать, если сестренка жива? Изба — дело наживное.

Смелая девочка (ЖЕНЯ ВАСИЛЬЕВА)

Как-то жарким июльским днем две дочери Анисима Гаврилова, урядника поселка Обручевского, — Клавдия, одиннадцати лет, и шестилетняя Настя — остались дома вдвоем. Сначала с собачкой Жучкой во дворе играли, но жарко было, Жучке эти игры надоели, и она, высунув язык, от девчо-

нок убежала и в тень спряталась, уснула. Так что когда пришла Клавина подруга Женя, все сразу дружно решили идти на речку купаться. Там еще и Олю Ермолаеву встретили — совсем весело в такой большой компании.

Вода в речке теплая была, прямо как парное молоко. В такой воде весь день просидеть можно, ни капельки не замерзнешь. Да еще и солнышко с неба припекает, и ветра никакого нет — красота! Так что заигрались подружки на реке и про маленькую Настю совсем забыли. Но она девочка смирная была, послушная, далеко в воду не лезла, ходила по воде вдоль бережка. Потом мама Оли Ермолаевой пришла, она гусей своих искала, и девчонок из воды шуганула. Мол, давай, Ольга, иди мне помогать, нечего тут баклуши бить, не маленькая уже. Тогда и Женя одеваться стала, а урядниковы дочки еще в воде оставались.

И вдруг — нет Насти, исчезла! Только что здесь, у бережка, ходила — и нет ее!

Оцепенела Клава, замерла. Куда сестричка подевалась? Закричала с перепугу. Женя обернулась, сообразила, вспомнила: как раз тут, у берега, яма глубокая была. Стянула с себя рубашонку — и к воде, туда, где яма. Прыгнула, нырнула, глаза в воде открыла — видит, вот она, Настя, уже на дне пластом лежит! Ужас-то какой! Неужели неживая? Господи, что тут теперь делать?! Подхватила ее под мышки, ножками забила и, задыхаясь, поплыла наверх. Вытащила малышку на поверхность, но чувствует, что силенок больше нет, сама сейчас камнем на дно пойдет, ведь и она девчонка маленькая была, не намного старше Насти — всего одиннадцать.

Счастье великое, что мама Ермолаева не успела далеко отойти. Услыхав крики, побежала к реке

и, увидев двух девчонок на поверхности, обеих и подхватила. Откачали Настю — ожила. А уже как потом Клавдии от отца досталось — лучше и не рассказывать.

Как Ваня рыбу ловил (ИРГАЛЕЙ ИСКАКОВ)

Ваня Таросов, сын зажиточного мещанина из города Троицка, что на Урале, в свои одиннадцать лет был страстным и удачливым рыболовом. Место он себе для рыбалки на реке Увельке, которая прямо по городу протекает, присмотрел замечательное: неподалеку от мельницы, там, где плотина. Река широкая и глубокая была, течение быстрое, и разная рыба там водилась. Хотя, посмотришь и не скажешь, что глубоко — вода черная, будто стоит. Зато закинешь несколько удочек — только и поспевай рыбку вытягивать. Конечно, снасть нужна хорошая, и понимать еще надо, на что и как ловить. А эта наука не каждому доступна.

В тот день Ване опять повезло, клев был замечательный. Даже какой-то незнакомый смуглый мальчик в тюрбетейке остановился на плотине, неподалеку от него, и смотрел с завистью, как Таросов удочки свои одну за другой забрасывает и улов вытаскивает. Видно было, что мальчику этому смерть как хотелось самому рыбку половить, но рядом с ним на досках настила стояла какая-то большая ноша — знать, послали его куда-то с поручением, и нельзя ему было тут долго прохлаждаться. Но он все стоял и смотрел. Юный рыболов делал вид, что этого не замечает, хотя искоса на мальчишку поглядывал и втайне собой гордился.

А день у него действительно счастливый выдался — не только потому, что Ваня уже много окушков и плотвичек из реки вытянул, но и потому, что в воде он вдруг заметил «морду» — такую рыболовную снасть, из бересты сделанную. Видать, какой-то растяпа, что рыбачил выше по течению реки, ее упустил. Разве можно от такого подарка отказываться, особенно если ты в этом деле толк знаешь?

Ванёк знал. Поэтому он быстро разделся и плюхнулся в воду, поплыл. Да только течение тут, у запруды, оказалось слишком сильным, и вода была неожиданно холодной. Только теперь Таросов и вспомнил, что купаться у плотины опасно, отец ему это строго-настрого запрещал — места коварные. Тут и «морду» куда-то прочь понесло, а самого Ваню так невидимым течением закрутило, что он стал тонуть.

Тут смуглый мальчик, что на плотине стоял — его Иргалей Искаков звали, он родом из башкирского села был, — стал кричать и звать на помощь. Вмиг собрался народ, даже городской по фамилии Бобылев прибежал — солидный такой, с усами, пашка на боку.

— Люди добрые! — говорит полицейский. — Христом Богом прошу, спасайте мальчонку! Я бы и сам полез, да только плавать не умею.

— Куда тут полезешь? — отвечал кто-то. — Омут, гиблое место!

— Да, не повезло парнишке... — рассудительно соглашался кто-то еще.

Вот ведь незадача! Но тут как раз всадник мимо ехал, Василий Журавлев, молодой мужик. Он, не задумываясь, своего коня в воду направил, да только конь какой-то замухрышистый оказался — сам тонуть стал. Василий из воды еле вылез, мерина

своего с трудом вытаскивал. Ну а тем людям, что вокруг стояли, глазели и переживали, еще страшнее стало: уж если лошадь здесь тонет, то им-то чего делать? Да и мальчик уже под водой скрылся, утоп совсем, наверное, бедолага.

Иргалей, который все с самого начала видел и только что этому Ване так завидовал, вдруг разревелся — аж слезы из глаз брызнули. Притом он тюрбеечку свою снял, рубашку и портки сбросил — и в воду прыгнул. Раз нырнул, другой, нашел под водой бесчувственного уже Ваню, потащил его к берегу. А берег-то далеко! И все на берегу стоят и смотрят...

— Помогите! — срывающимся голосом, захлебываясь, крикнул стоящим людям Иргалей.

На берегу, однако, никто и не шевельнулся, все словно оцепенели от страха, зато маленького героя после этого крика последние силы оставили.

Выпустил он мальчика Ваню, тот опять ко дну камнем пошел. Не судьба, знать, была ему спастись...

Еле-еле Искаков до берега доплыл, с трудом вылез, трясется от холода, одеваться стал.

— Ну что же ты! — говорит ему городской Бобылев. — Ведь уже почти вытаскивал! Давай снова нырни, а?

— Не могу... устал... утону... — с трудом бормотал Иргалей, а у самого опять слезы в два ручья текли. Жалостливый такой и совестливый парнишка оказался.

— Я тебе сейчас веревку дам, — вдруг говорит городской.

Оказалось, что кто-то успел принести веревку.

— Давай, — сразу оживился мальчик.

Кажется, у него даже слезы высохли. Схватил он конец веревки — и опять в воду. Поплыл, нырнул, исчез под водой. Очень надолго исчез. Может, и

он утонул? Городовой хотел уже веревку тянуть, как вдруг Иргалей показался над водой. Одной рукой он прижимал к себе бесчувственного Ваню, другой греб, а конец веревки изо всех сил сжимал зубами. Так его из реки и вытащили, словно какую большую рыбу.

Долго потом на берегу Ваню Таросова откачивали и, в конце концов, вернули к жизни. Действительно, счастливый день у парнишки оказался! А богатый улов он Иргалею, своему спасителю, отдал — в знак благодарности. У того ведь времени ловить рыбку не было...

ГЕРОИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1 августа 1914 года Российская империя вступила в Первую мировую войну.

Отношения между собой выясняли тогда две коалиции: Тройственный союз, в который входили Германия, Австро-Венгрия и Италия, и Антанта — Великобритания, Франция и Россия. Борьба велась из-за заморских колоний, которых у России никогда не было, зато имелись политические и экономические договоры с союзниками, и их следовало выполнять. А в результате именно европейская территория нашей страны превратилась в основной, как это называется, театр военных действий.

Все были уверены, что война продлится недолго и непременно закончится в Берлине, столице Германской империи. Причем очень многие почему-то решили, что это будет самая последняя война на земле, что это — война против войны. В Санкт-Петербурге, спешно переименованном русским названием — Петроград, прошли массовые митинги

в поддержку государя и победы в начавшейся войне. От добровольцев, желающих принять участие в войне, не было отбоя. Не остались в стороне и российские дети: на войну они бежали со всей империи. Бежали по одному, по двое, а порой уходили и целыми классами.

Вот как-то в один из первых месяцев войны на фронт собралась группа малышей-гимназистов — десять человек, живших в прекрасном городе Баку, тогдашнем центре Бакинской губернии, ребяташки разных национальностей: русские, азербайджанцы, армяне. На фронт они снарядились всерьез: раздобыли около 100 рублей, что по тем временам было большими деньгами, в качестве личного оружия каждый взял с собой большой кухонный нож. На станции Баладжары вся эта компания пристроилась к воинскому эшелону. Как оно обычно бывает... Подошли, слово за слово, угостили солдат заранее припасенными папиросами, влезли к ним в вагон — ну и вскоре поехали. Конечно, родители сразу же стали их искать, информация была передана во все жандармско-полицейские управления железных дорог, которые обеспечивали порядок на транспорте.

Но попробуй найди малышню, когда к фронту шли десятки эшелонов, а солдаты пехотного полка, с которыми ехали ребяташки, не только поили и кормили их, но и прятали. Время было такое, что все не только верили в скорую победу, но и представляли войну легкой прогулкой до самой германской столицы. Вот и думали солдаты: отчего бы малышам на фронт не прогуляться, если они так хотят? Да и самим солдатам с ними веселее было.

Однако гимназисты сами все дело погубили по причине своего малолетнего возраста. Одному из них захотелось сладких пирожков — не все же на

солдатской каше сидеть: она только в первые дни хороша, а потом приедается. Высказал мальчишка это свое желание другим ребятам, и все его поддержали. И вот, когда поезд остановился у какой-то станции, юный разведчик напрямик направился к станционному буфету. Шел, оглядывался, а когда покупал на всю компанию заветные пирожки, то не заметил, как подошел станционный жандарм. Хотел мальчишка бежать, да ведь пирожки бросить жалко! А с ними разве убежишь?

— Господин жандарм, — сказал он вежливо, — если вы меня отпустите, я дам вам 25 рублей. Купите подарок вашим деткам.

— Спасибо, господин гимназист, — поблагодарил жандарм. — Вы очень добры. Но лучше скажите мне, где ваши товарищи?

— Какие товарищи? — отвечал гимназист, а так как врать он не был приучен, то глаза при этом прятал, а уши у него покраснели.

— Это вы для себя двадцать пирожков купили, господин гимназист? — улыбнулся жандарм. — Не привыкли еще в солдатской каше?

— К какой такой каше? — отвечал тот фальшивым голосом. — Ни в жизнь не едал!

— А разве ваши батюшка и матушка не говорили, что врать нехорошо? — спрашивает вдруг полицейский.

Молчит мальчишка — чего тут ответишь? Знает ведь, что врать — грешно. Но и товарищей выдавать нельзя!

Между тем оставшиеся ребята заволновались: мол, где наш друг с пирожками? Не случилось ли с ним чего? Да и пирожков хочется. Пошел один из них товарища искать — и тоже попался... В общем, скоро уже вся компания, шмыгая носами и вытирая слезы,

сидела в полицейском участке и обреченно жевала свои сладкие пирожки. В тот же вечер всех ребятишек, отобрав у них на всякий случай кухонные ножи, отправили домой с соответствующим жандармским сопровождением, чтобы опять на фронт не поехали.

Вот так и бывало, что пойдет поутру мальчишка в гимназию где-нибудь в Москве, Казани или Тифлисе, а через две недели присылает письмо с Северо-Западного или Южного фронта. Мол, не волнуйтесь, дорогие мама и папа, скоро вернусь к вам с победой! Как только германца проклятого разгромим! Одни действительно возвращались — даже с Георгиевскими крестами на груди, вызывая восхищение одноклассников; про других сообщали, что погиб в бою «за Веру, Царя и Отечество». На войне ведь взаправду убивают — и тут уже не придешь в класс, не расскажешь восхищенным товарищам про то, как в атаке попали под пулеметный огонь и «положило» весь взвод, все погибли...

Но и такое было, и случалось не раз, что некоторых ребят родители сами отпускали на войну, и в самых различных семьях. Тогда ведь все очень верили в победу, а к войне относились не слишком серьезно.

Война же оказалась совсем не такой, как думалось вначале. В ней были не только громкие победы, но и грандиозные военные поражения. Впрочем, рассказ наш не о самой войне, а о нескольких ее юных героях, храбро сражавшихся в рядах Русской армии.

Как казачонок с коня упал

(ФЕДЯ ФРИКИН)

Казачи — народ особый, они изначально принадлежат к воинскому сословию. Их деды и прадеды с давних времен верой и правдой служили

Отечеству, охраняли границы империи, ходили в военные походы и с Петром I, и с Суворовым. У них так заведено было: когда еще мальчишка и ходить-то толком не умел, отец уже усаживал его на коня, ну и скакал пацаненок, цепко держась за конскую гриву. А первыми игрушками для казачат были сабли, ружья и пистолеты.

Вот почему, когда в начале войны Федя Фрикин, сын казака станицы Петропавловской, что близ Армавира, стал проситься на фронт, родители его долго не отговаривали, и он записался добровольцем в один из кубанских казачьих полков, что воевал на Австрийском фронте, где-то около Перемышля.

Пока добирался к месту назначения, пристал Федя к пехотному полку — сначала ехал с солдатами в эшелоне, потом пешим порядком. Оно ведь надежнее, чем самостоятельно ехать.

Когда же полк вышел на передовую, поступил приказ: взять австрийские окопы в 11 верстах от Перемышля.

— Давайте я разведую, куда вам наступать будет нужно! — предложил Фрикин полковому командиру.

— Молодой человек, — усмехнулся полковник, — война — это не игры в «казаки-разбойники»! Поверьте, в полку и без вас найдется, кому в разведку пойти.

— Прощу вас, господин полковник, только выслушайте! — умоляюще сказал Федя, а затем четко и уверенно изложил свой план.

Командир подумал и согласился.

Вместе с одним из солдат казачонок пришел в ближайшую деревню, где они одолжили у ребятишек крестьянскую одежду и крестьянскую же неказистую лошадь. Сел на нее Фрикин — без седла, без стремян — и поехал к австрийским окопам. Ему, казаку, любая лошадь подвластна была. Когда до ав-

стрийского лагеря было рукой подать: уже палатки стали видны, дымом от костров пахнуло, и часовые с винтовками появились, удивленно глядя на юного всадника, — он во всю мочь разогнал лошадь, доскакал почти до самых окопов, а потом ловко с нее упал, чтобы не ушибиться. Хотя для кавалериста, тем более для казака, упасть с коня — это позор. Но чего не сделаешь для пользы дела.

Лошадь в сторону шарахнулась, он на земле лежит. Пока австрийцы к нему бежали, Федька успел вымазать слюнями глаза и стал громко реветь. Солдаты подбежали, стали спрашивать: кто он, зачем тут? А он ревет, ничего не отвечает. Ну, видят враги, что мальчишка маленький, плаксивый, ничего от него не добьешься — поймали лошадь, благо это смиренная крестьянская лошадка была и далеко убежать не стала, и прогнали незваного гостя прочь из лагеря.

Отъехал Фрикин так, чтобы неприятель его не очень видел, достал из кармана кусок бумаги и огрызок карандаша и, сидя на лошади, быстро зарисовал все, что разглядел и запомнил по окопам: где пулемет стоит, где орудие...

И прямо в крестьянском платье прибыл он к командиру полка, доложил, отдал план. Полковник выслушал внимательно, а потом видит — из-под рубашки у Федьки спрятанный казачий кинжал торчит.

— Это тебе зачем? — удивился он.

— А это, ваше высокоблагородие, затем, что если бы меня распознали, — спокойно отвечал мальчишка, — я бы тогда хоть одного врага, да убил!

За свой геройский подвиг юный казак Федор Фрикин был представлен к высшему солдатскому ордену — Георгиевскому кресту. Наверное, эту на-

граду ему вручили уже в казачьем полку, куда он вскоре прибыл. Там казачонок получил настоящую строевую лошадь, которая хотя и была в полтора раза выше его, но Федор, как и другие казаки своих коней, ее чистил и седдал, и так же, как все, ходил в разведку и участвовал в боях.

В разведку — с лукошком (АНТОШКА ВЛАСИН)

Когда началась мировая война, 12-летний сирота Антон Власин жил у своего дяди, в небольшом местечке в Минской губернии. Как и многие мальчишки, он сразу же захотел попасть на фронт и, не спрашивая у дяди разрешения, пристал к проходившему воинскому эшелону.

Вскоре Антошка стал бывалым разведчиком. Ну, идет себе хлопчик маленький — кто на него внимание обратит? И никто того не видит, что позади Антона, в некотором отдалении, незаметно крадутся два солдата-разведчика и очень внимательно за ним присматривают, в любой момент готовые прийти на помощь. А главное, что у него с собой — два флажка, белый и красный. Ничего подозрительного в том не было — мало ли какие у кого игрушки. Кто из ребят себе что найдет или смастерит, тот тому и рад.

Но на самом деле это были вовсе не игрушки. Вот идет Антон, и если видит, что вдалеке показалась колонна германских войск, то останавливается, неприметно взмахивает белым флажком, чтобы его старшие товарищи увидели. Те посмотрят, разберутся — какая колонна, куда идет, и решают, то ли разведку продолжать, то ли к своим возвращаться. Если же красным флажком взмах-

нет — значит, противник близко, и решение надо мгновенно принимать.

Ходил Власин в разведку и один, пробираясь непосредственно в германское расположение, но никто догадаться не мог, что это не местный празднующийся мальчишка, а русский солдат. Таким образом он однажды сослужил своему полку большую службу, обнаружив две немецкие артиллерийские батареи, спрятанные в лесу. Он тогда взял лукошко и пошел якобы по грибы. Часовые на него внимания не обратили: идет мальчишка, грибы собирает — что за невидаль, таких много ходит. А он к самым батареям подошел, вокруг них покругил, все лесные дорожки, что к позициям шли, разведал и запомнил.

Русские войска тогда готовились перейти в наступление, и немцы, выкатив орудия, могли встретить их артиллерийским огнем. Но полк опередил противника: под покровом ночи русские пехотинцы тихо подобралась к лесной опушке и пошли в штыковую атаку. Многих немцев перекололи, в плен взяли, а те, которые уцелели, подцепили орудия к конным запряжкам и бежали.

Антошка в том бою себе ценный трофей взял: видит, лежит раненый немец, а у него — штык на поясе. Подошел:

— Отдай штык, дядя! Он тебе больше не нужен! — И руку протянул.

Немец что-то по-своему лопотать стал, к себе оружие прижимать, но парнишка с другой стороны подскочил, дерг — и нет штыка! А с раненым пусть санитары разбираются.

Вскоре он опять отличился. Когда полк в очередной раз сбил немцев с позиции, то увидел юный солдат следы свежего раскопа. Другой бы и внима-

ния не обратил, но Власин, мальчишка деревенский, сразу подумал: дело нечисто — окопы далеко, огородов вокруг нет... Кто же здесь копать будет, кому оно надо? Сообщил командиру. Тот приказал солдатам разобраться, проверить. Стали они копать и нашли четыре немецких пулемета, да еще и с боекомплектом. Пулеметы тяжелые, противник их при спешном отступлении за собой не потянул, а решил спрятать до лучших времен. Не получилось.

Вскоре юный разведчик был ранен — пуля ему аккуратно через ногу прошла. Бойца-героя отправили в Петроград, в военный госпиталь. Там он был самым знаменитым из всех раненых, всеобщим любимцем и баловнем.

Мог ли мечтать сирота Антошка о такой славе и о такой жизни?..

«Георгий» гвардейского егеря (Всеволод ВИШНЕВСКИЙ)

Есть такая известная фотография: в один из майских дней победного 1945 года большая группа наших военных журналистов и писателей снялась в столице гитлеровской Германии, на ступенях поверженного Рейхстага. В центре стоит капитан 1-го ранга Всеволод Витальевич Вишневский — писатель и драматург, автор сценария знаменитого фильма «Мы из Кронштадта», пьесы «Оптимистическая трагедия». Что удивительно, под многими боевыми наградами Советского Союза на его черном военно-морском кителе были прикреплены Георгиевский крест и две Георгиевские медали. А дело в том, что этот известный писатель-маринист был еще и юным героем Первой мировой войны.

Сева учился в 1-й Санкт-Петербургской мужской гимназии с военизированным обучением, а потому считал себя подготовленным воином и в начале войны сказал родителям, что идет добровольцем на фронт. Хотя в декабре 1914 года ему исполнилось всего лишь 14 лет, родители его отпустили, и он поступил в лейб-гвардии Егерский полк, воевавший в Восточной Пруссии.

Вскоре Вишневский стал разведчиком, хотя при том оставался еще и гимназистом: за время войны он дважды — весной 1915-го и в мае 1916-го — приезжал в Петроград сдавать экзамены, а затем снова возвращался на фронт, меняя свою гимназическую гимнастерку на солдатскую.

Много чего пришлось пройти и повидать юному гвардейскому егерю. Однажды, было это 27 июля 1915 года, его в очередной раз отправили в разведку. Разведчики, рассыпавшись цепью, ушли далеко вперед и добрались до опушки леса. Здесь они остановилась, а Вишневского и молодого солдата Журавлева командир послал проверить, что впереди. Они углубились в чащу, ближе к противнику. Шли они, шли и вышли на лесную дорогу.

Вдруг слышат — конский топот. Чьи это кавалеристы, кто? Разведчики отошли на два шага от дороги, затаились у деревьев. Сразу стало как-то страшно и одиноко. И вдруг из-за поворота появился немецкий конный разъезд. Впереди — офицер на здоровенном коне, за ним — два солдата в островерхих касках с разлапистыми орлами. Германский кирасирский разъезд. Хорошая встреча, нечего сказать! Вот только немцы, зная, что они находятся в своем расположении, чувствовали себя беспечно и, не заметив егерей,

подъехали к ним вплотную. В первый раз за всю войну Сева увидел врага вот так — лицом к лицу. Ведь одно дело, когда из окопов друг в друга стреляли или в разведке из кустов за противником наблюдал — а тут вот они, в двух шагах! Но и всадники их наконец-то увидели и, растерявшись от неожиданности, остановились.

А в бою теряться нельзя! Русские гвардейцы были готовы к встрече с противником, поэтому свои карабины в руках держали и сразу же нацелили их на противника. У немецких же солдат винтовки были приторочены к седлам, а револьвер у офицера спрятан в кобуре. Если бы не эта беспечность да растерянность, трем кирасирам, здоровякам на конях, ничего бы не стоило справиться с двумя пехотинцами, один из которых вообще был 14-летним мальчишкой. Кавалеристы попытались достать оружие, но оказалось поздно — упустили они свою минуту. Сева прицелился в офицера, Журавлев — в ближнего кирасира, и оба они, не стовариваясь, завопили «ура» — бодрый победный клич атаки. Грянули два выстрела, два кирасира упали с коней — то ли убитыми, то ли ранеными, а их лошади поскакали к немецкой заставе. Третий же кирасир настолько испугался, что егеря заставили его спешиться и взяли в плен.

За этот подвиг юный герой получил Георгиевский крест, который ему вручили в октябре 1915 года. Первую мировую войну будущий знаменитый писатель закончил в звании ефрейтора, с «Георгием» и двумя Георгиевскими медалями на груди, а также — с ранением и контузией. Но лишь тридцать лет спустя, в мае 1945-го, он все-таки дошел до столицы Германии — Берлина.

Два знамени (ШУРКА ЧЕРВЯТНИК)

В военной истории второй подобный подвиг неизвестен. Ни в одной армии мира, ни в какие другие времена ни один отважный солдат не сумел сделать такого! А тут — простой мальчишка... Но, к сожалению, его подвиг оказался забыт — как забыта почти вся мировая война. Что стало потом с юным героем, как сложилась его судьба — сегодня не скажет никто.

Был в одном из пехотных полков Русской армии такой мальчишка — Шурка Червятник. Родился и жил он в Ташкенте, центре тогдашней Сырдарьинской области, а как и зачем приехал в Центральную Россию и как оказался в полку — неизвестно. Однако он здесь прижился, полюбился солдатам, потому что не только ел сытную солдатскую кашу, но и никакой работы не боялся и любое опасное поручение выполнить мог. Хотя, вообще-то, на войне не опасных поручений не бывает: вражеская пуля и в тылу солдата достать может. Зато особо опасных заданий здесь очень много дают: и «в секрете», наблюдая за противником, у самой передовой посидеть, и в разведку пойти — за линию окопов, во вражеский тыл... Мальчишке, кстати, сходить в разведку было проще, чем взрослому бойцу. Он ведь маленький, кто на такого внимание обращать станет? Это ж не казак с бородой и не усатый пехотинец.

И вот однажды, это случилось еще в первый год войны, отправился Шурка в разведку. Пошел он в военной форме: во-первых, ночь была, темно, и он надеялся, что в темноте его немцы не заметят; во-вторых, мальчишки на фронте всегда старались в форме ходить, чтобы каждый видел, что это не

просто какой-то пацан приبلудный бродит, но солдат Русской армии. Накануне был бой, наши бойцы свои окопы оставили, отошли, заняв другие позиции, укрепились на них, но германцы больше наступать не стали. Вот и попросил командир Шурку разузнать, где враг стоит и не готовится ли к новой атаке.

Немецкие позиции остались далеко, верстах в шести-семи от наших войск. Шел Червятник, прислушиваясь, чтобы к немцам не попасть, и вдруг в темноте наткнулся на труп русского солдата. Страшно стало? Конечно. Но Шурка уже много чего повидал и попривык. Споткнулся он, чуть не упал, а когда рассмотрел, то его аж пот прошиб: возле убитого лежало полковое знамя. Значит, это знаменщик, подпрапорщик! — понял мальчишка. За время своей службы он успел узнать, что боевое знамя — это не просто полотнище с ликом Христа Спасителя, а воинская святыня, символ войсковой части. Пока есть знамя — считается, что полк живет, пусть даже и один знаменщик в живых остался. А вот если знамя потеряли, то полк будет расформирован — невзирая сколько в нем народу осталось. Недаром же в военных сводках после победы всегда писалось так: в бою взято столько-то знамен, столько-то пушек и пулеметов, столько-то пленных... Потерять знамя считалось самым большим позором.

Но как вернуть знамя к нашим позициям? Оно большое, прибито к деревянному древку многими гвоздиками, так что целым его не донесешь и от древка не оторвешь. А времени было мало, враги совсем рядом. Тогда юный разведчик достал из-за голенища сапога ножик и отрезал полотнище от древка. Потом снял ремень, гимнастерку, обмотал

знамя вокруг себя, а сверху вновь надел гимнастерку и амуницию.

И ведь как успел! Лишь только он пошел дальше, как невдалеке зажегся прожектор, и яркий слепящий луч пополз по земле. Раз — и солдатик оказался в этом луче, от которого на ровном поле никуда было не скрыться. Тут застучали копыта, появился разъезд германских кавалеристов. Может, будь Шурка в крестьянской одежке, немцы бы его отпустили, а так — взяли в плен. Отправили его на заставу. Там не было ни деревни, ни хутора — просто какие-то войска стояли. В отдалении от всех находились несколько наших пленных, которых охранял немецкий часовой.

Утром мальчишку должны были допросить, после чего могли и расстрелять — как солдата-разведчика, не глядя на возраст.

Но хорошо, что накануне был бой, и все очень устали. Пленные русские солдаты давно уже спали, рассудив, что утро вечера мудренее, да и германский часовой носом клевал. Притворился Червятник, что тоже спит, а сам с часового глаз не спускает. Клевал тот носом, клевал, да и замер. Понял мальчишка — уснул. Только хотел деру дать, как увидел, что неподалеку, аккуратно прислоненное к дереву, стоит свернутое немецкое знамя. Видимо, тому же часовому и его под охрану поручили. Шурка достал свой нож — хорошо, немцы не стали его обыскивать, так что не нашли ни ножа, ни драгоценного полотенца, обернутого вокруг тела, — и отрезал от древка теперь уже германское знамя. Схватил его, прижал к груди и тихо-тихо стал выбираться из неприятельского расположения. Когда же понял, что отошел далеко — побежал не таясь, со всей прыти. Заметили

немцы, стали стрелять, но было поздно. Убежал. И пуля его не задела.

Знамена Шурка представил командиру полка.

К сожалению, как дальше сложилась судьба юного героя — неизвестно.

История сохранила немало случаев того, как русские воины спасали свои боевые знамена, как брали в бою вражеские штандарты. Но случая, чтобы в одном бою один солдат сумел и свое знамя спасти, и вражеское взять — ни разу не было! Только юный Александр Червятник совершил такой удивительный подвиг, о чем написали в 1915 году в газетах, но потом, к сожалению, позабыли.

«Хитрые» патроны германцев (Костя ТОМАШЕВСКИЙ)

Константин Томашевский учился в 5-й Петроградской гимназии, что находилась на Екатерингофском проспекте. Когда началась война, он вместе с двумя одноклассниками убежал на фронт — с воинским поездом добрался до Варшавы, а потом пешком до старинного польского городка Скерневице. Здесь гимназист записался добровольцем в 11-й Туркестанский стрелковый полк, который уже через два дня выступил на боевые позиции.

Стрелковая рота, куда был определен Костя, заняла окопы за селом Рыбным. Противник стоял всего в одной версте. Пули постоянно посвистывали над траншеями, заставляя необстрелянных солдат кланяться, вжимать голову в плечи. Страшно было, домой хотелось... Но за сутки пообвыкли, освоились, а потому, когда поступила команда атаковать

немцев — пошли вперед даже с радостью. Первая атака, настоящее боевое крещение!

Но вскоре радость исчезла — немецкие пули стали бить по цепи, и некоторые солдаты упали. Одним из первых был убит капитан, командир роты. У русских офицеров была такая традиция — идти впереди своих солдат, подавать им пример. Немецкие и австрийские офицеры обычно шли за цепью, да еще и в отдалении, так что их погибало гораздо меньше. Команду принял поручик — полуротный, так называлась его должность. Он и привел роту к немецким окопам, повел стрелков в штыки — и противник был выбит. В пустых окопах нашли большой запас патронов. Так как в первый год войны нашим солдатам патронов и снарядов очень не хватало, а немецкие патроны подходили по калибру к русским винтовкам, все обрадовались.

Но тут старые, опытные солдаты закричали:

— Не троньте! Оставьте! — И рассказали, что немцы, зная про нашу беду с патронами, стали оставлять ловушки.

Германцы начиняли оставленные патроны пироксилином — взрывчаткой, и при выстреле те взрывались прямо в винтовках. Хитрый народ, коварный!

Очевидно, так оно и было задумано противником, потому как только наши солдаты в окопах расположились, по ним сразу же ударили немецкие пушки и пулеметы. Оказалось, что у немцев тут все было пристреляно, и они специально сдали эти окопы, а сами отошли на запасные позиции. В общем, ужас что делалось! Но дальше-то, как все понимали, будет еще хуже — противник, конечно, перейдет в атаку. А такого скорого нападения никто не ожидал,

и патронов было мало — еще не успели поднести. Подумал полуротный и сказал Косте:

— Ты маленький, легкий — авось проскочишь! Беги к командиру полка, проси патронов. С Богом!

Отправился Костя Томашевский в тыл. По лощинам, по кустарнику, чтобы незаметно было. Где бежал, где полз... Вокруг пули свистели, шрапнельные снаряды в воздухе рвались, но юный герой оставался невредим. И только когда он уже был на самом конце рокового поля, рядом разорвался снаряд. Мальчишку обдало землей и горячим воздухом, ноги ему как обожгло, и он упал. Когда же пришел в себя, первым делом ощупал ноги — очень больно, но крови нет. Зато в голове сильно гудело. Понял Костя, что он не ранен, а контужен. Очень захотелось лечь и заснуть, но он подумал о своих товарищах, которые погибают в окопах, и пополз. Так и дополз до командира, доложил:

— Господин полковник, окопы взяты! Мы понесли серьезные потери. Срочно нужны патроны — противник готовится предпринять контратаку!

Командир полка хотел отправить его в госпиталь, но гимназист сказал, что он сможет идти и покажет самую безопасную и кратчайшую дорогу к позиции. Тогда ему дали в сопровождение пятерых стрелков, каждый взвалил на себя по два патронных ящика.

На позицию они успели вовремя. Видя, что русские солдаты стреляют редко, немцы уже пошли в атаку. Пошли плотной цепью, не таясь — но тут-то и встретил их дружный залп почти в упор, здорово покосил их ряды. Противник, никак такого не ожидавший, растерялся и обратился в бегство.

А юного героя Костю Томашевского полковые товарищи на руках отнесли в лазарет. Командир полка представил его к Георгиевскому кресту.

Страна Советов

«НА ТОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ»

Историю своей родной страны нужно знать и уважать. Ведь все, что в прошлом — то было, а значит, как и все исторические события, оно произошло не случайно, и не нужно делать вид, что это все кем-то придумано.

Эта глава посвящена юным героям Гражданской войны, воевавшим на обеих сторонах — и красных, и белых. Из всех войн гражданская — самая страшная, потому что в ней участвует один и тот же народ. При этом люди не защищают свою родину от захватчиков, не приумножают ее территорию чужими землями — они воюют за свои убеждения, за тот политический строй, который им больше нравится. Причем, как не раз показала история, этот новый политический строй совсем не обязательно будет именно таким, как, идеализируя свою мечту, представляли это себе его горячие сторонники и самоотверженные защитники.

Говорят, что в гражданской войне не может быть героев, потому как люди воюют против своего народа. Вопрос сложный... В нашей Гражданской войне

1917 — 1922 годов и красным приходилось воевать против иностранных интервентов, которые высадили свои войска на территории бывшей империи и беззастенчиво грабили нашу страну; и белые не раз уничтожали всякого рода бандитские формирования, терроризировавшие мирное население. Всякое было, и про это забывать нельзя.

А наш рассказ — про ребят, которые честно и мужественно сражались в рядах обеих армий. Мы не обсуждаем их убеждения, а рассказываем про их беззаветную храбрость и реальные боевые подвиги.

КРАСНЫЕ

Что бы сегодня ни говорили, но именно советская власть открыла для многих детей «из низов» — рабочих и крестьян — совершенно удивительные возможности. Люди, чьи предки из поколения в поколение обрабатывали землю, добывали уголь или руду, работали у станка и знали один лишь изнуряющий беспросветный труд, теперь, в новом социалистическом Отечестве могли выбрать иной жизненный путь. Они получали образование, становились учеными и конструкторами, военачальниками и писателями, мореплавателями и врачами... Подобное в прежние времена могло случиться только в качестве редчайшего исключения. За эти возможности, за свою «лучшую долю», за счастливую, как они считали, будущую жизнь и сражались в Гражданскую войну красноармейцы, в том числе и юные бойцы красных полков.

«За рабочее дело...»

(ПАВЛИК АНДРЕЕВ)

Помнится, была когда-то очень популярная песня с проникновенной мелодией и такими незамысловатыми словами: «За фабричной заставой, где закаты в дыму, жил парнишка кудрявый — лет семнадцать ему. Парню очень хотелось счастье здесь увидеть. За рабочее дело он ушел воевать...» А далее в этой песне парнишка с верой в грядущее счастье погибает в боях.

Можно было бы сказать, что написана она точь-в-точь про Павла Андреева, да только ему и пятнадцати-то не было. Хотя, несмотря на свой юный возраст, Павлик, сын кузнеца, и сам уже давно был рабочим человеком.

Рабочие специальности в те времена фактически передавались по наследству, вот и Андреев-младший работал на заводе Михельсона, что в Замоскворецком районе Москвы (сейчас это завод Владимира Ильича), подручным кузнеца. Работа у него была не только очень тяжелая, но и вредная — «горячий цех», что называется. Возможно, раньше бы 14-летнего подростка — хотя точно и неизвестно, когда именно и во сколько лет он пришел в кузню, — к такому делу не приставили, но это был 1917-й, Россия уже четыре года участвовала в мировой войне, и все чаще в заводские цеха приходили вместо зрелых мужчин их несовершеннолетние сыновья. Хотя на подсобных работах дети всегда трудились с малолетства и фактически наравне со взрослыми.

А вот в красногвардейский отряд, который создавался в Замоскворецком районе в октябре 1917 года, Павлика не записали, потому что ему было лишь 14 лет. Сказали: молод еще, дома сиди,

без тебя советскую власть установим. Андреев, однако, особенно не печалился и тайком от родителей, без всякой записи, явился к своим «михельсоновцам», чтобы вместе с ними сражаться, как он верил, за «светлое будущее трудящихся». Ведь за прошедшие четырнадцать лет своей жизни он ничего особенно светлого не видел, а большевики, поднявшие рабочих на восстание, обещали им впереди много хорошего. Но так, к сожалению, всегда бывает: когда идет борьба за власть, всем сулят золотые горы — только потом всё почему-то оказывается иначе. Ну да ладно, не о том речь.

Самыми упорными защитниками «старого мира» в Москве оказались юнкера Александровского и Алексеевского военных училищ — в основном юноши 17 — 18 лет, то есть не намного старше Павла. Фронту постоянно требовались офицеры, много офицеров, а потому в военных училищах теперь обучались не только дворяне, но и представители буквально всех сословий — в том числе дети крестьян и рабочих, и немало. Юнкера, как и все военнослужащие, принесли присягу — поклялись в верности Временному правительству и оставались этой присяге верны. Ведь как говорили в народе: «Не давши слова — крепись, а давши — держись!».

Красногвардейцы окружили баррикадами штаб Московского военного округа, что был расположен между улицами Пречистенкой и Остоженкой, и вели по нему непрерывный ружейный огонь. Обреченные юнкера отстреливались, надеясь, что к Москве подойдут верные законному правительству войска и мятеж будет подавлен. На предложения сдаться они отвечали решительным отказом.

Павлик по малолетству и здесь выступал в роли подручного: приносил своим товарищам на позиции

патроны, продовольствие, бинты для раненых. Когда же рабочие, оставляя на баррикадах свои винтовки, уходили греться в соседнюю чайную, юный красногвардеец, переходя с места на место, сам начинал постреливать то из одной винтовки, то из другой, создавая впечатление, словно бы на позиции оставалось много народу. И вообще, стрелять всегда интересно.

И вдруг после очередного выстрела винтовка упала за баррикаду, на ту сторону улицы, громко брякнув о булыжную мостовую. Не думая, что в ответ тоже стреляют, Павлик выскочил за ней на открытое пространство — и по нему ударил пулемет...

Как часто бывает, подлинная история вскоре обросла легендами. В одной серьезной книге, где рассказано о судьбе Павла Андреева, написано, что якобы «тело московского Гавроша пронзили 42 пули. Через трое суток он умер от ран». Очевидно, автор этих строк и представить себе не мог, во что превратилось бы тело 14-летнего мальчика, так изрешеченное пулеметными пулями, и жил ли он сколько-то после этого. В общем, с достоверностью можно сказать только то, что Павлик Андреев был ранен и умер от ран.

10 ноября 1917 года на Красной площади похоронили в братской могиле рабочих и солдат, погибших во время десятидневных боев на улицах Москвы. Был среди них и Павлик Андреев, так и не повидавший своего счастья.

Погибших в боях юнкеров погребли на братском кладбище, где ранее хоронили героев мировой войны. Тут можно вспомнить, что когда после поражения верных Временному правительству сил 3-я рота Александровского военного училища отказалась сдать оружие, все ее юнкера были расстреляны восставшими рабочими. Братское кладбище, на

котором хоронили юнкеров, — оно находилось рядом с нынешней станцией метро «Сокол», — давно уже уничтожено.

Зато юный красногвардеец, участник октябрьских боев, не забыт — одна из улиц в Замоскворечье до сих пор носит имя Павла Андреева.

Цена хлеба

(Костя НИКИФОРОВ)

Со стороны война представляется красивой: гремят бои, совершаются подвиги, празднуются победы... Но вот когда она действительно приходит, то представляется уже совсем другой. Война — это смерть, часто нелепая и случайная, это разруха, пожары и голод... В общем, ничего красивого и хорошего.

Это произошло в ноябре 1918 года. Деревня Щугор, где жил Костя Никифоров — ему только-только пятнадцать исполнилось, — стояла на реке Печоре, неподалеку от Уральских гор. В таких далеких местах люди раньше жили тихо и хорошо, в достатке и спокойствии, своим мирком: никого не трогали, сами себя всем необходимым обеспечивали, да и им никто не мешал. Но началась мировая война, мужиков-работников стали забирать на фронт, все постепенно начало приходить в упадок. Однако та война была далеко, за тысячи верст от Щугора, а вот Гражданская сама на порог пожаловала. То в деревню красные придут, то белые, то бандиты какие-то — и все сначала мужикам хорошие слова говорят, много им всего обещают, а потом продукты требуют. И как откажешь, когда у каждого незваного гостя за спиной винтовка, а на поясе гранаты висят?

Но красные мужикам больше по нраву пришлись — правдивее, честнее всех показались. Да и народ это по большей части свой был: рабочие, крестьяне, а не пришлые офицеры-золотопогонники. Щугорцы решили красных поддерживать. Тем более что приехавший с отрядом комиссар сказал, что за Уральским хребтом, в большом торговом селе Ляпине, у белых собраны склады продовольствия.

— Мы, красноармейцы, эти склады отобьем, — говорил комиссар. — Хлеб заберем и раздадим его по голодающим деревням вашего Печорского края. А вам, мужики, надо снарядить обоз и послать его в Ляпино вместе с нами. Тогда мы все сразу сумеем вывезти.

Хорошие слова, правильные! Ведь в деревнях за год Гражданской войны все подчистую вымели, и люди голодали. Понятно, что красные и себя не обидят, но и мужикам хлеба дадут, не обманут — они народ справедливый. Да и без мужиков им самим ничего не сделать, даже дорогу через горные перевалы не найти — зима уже на Урале царила, все было снегом завалено.

С обозом тогда многие собрались ехать. И Костя Никифоров у отца попросился — тот разрешил и сам снарядил подводу.

Путь через горы был неблизкий и опасный: можно было и с колчаковцами встретиться, и на какую-нибудь банду напороться. Поэтому отряд постоянно высылал в разные стороны от дороги свою конную разведку, и Костя не раз ездил с красноармейцами. Конечно, разговоров по пути было много: о том, что большевики обещали отдать всю землю крестьянам, фабрики — рабочим, чтобы каждый мог спокойно свое дело делать и еще что-

бы мир на всей земле был. А что человеку нужно, чтобы жить хорошо? В общем-то, немного, если он человек нормальный и на золотых горах сидеть не собирается. Так что Никифоров чувствовал себя убежденным большевиком — борцом за новую, справедливую власть для трудящихся людей.

Когда через горы переходили — ветра начались, и так снегом мело, что в двух шагах ничего видно не было. Одежка у большинства худая была, все промерзли, но бодрости не теряли — знали, что когда хлеб возьмут, то лучше и легче будет.

В Ляпино пришли под утро, сразу атаковали село с разных сторон, сбили колчаковские караулы. Бой был короткий и, как Косте показалось, какой-то бестолковый: одни постреляли, другие... а кто в кого стрелял — и не видно, потому как темно было. Только вспышки выстрелов сверкали, да несколько пуль просвистело над головой. Потом те, кто с той стороны стрелял, убежали, а красноармейцы остались. Вот и все. Ничего интересного.

Весь день грузили на подводы мешки с зерном, стараясь забрать как можно больше. Понимали: все, что не возьмут — заберут враги, когда возвратятся.

Ночь красноармейцы провели в деревне, а поутру тяжелогруженный обоз тронулся в обратный путь. И снова впереди и по сторонам движения высылалась разведка, потому как колчаковцы наверняка уже знали о нападении красного отряда. Костя опять в разведку попросился.

Действительно, белые готовились отбить захваченный обоз. У деревни Щекурья, что была всего в пяти верстах от Ляпино, разведка наткнулась на засаду. Вроде когда в деревню въезжали — ничего подозрительного не было, а потом вдруг колчаковцы разведчиков со всех сторон окружили. Их-то

всего пять человек, вместе с Костей, а белых... Да кто их теперь сосчитает?

— Бросай оружие! — кричат. — Сдавайся! Живыми оставим!

Все так... Но если оружие бросить и руки вверх поднять, то отряд, ничего не подозревая, так в село и придет — прямо к белым в руки. Тогда отряд разгромят, а значит, хлеб не попадет в голодающие деревни. Если же начать стрелять, то в отряде услышат. Вскинули красные бойцы винтовки, выстрелили по врагам, и тут же по ним стали стрелять, разведка попыталась прорваться, проскакать по улице, но не удалось: кого-то сразу убили, кого-то ранили, всех коней перебили.

Потом, уже когда красный отряд атаковал деревню Щекурья и после упорного боя выбил оттуда белых, местные рассказали его командиру Ивану Зарубину, что два красноармейца и один мальчишечка залегли посреди улицы за убитыми лошадьми и долго отстреливались, и, кажется, это именно парнишка застрелил офицера, когда тот вышел из-за укрытия и предлагал им сдаться. Но тут белые бросились со всех сторон и перекололи их всех штыками.

Вот так, ценой своей жизни, обеспечили красные бойцы, а с ними юный разведчик Константин Никифоров, доставку хлеба голодающим крестьянам.

Последний бой юного разведчика (ВАСЯ ШАХТАРОВ)

В начале 1919 года в деревне Подчерье формировался красногвардейский отряд, чтобы сражаться за советскую власть в Предуралье — за то, чтобы

землю крестьянам отдали. Если откровенно, то воевать народ не очень хотел: сначала четыре года шла мировая война, потом вслед за ней началась Гражданская, и мужиков на селе уже оставалось мало, работать некому. А ведь были еще и такие, которые как ушли в 1914-м, так и продолжали воевать: кто у белых, кто у «зеленых» — у бандитов. В боевой жизни свои прелести есть — особенно если не на фронте, а «самостийным», по своему разумению, отрядом действовать. Тут и работать не надо, и всегда сыт будешь. Нужно лишь к таковой жизни привыкнуть, потому как человек по своей природе труженик и созидатель, а не бездельник и грабитель.

В Подчереье набралось полтора десятка добровольцев, желающих защищать новую власть от бродивших повсюду бандитов и беляков. Среди них был пятнадцатилетний Василий Шахтаров — старательный, добросовестный, исполнительный боец. Только выглядел он очень молодо, так что командир отряда Тетерин, чтобы сберечь мальчишку, назначил его своим ординарцем-связным. Мол, всегда при нем, при командире будет, под его присмотром.

Учил Тетерин своих добровольцев той нехитрой солдатской науке, которую сам сполна усвоил за годы мировой войны: как в строю стоять, как маршировать, как стрелять... Но только с последним вопросом загвоздка была: оружия в отряде на всех не хватало — всего-то три револьвера да пять винтовок, а патронов к ним, как говорится, кот наплакал.

Зато неподалеку — впрочем, для тех краев «неподалеку» могло и сто верст означать, и полтора ста, — в Троицко-Печорске, стоял большой красный гарнизон, человек 200, и оружие там было, и патроны, так что вполне товарищи поделиться

могли. Но в последние дни никто оттуда в Подчерье не приезжал. Вот и решил Тетерин сам туда наведаться, о своих делах доложить, боеприпасами разжиться и разузнать, что вообще в России происходит — газет никто месяцами не привозил, радиосвязи в деревнях не было, а телевидение еще не изобрели.

Отобрал командир пятерых человек, сам шестым решил идти, но тут Васек к нему пристал:

— Товарищ Тетерин, как же вы без меня? И мне тут без вас делать нечего! А я шустрый, я и в разведку схожу, если надо...

«Действительно, чего ему тут делать? — подумал командир. — А так — боевой поход, по зимним лесным дорогам... В пути бойцов учить военному делу можно».

Подмигнул Тетерин мальчишке:

— Собирайся! — И приказал своим бойцам сесть на коней.

Не знал командир, что неделю назад в Троицко-Печорске произошел мятеж против советской власти, и весь тамошний отряд был захвачен в своей казарме ночью, во сне. Тех, кто сопротивлялся, в коротком бою убили, иные сразу на сторону бандитов перешли, а кто отказался — расстреляли. После победы над местным гарнизоном мятежники решили установить свою власть по всей округе — в соседних селах и деревнях, куда они направили свои отряды. Один из таких отрядов пошел к селу Савинобору, откуда затем дорога на Подчерье вела — та самая, по которой шел теперь к Троицко-Печорску маленький красный конный отряд. Так что не встретиться они не могли.

К вечеру бойцы дошли до Савинобора. Изда- лека осмотрели село: все вроде тихо и спокойно.

Вошли в крайнюю избу, хозяев расспросили — те сказали, что чужих тут месяц уже как не бывало. Красноармейцы решили расположиться здесь на ночлег, чтобы с утра, еще затемно, вновь путь продолжать.

— Товарищ командир, разрешите, я в разведку схожу? — спросил Шахтаров.

— В разведку? — Тетерин внимательно посмотрел на своего юного бойца.

Конечно, не мешало бы все вокруг осмотреть. Но видит командир, что у Васьки глаза прямо-таки смыкаются, он от усталости еле на лавке сидит — столько верст в седле отмахал, столько часов по заснеженной дороге проехал, — и пожалел бойца. Все равно, как сказали местные, вокруг никого чужого нет.

— Ложись отдохни, — отвечал Тетерин и усмехнулся: — Утро вечера мудренее!

Забыл старый солдат, что нельзя на войне людей жалеть. Не в том смысле, чтобы понапрасну их кровь проливать — а совсем наоборот! Как бы ни устали бойцы и ни хотели отдохнуть, но обязательно нужно выставить сторожевое охранение, подготовиться к обороне, даже окопы и укрытия вырыть — если люди в поле стоят. Только так, по-умному не жалея бойца, можно сохранить его жизнь. На войне любая случайность в любую минуту произойти может.

Именно так и получилось. Лишь только заснул красноармейский отряд — все в одной избе, большой и просторной, без разведки и без какой-либо охраны, — как с другой стороны к селу подошел бандитский конный разъезд.

— Рассказывайте, люди добрые, что у вас делается?

— Да незнакомые какие-то со стороны Подчерья подъехали, — ответили хозяева. Ведь им-то какое дело до людей пришлых.

— С оружием?

— Да кто теперь без винтовки ходит? — усмехнулся мужик.

— А сейчас они где?

— Там, верно, в избе ночуют...

Поняли разведчики, что если от Подчерья люди подъехали, — значит, от красных. Через полчаса изба была окружена бандитами. Командир отдал приказ — и по окнам ударил винтовочный залп.

— Сдавайтесь, краснопузые! — закричали бандиты.

Ответом им были выстрелы. Вот только бой получился коротким: товарища Тетерина и двоих бойцов быстро убили, троих в плен взяли, допрашивать стали, но они ничего не сказали, и их расстреляли.

Один лишь Вася чудом убежал, да еще и карабин с собой прихватил. А куда бежать? Село незнакомое: кто здесь друг, кто враг? В лес уходить — заплутаешь, в снегу увязнешь, ни за грош пропадешь. Тогда Шахтаров прокрался к церкви, благо она незапертая стояла, спрятался на колокольне. Выстрелы вскоре отгремели, все затихло и вновь уснуло растревоженное село. Усталый мальчишка тоже задремал, да так и проспал до рассвета.

Проснулся он, когда стало уже совсем светло — было это 14 февраля 1919 года. Парнишка поднялся на верхнюю площадку, туда, где висели колокола, осмотрелся — отсюда, сверху, все село как на ладони было. Стало ясно, что бандиты здесь остались и никуда пока уходить не собираются. Кони расседланные стоят, люди с винтовками ходят

и вроде бы ищут кого-то. Понял Шахтаров, что его ищут: сельчане явно рассказали, что с красными еще и мальчишка был. А значит, ему просто так не отсидеться и отсюда уже никуда не уйти. Осмотрят все сараи да овины — и обязательно на колокольню поднимутся. Вскинул он тогда карабин, выбрал одного с винтовкой, что был поближе, — и выстрелил. Но поторопился и промахнулся — пуля рядом с бандитом свистнула, он прочь, за дом, побежал.

Выстрел этот подсказал бандитам, что тот, кого они ищут, прячется на колокольне. И еще, что он плохо стреляет. Ну, а чего с мальчишки-то взять? Потому бандиты ничего лучшего и не придумали, как с криками «сдавайся, малый, а не то хуже будет!» окружить колокольню.

Нотут Василий прицелился как следует и одного за другим застрелил двух человек. Остальные тут же разбежались, попрятались.

Неравный бой продолжался до позднего вечера. Бандиты стреляли из-за домов, Шахтаров старался подстрелить кого-нибудь неосторожного. Что у него получилось — неизвестно. Но даже свою последнюю пулю он, тщательно целясь, послал во врага. А потом наступила гнетущая мертвая тишина. Бандиты поняли, что у парнишки закончились патроны, и осторожно подобрались к церкви. Запертую дверь они выломали быстро, ворвались внутрь, поднялись на колокольню. Василий пытался отбиваться прикладом — но что сделаешь против нескольких здоровых мужиков? И вскоре он стоял перед командиром отряда.

— Хорош боец! — с уважением сказал тот, оглядывая щуплого парнишку. — Пойдешь ко мне?

— Не-а! — шмыгая разбитым в кровь носом, отвечал Васька. — Я за красных!

— Жить надоело? — усмехнулся бандит. — А у нас в отряде весело! Лучше, чем у твоих краснопузых, не пожалеешь!

Мальчишка пожал плечами и ничего не сказал.

— Ну, пойдешь?

— Не-а!

— Жаль! Парень ты больно хорош — смелый, боевой! Мне такие нужны, — вздохнул командир и повернулся к своим: — Расстрелять!

Василия Шахтарова расстреляли на сельском кладбище. Перед тем как скомандовать «огонь!», командир еще раз предложил ему перейти в бандитский отряд, но парнишка ничего не ответил.

Военная тайна Гайдара

(АРКАДИЙ ГОЛИКОВ)

В России всегда много читали и чаще всего — книги хорошие и умные. В числе любимых писателей XX века, писавших в основном для детей, был Аркадий Гайдар — автор таких замечательных книг, как «Тимур и его команда», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек», и многих других. А еще все знали про Гайдара, что в 16 лет он командовал полком, — взрослые люди часто говорили об этом своим нерадивым детям. Мол, ты до сих пор собак гоняешь, а вот Гайдар... Однако о том, как он командовал полком и где воевал, мало кто знал.

Семья Голиковых — это настоящая фамилия писателя — жила в городе Арзамасе. В августе 1914 года, почти сразу как началась мировая война, отец Аркаши ушел на фронт, а мать продолжала работать в больнице, куда скоро стали потоком прибывать раненые воины. Десятилетний Аркадий факти-

чески оказался старшим в доме, ему пришлось заботиться о трех младших сестренках. Он был высокий, сильный, широкоплечий, красивый и выглядел старше своих лет, хорошо учился, был смел и привык к самостоятельности, так что, заскучав от такой жизни, вскоре попытался убежать на фронт, но был задержан и возвращен домой.

А потом война сама пришла в Арзамас. После Октябрьской революции 1917 года Голиков пришел в городскую большевистскую организацию, где стал связным и разведчиком, патрулировал улицы. В августе 1918 года — Аркадию тогда было 14 лет — в Арзамасе разместился штаб Восточного фронта Советской Республики. Войска фронта вели бои против мятежного Чехословацкого корпуса. Это была одна из ярких страниц Гражданской войны: восстание подняли находящиеся в русском плену австро-венгерские военнослужащие — в основном чехословаки, их было около 30 тысяч человек. Чехословацкие подразделения готовились к возвращению на родину, уже были загружены в воинские эшелоны, которые растянулись по Сибирской железной дороге на семь тысяч километров — от Пензы до Владивостока, но тут вдруг поддержали Белое движение.

В то время Аркадий Голиков проходил свое первичное военное обучение, а в декабре того же года ушел в Красную армию — на войну. К марту 1919 года он стал небольшим командиром — начальником команды связи, где было несколько бойцов. Потом — командные курсы в Москве и Киеве. Разумеется, свой настоящий возраст он скрыл: в 15 лет на командирские курсы никого не брали.

Киев тогда только освободили от очередных кандидатов на власть на Украине — петлюровцев,

которые теперь с боями отступали к югу. Однако вокруг города активно действовали банды, в том числе и очень большие, по несколько тысяч человек, вооруженных не только винтовками и пулеметами, но даже и артиллерийскими орудиями. Поэтому курсантам, в том числе и Голикову, довольно часто приходилось прямо из учебных аудиторий отправляться на выполнение боевых заданий. Одно из таких заданий продолжалось целых полтора месяца — а весь курс обучения был рассчитан на полгода.

23 августа курсы провели досрочный выпуск, и 15-летний Аркадий стал командиром взвода Ударной бригады, которую направили на оборону Киева, и 27 августа в бою под Бояркой он заменил убитого полуротного командира. Затем были ранение на Польском фронте, возвращение в строй, но потом — тиф, жуткая болезнь Гражданской войны. Весной 1920 года Голиков стал ротным командиром — теперь уже на Северном Кавказе, где войны больше не было, и бойцы в мирных условиях несли караульную службу, занимались боевой учебой. Ну а то, что периодически приходилось бороться с разного рода бандитами, почти и не считалось — всякой нечисти, порожденной войной и революцией, тогда было немало, ее уничтожали без всякого сожаления.

Впрочем, передышка оказалась недолгой: осенью из Крыма попытались вырваться — теперь уже в последний раз — зажатые там белые войска барона Врангеля. Полк, в котором служил Голиков, был поднят по тревоге и переброшен на Кубань. Снова — бои, снова — боевые ранения. А ведь ему тогда было всего 16, о чем его начальники, подчиненные и товарищи не догадывались.

Аркадий считался одним из лучших и наиболее опытных боевых командиров, поэтому по окончании боев его направили на командные курсы «Выстрел», а затем действительно назначили командиром полка. Это был так называемый 23-й запасной полк, в составе которого насчитывалось около четырех тысяч штыков. Аркадию тогда только исполнилось 17 лет — легенда «омолодила» его как командира полка всего лишь на две недели.

К сожалению, служба талантливого и отважного молодого командира, каковым, несомненно, был Голиков, продолжалась недолго: сказались полученные им на фронтах раны и контузии, и он по здоровью был уволен в запас. Казалось бы, жизнь, о которой он мечтал, закончилась.

Однако — нет. Красный командир Аркадий Голиков был сильным человеком и рук не опустил. Он стал замечательным писателем, взявшим себе псевдоним Гайдар, что означает не то «всадник, скачущий впереди» — по-монгольски, не то название командира по-хакасски. Его удивительными книгами зачитывалось несколько поколений ребят, их с интересом читали и взрослые, по ним было сделано много очень хороших кинофильмов и мультфильмов. Именно с повести Гайдара «Тимур и его команда» в стране началось Тимуровское движение: ребята помогали семьям погибших и находящихся на фронте военнослужащих, старым, больным и одиноким людям. Без всяких сомнений можно сказать, что книги Гайдара воспитывали настоящих людей.

Юный герой Аркадий Голиков превратился в замечательного писателя Аркадия Гайдара, который вскоре стал героем Великой Отечественной войны. В первые же ее дни писатель Гайдар поехал

в действующую армию, на фронт — специальным корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Так получилось, что осенью 1941 года он оказался в окружении, в тылу врага, и возможности выйти за линию фронта не было. Писатель стал пулеметчиком партизанского отряда и нес простую солдатскую службу — без всяких воспоминаний о том, что двадцать лет тому назад он командовал полком.

Гайдар и погиб по-солдатски: 26 октября 1941 года, когда партизаны, отправляясь на боевое задание, переходили через железную дорогу, он шел впереди. Поднявшись на насыпь, Аркадий Петрович увидел, что с той стороны находятся немцы, много немцев. Ему, наверное, можно было бы успеть залечь, укрыться, но тогда под огонь врага попали бы идущие сзади. Гайдар вскинул свой ручной пулемет и дал по врагу длинную прицельную очередь, после чего упал, сраженный пулями. Предупрежденные этой стрельбой партизаны успели среагировать и вступили в бой. Это была смерть солдата — смерть героя.

Так погиб Аркадий Гайдар. Но его прекрасные книги до сих пор читают и любят ребята и взрослые — ну а если не забыты книги, значит, жив и их автор.

Мальчик из Бобруйска (Пиня ЗОЛОТИН)

Весна 1920 года. Еще шла борьба с остающимися в Крыму белыми армиями, а Советской республике уже грозила новая опасность — в поход двинулись белополяки. Надеюсь, что ослабленная в предшествовавших боях Красная армия не сможет оказать

достойного сопротивления, польское правительство вознамерилось отрезать от нашей страны те земли, которые когда-то давно были захвачены Польшей и некоторое время входили в ее состав.

К таким городам относился и Бобруйск, город в Западной Белоруссии, где с незапамятных времен дружно жил белорусы и русские, поляки и евреи. Вновь переходить в состав Польши никому здесь не хотелось: знали, что в этой бедной стране трудящимся живется еще хуже, чем в России, и что поляк всегда будет господином над всеми. К тому же победившие большевики сумели увлечь рабочих мечтами о светлом будущем.

Перед тем как польские войска заняли город, руководство местной организации большевиков собрало так называемую сознательную молодежь — юных рабочих и ремесленников, своих сторонников и помощников.

— Надо агитировать солдат! — сказал партийный секретарь. — Ведь там, среди них, не одни только поляки — да и те должны понять, что польское правительство идет не просто против России, но и против всех трудящихся!

Среди этих «сознательных» был и маленький Пиня Золотин. Сколько лет ему было, никто не интересовался, зато парнишка был боевой, шустрый, сообразительный и веселый. К тому же надежный и верный товарищ. Когда партийный секретарь предложил ребятам взять агитационные листовки, чтобы распространять их среди солдат, Пиня вызвался первым и просил дать ему листовок побольше.

Вскоре в город вошли солдаты в фуражках-конфедератках с четырехугольным верхом и большими разлапистыми орлами, на улицах зазвучала польская речь. Пиня с утра слонялся по городу.

Здесь постоит, словно бы кого-то поджидает, там задержится — афишу читает. Но как отойдет — на заборе, на афише или на витрине остается приклеенная листовка, и никто не видел, что эти листовки, призывающие поляков убираться домой, расклеивал маленький Пиня.

Люди подходили, читали прокламации, вздыхали и говорили, что написано правильно, потому как теперь совсем житья не стало. Подходили и солдаты, читали и задумывались. Потом появлялся патруль, начинал сдирать листовки, но они были так хорошо приклеены, что сделать это оказывалось очень трудно, и в конце концов листовки соскабливали штыками, а пока солдаты это делали, они успевали прочитать написанное и также задумывались.

Проходил как-то Пиня мимо казарм, где размещались жандармы, — а он маленький был, потому на него внимания не обращали, и ему удавалось проходить беспрепятственно даже там, где взрослому человеку был нужен пропуск со специальным разрешением. Подошел мальчик к открытому окну, быстро огляделся — никого вокруг. Тогда он достал из-за пазухи прокламации и кинул их внутрь, в казарму. Листовки веером разлетелись по полу — читайте, господа жандармы, может быть, кто-нибудь что-нибудь и поймет!

А вскоре на заводской трубе появился красный флаг с большой надписью: «Оккупанты — вон с нашей Родины!». Труба была старая, скобы, по которым можно было влезть наверх, еле держались, так что никто из поляков подняться наверх не рискнул, и как снять флаг, польские командиры не знали. Было понятно, что повесили его мальчишки, отважно забравшиеся на самую верхотуру, но кто и что, осталось для поляков неизвестным.

Так в городе нарастало сопротивление оккупантам, и польская «дефензива», служба безопасности, сбилась с ног, разыскивая подпольщиков.

Однажды, когда «сознательные» молодые люди собрались на свою очередную встречу — готовили листовки, обсуждали, чем еще можно насолить врагам, Пиня обеспечивал охрану. Он увидел, что за двумя знакомыми девушками, идущим на встречу, увязались два каких-то подозрительных субъекта.

«Следят! — понял Золотин. — Сейчас они увидят, куда зашли девчонки, и накроют все наше собрание!»

Он быстро вышел из подворотни, где стоял, не привлекая ничьего внимания, и бегом бросился к девушкам:

— Наконец-то, долго же вы! А я все жду, жду, жду! Пойдемте!

Подхватив под руки растерявшихся девушек, он повел их прочь, в обратную сторону, громко рассказывая анекдоты. Выглядело это комично: маленький шпендель идет под ручку с двумя взрослыми девушками, но те двое, которые вели слежку, вынуждены были идти за ними следом, в надежде, что Пиня их куда-либо приведет. Так и проходили они все то время, пока народ был на собрании.

Но были успехи и у «дефензивы». Полякам удалось схватить троих юных подпольщиков — Каминского, Федорова и Боброву, которых они долго допрашивали, ничего не узнали и приговорили к расстрелу. Но тут произошел казус: солдаты отказались стрелять. Как видно, листовки возымели действие. Тогда всех троих застрелил собственноручно офицер, командовавший этими солдатами.

Уже на следующий день Пиня пробрался в крепость, где стоял польский гарнизон, и разбросал

там листовки. Подпольщики благодарили солдат за их мужество и обещали сполна рассчитаться с оккупантами за погибших товарищей.

Действительно, через пару дней из речки выловили труп того самого офицера-палача, а неподалеку от Бобруйска был взорван эшелон с военным снаряжением.

Но все-таки мальчик, который неприкаянно, казалось бы, бродил по городу, привлек внимание «дефензивы». Однажды поздним вечером в хатку на окраине Бобруйска, где жили Золотины, кто-то осторожно постучал. Думая, что это товарищи, Пиня открыл дверь — на пороге стояли жандармы, ехидно улыбаясь:

— Пойдем!

Бежать было некуда.

Пиню Золотина долго пытали и расстреляли, не добившись от него ни единого слова. А вскоре, 10 июля 1920 года, прогнав поляков, в Бобруйск пришли красные.

Актер Революции (Котя МГЕБРОВ-ЧЕКАН)

В центре Санкт-Петербурга, на Марсовом поле, где до сих пор горит Вечный огонь в память о героях и жертвах Октября 1917 года, есть одна из гранитных плит, возле которой каждый невольно замедляет шаг. На этой плите написано: «Юному артисту-агитатору Коте Мгеброву-Чекан. 1913 — 1922» — мальчик, здесь похороненный, прожил всего восемь лет.

Он не был ни юным разведчиком, ни героем баррикадных боев, ни даже пионером, потому как был слишком мал по возрасту, да и Пионерская

организация появилась только в год его гибели. Но он был героем — героем своего времени. Времени сложного, романтического и... страшного. Потому что это самое страшное, когда народ, населяющий одну страну, одну землю, раскалывается на части и идет войной друг на друга — и когда дети становятся героями и погибают, не дожив до девяти лет.

Родился Котя в 1913 году в Санкт-Петербурге, в семье актеров — Александра Авельевича Мгеброва и Викторией Владимировны Чекан, и звали его на самом деле Ваней. Котей его называли в семье, потом так стали звать друзья, и под этим именем он вошел в историю.

Как часто бывает в артистических семьях, Котя вскоре и сам стал актером — уже в 1918 году он был штатным артистом театра Пролеткульта — так назывался созданный тогда Союз пролетарских культурно-просветительных организаций. В то время очень много народу в России было безграмотно, книг и газет они не читали, но разобраться в происходящем вокруг хотелось всем. Выступления артистов на городской площади, казалось бы, все объясняли, да и воздействовали они на людей гораздо сильнее и убедительнее, чем речи ораторов на митингах. Впрочем, еще в Древней Руси ходили по деревням и селам скоморохи — первые артисты, просвещая своим искусством народ. Такова на Руси традиция просветительства.

Теперь же артисты-пролеткультовцы выступали на заводах и фабриках Петрограда, в госпиталях, куда привозили раненых, в казармах, которые занимали красноармейские полки, готовившиеся к отправке на фронт. Впрочем, фронт и сам подходил к бывшей столице бывшей Российской империи: в октябре — ноябре 1919 года на Петроград на-

ступали войска генерала Юденича. Тогда артисты театра Пролеткульта сами выезжали на фронт и в перерывах между боями вдохновляли бойцов своим искусством. Конечно же, их спектакли были посвящены «светлому будущему», той самой «новой жизни», о которой мечтали, с верой в которую шли на бой и на смерть красноармейцы.

В этих спектаклях Котя Мгебров-Чекан исполнял роль юного коммунара — решительного, отважного, независимого, вызывая своей игрой горячие аплодисменты многочисленных нетребовательных зрителей. Для них Котя был прежде всего олицетворением будущего — тем самым пролетарским мальчишкой, для которого революция открывает все жизненные пути. Бойцы в это очень верили. За счастье, за будущее вот таких мальчишек они и сражались. И одно дело было, когда про «мальчишек будущего» им говорили на митингах комиссары, а совсем другое — когда они наяву видели такого парнишку перед собой на театральных подмостках. Красноармейцы, матросы, рабочие очень любили своего юного и талантливого артиста — его знал, наверное, весь революционный Петроград.

Давно известно, что настоящее искусство — это мощное оружие. Бой этим оружием ведут не за территории или фортификационные сооружения, а за сердца и души людей, за их умы и чувства. Искусство способно сплотить и вдохновить людей, повести их туда, куда зовут, направляют его творцы. И как не раз случалось, если в этом бою за умы и сердца побеждал творец, то проигравшая сторона, назовем это так, применяла к нему уже совсем другое — боевое, смертоносное оружие.

В 1922 году Гражданская война уже закончилась, но тайная война за умы и сердца людей все

еще продолжалась, и Котя Мгебров-Чекан был ее маленьким, но очень хорошим солдатом.

21 апреля к Коте обратился кто-то из его друзей — а их, и настоящих и, к сожалению, мнимых, у него было очень много, — и попросил его отвезти хлеба, чтобы помочь какому-то голодающему товарищу. В то трудное время такая просьба никому не показалась бы удивительной. Очевидно, Котя был не только хорошим артистом, но и щедрым, душевным человеком. Он попросил у мамы, Виктории Владимировны, хлеба и поспешил к трамвайной остановке — трамваи были тогда в Петрограде единственным городским транспортом. Как обычно, он на ходу вскочил в трамвай, остановился на подножке набитого вагона, но тут, лишь только вагоновожатый стал ускорять ход, какой-то взрослый человек, стоящий рядом с ним на площадке, изо всех сил вытолкнул мальчика из вагона. Котя упал и ударился головой о мостовую.

Мальчика отвезли в больницу, где он вскоре умер. Кто был человек, столкнувший его с подножки, куда он делся — никто не знает. Скорее всего, произошедшая трагедия не была случайной, и это было кем-то тщательно подстроено. Хотя точно этого никто не знает — в жизни бывают и совершенно нелепые случайности.

Решением Петроградского Совета, тогдашних городских властей, Котю похоронили на Марсовом поле, бывшем месте проведения военных парадов, превращенном в мемориал героев Революции. На похороны мальчика, которому не исполнилось и девяти лет, пришло огромное количество людей, от края до края заполнивших все Марсово поле.

Повторим еще раз: он был настоящим героем — героем своего времени.

БЕЛЫЕ

Их было много в рядах Белой армии — этих мальчишек, вчерашних кадетов, гимназистов и реалистов, как называли учеников реальных училищ. В большинстве своем они были детьми офицеров, интеллигенции и защищали свою привычную жизнь, понятную им Россию от превращения в неизвестную, а потому страшную для них Страну Советов, от кровавого красного террора, который большевики развернули в ответ на белый террор.

Кто-то из них остался сиротой, кто-то сбежал из дома, чтобы сражаться, а кто-то был эвакуирован с кадетским корпусом. Когда они прибывали к белым армиям, то каждый заявлял, что ему 17, а то и 18 лет, но в первом же разговоре командиры выясняли, что 15 или вообще 14. Однако их принимали в полки, потому как отправлять обратно было просто некуда, и маленькие солдаты служили, сражались и умирали наравне со взрослыми, с которыми рядом, плечом к плечу, отважно шли в огонь. Но если в Красной армии мальчишки находились в роли воспитанников, юнг — то есть в исключительном положении, то в Белой армии из кадетов были составлены целые подразделения, которые вместе с другими воинскими формированиями участвовали в боях. Вот описание одного из таких боев: «В ноябре 1917 года в городе Новочеркасске сформировали Юнкерский батальон, состоявший из двух рот: первой, юнкерской, и второй, кадетской. 27 ноября он получил приказание погрузиться в поезд и с полусотней Донского казачьего военного училища был направлен в Нахичевань. Выгрузившись под огнем противника, батальон быстро построился, как на учении, и, идя

во весь рост, бросился в атаку на красных. Выбив их из Балабинской рощи, он в ней закрепился и продолжал стрелковый бой при поддержке двух наших орудий. В этом бою почти целиком погиб взвод капитана Донскова, состоявший из кадет Орловского и Одесского корпусов. Найденные после боя трупы оказались обезображенными и исколотыми штыками. Так, кровью русских детей-кадет обогрилась русская земля в первом бою, положившем основание Добровольческой армии и Белой борьбе при взятии Ростова-на-Дону».

К сожалению, сколько еще было боев и сражений, в которых дрались и погибали российские кадеты, не знает никто, как неизвестно, вернее — позабыто, оказалось большинство их имен. Нужно сказать, что кадетов всегда отличали особая дружба, спайка, взаимовыручка. Наверное, именно поэтому большинство их подвигов можно назвать коллективными, совершенными не одним человеком, а несколькими.

Осенью 1920 года те немногие из юных воинов Белого движения, кто уцелел и не погиб в боях, не умер от ран и болезней, покинули Россию вместе с другими белыми эмигрантами. В большинстве своем — навсегда.

Засада на станции (Гимназист САДОВИЧ)

В Дроздовской дивизии, названной так по имени одного из белых военачальников — генерала Дроздовского, этих ребят почему-то прозвали «баклажками». Баклажка — то же самое, что солдатская фляга.

Генерал-майор Антон Васильевич Туркул, написавший в своих воспоминаниях о подвиге этого юноши, не запомнил его имени: в Русской армии была традиция даже к друзьям обращаться по фамилии. А здесь — один из десятков «баклажек», юных солдат. В книге генерала «Дроздовцы в огне» о нем говорится, как о «гимназисте Садовиче», пятнадцатилетнем пареньке родом из Бессарабии. «Быстроногий, белозубый, чернявый, с родинкой на щеке, что называется шибздик», — так описал его Туркул.

Однажды с этим юным солдатом произошло следующее...

Это было лето 1918 года, бои тогда шли на Кубани. Когда дрались за станцию Песчанокоская, Садович был приставлен к Туркулу — тогда еще капитану, командиру роты, в качестве связного от своего 4-го взвода.

Бой на подступах к станции был тяжелый: в ходе так называемой артиллерийской дуэли несколько красных бронепоездов расстреляли и подожгли белый бронепоезд, который хотя и горел, но вернулся к своим — в числе его пулеметчиков, как оставшихся в живых, так и погибших в бою, были и «баклажки».

К вечеру, когда красные отступили, оставив станцию, рота Туркула получила приказание ее занять. Капитан отправил один из своих взводов, чтобы осмотрели подъездные пути и строения. Вскоре разведка вернулась: все вроде бы порядке... Но когда взвод отправлялся к станции, сходить туда попросился у ротного командира и гимназист Садович. Делать все равно было нечего, потому капитан разрешил мальчишке прогуляться.

— Только смотри осторожнее! — для проформы напутствовал он своего связного. Ведь на войне неосторожным быть нельзя.

Итак, разведка возвратилась, и командир, построив свою поредевшую за время боев роту, приказал вести ее к станции, а сам пошел вперед.

Домики, две платформы с разных сторон. Тишина — только шелестят в темноте деревья, и, поскрипывая, раскачивается на ветру тускло горящий керосиновый фонарь, отбрасывающий по сторонам неверные тени.

И вдруг откуда-то из-под перрона — осекшийся мальчишеский крик:

— Господин капитан, госпо...

В темноте стало заметно какое-то движение. Выхватив из кобуры маузер — мощный пистолет на десять патронов, — капитан кинулся на крик. Он увидел, что под платформой дерутся: три человека навалились на одного, маленького, того самого гимназиста-шибздика. Один меткий выстрел, другой — и третий противник, оставив свою жертву, бежит прочь. Не тут-то было! Подхватив свою винтовку, Садович рванул вслед за ним и свалил на землю ударом штыка в спину.

Как оказалось, красные оставили на станции засаду, которую не заметил взвод разведки. Зато заглянувший под платформу «баклажка» увидел спрятавшихся там красноармейцев и не растерялся, не струсил — пока те к нему бросились, он успел закричать и поднять тревогу. Красноармейцы же, рассчитывая застигнуть дроздовцев врасплох, не стреляли, а попытались придушить мальчишку голыми руками. Не получилось...

Так юный герой, рискуя жизнью, спас своих товарищей.

Корпусная святыня

(СИМБИРСКИЕ КАДЕТЫ)

Что такое боевые и воинские традиции, кадеты узнают сразу, как приходят в корпус. Людям штатским не понять, что такое верность знамени, как можно «самому погибать, а товарища выручать» — но для кадета это яснее ясного.

В начале XX века кадетские корпуса существовали во многих городах, в том числе и в волжском Симбирске, впоследствии переименованном в Ульяновск. Революция октября 1917 года двигалась по стране неравномерно, а потому под контроль красных Симбирский кадетский корпус перешел только к началу марта 1918 года. У входа встали часовые, в вестибюле расположился караул с пулеметами — в кадетах, хотя и юных по возрасту, но настоящих военных людях, воспитанных в духе верности «Царю и Отечеству», большевики видели для себя серьезного противника. К тому же революционеры сами прекрасно понимали, что такое символы и какое значение они имеют в жизни военного человека. Ведь если бы, например, началось восстание против новой власти, то для того чтобы все единомышленники собрались вместе, достаточно было вынести знамя — и оно бы оказалось центром притяжения. Одно дело, когда кто-то кричит и зовет, размахивая руками, а совсем другое, когда звучит команда: «Под знамя — становись!». Военного человека ноги сами приведут куда надо.

Вот почему корпусные знамена, а вместе с ними еще и два знамени эвакуированного Полоцкого кадетского корпуса, сразу же оказались заперты на ключ в корпусной церкви, и ключ этот был передан под охрану часовым. Причем в корпусной столовой,

что рядом с церковью, располагался еще один караул, а у церковной двери дежурил часовой. Однако комиссары понимали, что все равно держать знамена в корпусе опасно: кадеты — народ отчаянный и предприимчивый, а потому было принято решение как можно скорее забрать знамена и увезти их куда-нибудь подальше от Симбирска. Об этой затее каким-то образом узнал преподаватель полковник Царьков, очень любимый кадетами офицер. Он зашел в одно из отделений старшего класса, к ребятам 16 лет, и все им рассказал.

— Господа, вы сами все понимаете, — закончил он разговор. — Надо спешить!

Затем полковник троекратно расцеловал ближайшего к нему кадета, словно бы благословляя всех на подвиг.

Не говоря о том больше никому, кадеты продумали план действий и четко распределили обязанности. Чтобы не опоздать, было решено все сделать в тот же самый день.

Первыми выполнили свою задачу кадеты Ипатов и Пирский, которые сумели незаметно снять слепок ключа от двери. Кто и каким образом изготовил по слепку ключ — неизвестно, однако уже к вечеру дубликат был готов. Дальше следовала самая опасная часть предприятия: нужно было отвлечь внимание часового и всего караула. Для этого, не объясняя причин, пришлось привлечь кадетов других классов и устроить изрядную потасовку. Все прошло успешно — и часовой, и весь караул принялись разнимать дерущихся.

Тем временем, не теряя ни секунды, кадеты-симбирцы Пирский, Ипатов, Россин и прикомандированный кадет 2-го Петербургского корпуса Качалов открыли дверь в церковь и сорвали с древков

полотнища знамен. Люди военные, они понимали, что опасности следует ждать в любую минуту и с любой стороны, а потому на «маршруте отступления» везде были расставлены так называемые «махальные», которые должны были оповестить товарищей в случае тревоги, а при необходимости отвлечь от них красногвардейцев, приняв весь удар на себя.

Напомним, что времена тогда были трудные и страшные, человеческая жизнь стоила немного. В случае провала подобное «предприятие» могло даже подвести его исполнителей под расстрел.

Конечно, разумнее всего было бы сразу же вынести знаменные полотнища из корпуса, но здание на ночь запиралось и охранялось вооруженными людьми. Да и по ночным улицам Симбирска без пропуска пройти не представлялось возможным. Рисковать было никак нельзя, и знамена спрятали в корпусе.

Утром большевики заметили их исчезновение. Сразу же были выстроены и опрошены все кадеты, допрос продолжался несколько часов, но никто категорически ничего не знал, все смотрели на комиссаров честными глазами. Тогда в корпусе был произведен повальный обыск — и ничего, разумеется, не нашли: прятать запрещенные предметы кадеты умели, опыт у них был богатый. Так что в то время, когда красногвардейцы перерывали самые укромные и отдаленные уголки здания, знамена находились практически у всех на виду: они были спрятаны в классной комнате, на дне больших кадок с пальмами.

Через два дня, когда красные уверились, что знамен в корпусе действительно нет, и немного успокоились, было решено вынести их в город и

передать прапорщику Петрову, бывшему кадету. Кадеты решили действовать, что называется, «на ура», по принципу «смелость города берет». Самые сильные из кадет отделения спрятали знамена за пазуху, их окружили товарищи — и они всем скопом, сметая по дороге часовых, рванули через парадный вход на улицу.

Получилось! Прапорщик Петров принял и спрятал знамена, которые потом, пройдя очень долгий путь, оказались сначала в войсках генерала Врангеля, а затем были вывезены за границу, как бы эмигрировав вместе со своими кадетами.

Ну а их спасители, попрощавшись с прапорщиком, преспокойно вернулись в корпус, дерзко заявив часовым, что здесь теперь стало очень душно и им хотелось подышать свежим воздухом. Так как ничего другого никто не предположил, объяснение было принято.

Однако на том история не завершилась. Вскоре после описанных событий Симбирский кадетский корпус вообще был закрыт. При этом новыми властями были арестованы и помещены в тюрьму несколько офицеров, обвиненных в сокрытии знамен. То есть пострадали невинные люди! Тогда кадеты Пирский, Россин и Качалов встретились в городе и решили сами идти к большевикам и во всем признаться, заявив, что знамена увез с собой Ипатов, уже месяц как эмигрировавший с родителями в Маньчжурию. Так они и сделали, в результате чего сменили в тюремных камерах своих офицеров, выпущенных на свободу.

Юным героям очень повезло: суд, который разбирал их дело, признал их невиновными, и вскоре вышедшие из тюрьмы кадеты оказались в рядах белых армий.

Атака на пулеметы (НИКОЛАЙ ВОЛКОВ-МУРОМЦЕВ)

Николай Волков-Муромцев родился в Смоленской губернии, в имении Хмелита, где когда-то прошло детство замечательного русского драматурга и известного дипломата Александра Сергеевича Грибоедова. Николай учился в гимназии в древнем городе Вязьме; в 1918 году, в 15 лет, на полгода оказался в московской Бутырской тюрьме, а выйдя оттуда летом следующего года — в Вооруженных силах Юга России. Здесь он был зачислен в эскадрон лейб-гвардии Конного полка и вскоре произведен в чин младшего унтер-офицера.

В боях на Восточной Украине в начале осени 1919 года, в которых Николаю пришлось участвовать, героем был воистину каждый.

10 сентября шел дождь, копыта лошадей вязли в грязи. На подходе к одной из деревень конногвардейцы попали под огонь орудий — в воздухе рвались шрапнельные снаряды, которые били по земле десятками пуль. Впереди, за завесой дождя, были видны приближающиеся цепи красной пехоты.

Конногвардейцы спешились, залегли. Коноводы повели лошадей в тыл. Взвалив на плечо свои «Льюисы», пулеметчики побежали вперед. Вскоре затрещали пулеметные очереди, однако шрапнельный огонь не прекращался, а красная пехота безостановочно продолжала идти вперед.

Сильный удар шрапнельной пулей по каске на какие-то секунды вырубил сознание Волкова-Муромцева. Когда же он очнулся, то ничего не увидел и не сразу понял, что это грязь, в которую он уткнулся лицом, залепила глаза; в ушах у него звенело. Рядом стоял десятилетний Васька — знать бы его фами-

лию! — номер пулеметного расчета, прижимавший к груди четыре тяжелых диска, их тогда называли «барабанами», от «Льюисов».

— Убили Васильева и Кузку, мы расстреляли все барабаны! — бодро и уверенно доложил он.

Васильев и Кузка были двумя другими номерами его пулеметного расчета и тоже мальчишками, ненамного старше Васьки. Даже потеряв товарищей, маленький герой не забыл про свои обязанности: он сбегал в тыл, снарядил диски и возвратился к пулемету, чтобы продолжать бой. Николай взял у него два диска, и оба они побежали на позицию, где лежали два гимназиста — как выяснилось потом, они были не убиты, но ранены и без сознания.

Николай не знал, как устроен этот пулемет, и не мог установить диск.

— Не так! — строго сказал Васька и мигом все сделал.

В составе пулеметного расчета малыш воевал уже не первый месяц.

Атакующие были метрах в четырехстах, когда Волков-Муромцев открыл по ним прицельный огонь. Тут же заговорили другие пулеметы — красная цепь остановилась, смешалась и отступила, на ходу отстреливаясь из винтовок.

На следующий день два конных разезда конногвардейцев отправились в разведку с задачей захватить «языка» — то есть пленного, который сможет рассказать о происходящем у противника. Оставив лошадей там, где остановился его разезд, младший унтер-офицер Волков-Муромцев со своим товарищем Шароновым отправились вперед и, пройдя некоторое расстояние по лесу, увидели большую поляну, на которой стояла полевая кухня, а к ней выстроилась очередь — человек 40 красно-

армейцев. Их винтовки были составлены в козлы, и это оружие никто не охранял.

Волков и Шаронов вернулись к разъезду, и вскоре уже белые окружили поляну полукругом, рассчитывая захватить в бою одного или двух красноармейцев. Однако когда кавалеристы выскочили из-за кустов с винтовками наперевес, никто не бросился к оружию, все просто подняли руки.

Фактически, это были такие же мальчишки, как и те, которые их внезапно атаковали. Выяснилось, что почти все они — крестьяне, недавно мобилизованные в Красную армию. Так случилось, что они отбились от своего батальона, потом подумали и решили возвращаться в родные края. Пленным предложили служить в Белой армии — кое-кто согласился, но большинство попросили отпустить их домой. Задерживать их не стали. Такова специфика гражданской войны: когда же на другой войне задерживают врага, военнотружущего иностранной армии, то его либо берут в плен, либо убивают.

А через два дня Николай Волков-Муромцев захватил в бою два станковых пулемета. Белые атаковали позицию противника в конном строю, понеся чувствительные потери от пулеметного огня. Не испугавшись стрельбы почти в упор, Николай сумел перепрыгнуть на своем коне через окоп, где было пулеметное гнездо, и атаковал его с тыла, а затем дерзко напал на пулеметную тачанку. Таким образом, два «Максима» стали боевыми трофеями. А из 29 человек взвода, в котором служил младший унтер-офицер, осталось после этого боя всего 17.

Эти ребята воевали отважно и честно. Мальчику в 16 лет смерть не кажется такой страшной, как она представляется взрослому человеку, который гораздо лучше понимает цену жизни.

В их возрасте нужно было сидеть за партами, гулять по парку с юными гимназистками, читать приключенческие книги, участвовать в спектаклях любительских театров. Но так распорядилось время, что эти ребята оказались на театре боевых действий. Они сражались, убивали и умирали сами, даже не задумываясь, какая это большая ценность — человеческая жизнь. А потому их можно назвать живым оружием в руках тех взрослых людей, которые, исходя из своих личных интересов, разделили и подняли друг против друга великий и единый по своей сущности народ.

Конечно же, и Николай Волков-Муромцев, и десятилетний пулеметчик Васька, и многие их боевые товарищи были настоящими героями. Героями были также и многие из тех, кто находился на другой стороне, отважно умирая «за землю, за волю, за лучшую долю». И тех, и других одинаково жалко...

Кадетская дружба

(ВАСИЛИЙ ГОНЧАРОВ и ИВАН ЛАТЫШЕВ)

1920 год — время крушения Белого движения на европейской территории России. Осенью покинут Крым остатки войск генерала барона Врангеля, но еще в начале года, 25 января, белые войска эвакуировались из Одессы, которую вот-вот должны были занять красные. В городе вовсю шли бои, в нем начинали хозяйничать бандиты и уголовники, которых вскоре без всякой жалости уничтожат пришедшие красные. Стреляли повсюду. А по неписаным законам войны любое отступление, эвакуация и тому подобные явления, связанные с поражением войск, обыкновенно происходят на

границы паники и обязательно сопровождаются неразберихой, путаницей и беспорядком.

К этому времени в здании Одесского кадетского корпуса кроме хозяев, одесских кадетов, располагались еще и эвакуированные кадеты двух других корпусов — Полоцкого и Киевского. Ранним утром кадеты, офицеры, преподаватели и их семьи начали выдвижение в порт, где должны были погрузиться на английский крейсер «Церес». Шли несколькими партиями, и первая из них уже в порту попала под пулеметный огонь, были раненые, погиб один киевский кадет.

Как думалось, план эвакуации Одесского и прочих корпусов был детально разработан и выполнялся. Между тем на верхнем этаже корпусного здания находились еще 130 кадет младших классов Киевского корпуса — всеми в этой суматохе забытые и оставленные. Младшим из этих ребят — а таковых было большинство — не исполнилось еще и десять лет. По какой-то причине ни одного офицера с ними в это время не оказалось. Прилипнув к окнам, плюща носы о стекло, маленькие кадеты смотрели, как стройными рядами, под грохот барабанов, выходят за ворота корпуса одесские и полоцкие кадеты. Но еще громче барабанов слышны были раздававшиеся с разных сторон выстрелы.

— А мы когда? Про нас что, забыли? — раздавались робкие, испуганные голоса ребят. — Кто за нами придет? Господа, что нам делать?

Но их уже никто не видел, не слышал и приходить за ними не собирался.

Самыми старшими среди оставшихся были пятиклассники: киевский кадет Иван Латышев и Василий Гончаров, кадет Нижегородского графа Аракчеева корпуса, — им было по 15 лет. Как люди

военные, не первый год носившие кадетскую форму, эти ребята приняли командование на себя. Конечно, они могли бы сами сбежать вниз, пристроиться к уходящим и идти с ними, сказав офицерам, что в здании есть еще и другие кадеты — но где гарантия, что англичане будут ждать, пока вернутся за оставшимися? Ведь поддержав белых в начале их движения, когда Красная армия была слаба, союзники, по мере усиления Советской республики, все меньше интересовались представителями «старой» России. В конце концов, Белое движение оказалось предано англичанами, американцами и французами. Хорошо хоть помогли при эвакуации.

Зато у кадетов чувство дружбы, товарищества и взаимовыручки стояло и стоит на первом месте. Не думая о том, что они сами могут остаться в Одессе, куда скоро войдет враг, Латышев и Гончаров решили спасти младших товарищей.

— Стройся! Становись! — приказали они младшим кадетам, которые быстро и охотно выполнили команду.

В сложной и опасной ситуации люди охотно подчиняются тому, кто уверенно берет на себя груз ответственности.

Во дворе корпуса кадеты быстро выстроились в шеренги. Инструктаж был недолгим:

— Не отставать! Не терять из виду товарищей, идущих рядом! Шагом марш! С Богом!

Иван пошел впереди строя, Василий — сзади, чтобы быть уверенными, что никто не задержался, не отстал. По дороге они несколько раз менялись местами, чтобы у самих не притуплялась бдительность. Возле Сергиевского артиллерийского училища старшекласники дали команду остановиться.

— Всем оставаться в строю! — приказал Гончаров. — Стоять вольно! Кадеты 4-го класса — за мной!

Расчет оправдался: в училище кадеты нашли винтовки, и старшие ребята были ими вооружены. Теперь можно было идти гораздо спокойнее.

В порт успели вовремя: английский крейсер «Церес» еще стоял у стенки, трубы его дымили. Гончаров и Латышев перестроили кадетов на пристани, так что самые младшие оказались впереди строя, и быстро, цепочкой, одного за другим, направили их по трапу. Гончаров вел ребят за собой к трюму, который им определили, а Латышев стоял у трапа. На нем были полушубок, какие носят часовые, и кадетская фуражка, так что английский матрос, охранявший вход на трап, не сообразил, что этот рослый, странно одетый юноша тоже кадет, и подумал, что это солдат охраны, а потому не захотел пустить его на борт и даже оттолкнул прочь. Зря он так сделал! Ваня Латышев так врезал ему в ответ, что англичанин беспрекословно пропустил по трапу и его, и еще каких-то запоздавших одесских кадетов, прибежавших в эту минуту.

Ребятишки разместились в трюме, на кучах угля — и ни еды, ни питья. Уже позже, в море, их пересадили на болгарский пароход «Царь Фердинанд», где было гораздо удобнее, да еще и накормили всех от души. Через несколько дней кадеты сошли на болгарский берег в городе Варне.

Судьба юных героев сложилась впоследствии по-разному. Оба они окончили Первый русский кадетский корпус в югославском — сербском — городе Белграде, но военными людьми не стали: той Русской армии, в которой они начинали служить, больше не было, а в иностранных армиях служить

не хотели. И как-то так получилось, что оба выбрали профессии, связанные со строительством: Иван Латышев стал архитектором, Василий Гончаров — инженером-строителем.

После окончания Второй мировой войны Латышев возвратился на Родину, в Россию — в Советский Союз, жил, работал и умер в городе Ленинграде. Его боевой друг Гончаров навсегда остался в Югославии — там жил и умер.

Гордость героев

(КРЫМСКИЕ КАДЕТЫ)

Осень 1920 года, остатки Белой армии покидают Крым. На одном из иностранных пароходов под названием «Хриси» на Константинопольский рейд прибывают юные герои — кадеты Крымского корпуса. До революции они обучались в различных кадетских корпусах, потом, после их закрытия, оказались в рядах белых армий, участвовали в боях, имея одну цель и мечту: пожертвовать собой во имя Отечества. Многие их товарищи со славой погибли на поле чести. Помнили ребята, как один из них — кадет Владикавказского корпуса Алексей Тихонов, смертельно раненый, лежал на соломе, покрытый своей шинелью, и говорил офицеру: *«Я знаю, что умру. Но Боже, как легко умирать за Россию!»*.

Теперь они разделяли горькую судьбу своих старших товарищей — юнкеров, офицеров и генералов Русской армии, которые покидали Россию и навсегда уезжали в эмиграцию.

То, что хлеб чужбины горек, они поняли, лишь только поднялись на борт иностранных пароходов

и кораблей. О том, чтобы накормить беженцев — даже мальчишек-кадетов, снабдить их водой, никто здесь не позаботился. Мол, вас везут — и будьте счастливы. В последние дни в Крыму, точнее даже в последние месяцы войны, мало кому из ребят удавалось поесть досыта. Про то, чтобы это было еще и вкусно, никто и не вспоминал. Но на судах вообще была голодуха! Не зря великий поэт Александр Сергеевич Пушкин сказал о том, что Запад в отношении России сколь невежественен, столь и неблагодарен... О том, что недавно, в мировую войну, Русская армия несколько раз спасала французов и англичан, оттягивая на себя немецкие войска с Западного фронта, не вспоминал уже никто.

Когда пароход «Хриси» подошел к турецкому берегу, на его реях кроме положенных сигнальных флагов были вывешены еще два морских сигнала: флажки, обозначавшие «терпим голод» и «терпим жажду». Это было остроумно, но являлось реальностью. Однако это ни на кого впечатления не произвело, не вызвало желания немедленно помочь, и пароход, бросив якоря, встал на рейде в ожидании дальнейших указаний.

Примерно час спустя со стороны берега, красиво и стремительно разрезая форштевнем волну, показался английский «истребитель» — так назывались в королевском флоте эскадренные миноносцы. Замедлив ход, он прошел мимо борта «Хриси», развернулся и обошел пароход с другой стороны, сбавляя скорость и стопоря машину. Столпившись на палубе, мальчишки рассматривали британский корабль. Все заметили, что на нем происходит нечто необычное: на верхней палубе был установлен громоздкий киносъёмочный аппарат. Но еще раньше кадеты увидели — это при-

влекло гораздо большее внимание, — что рядом с аппаратом стоял стол, на котором грудой лежали аппетитные ломти аккуратно нарезанного белого хлеба. Такого красивого хлеба они не видели очень давно!

Кто знает, что такое голод, тот может понять, что у каждого из кадетов рот наполнился слюнями и подвело живот. Есть и так хотелось безумно, а тут прямо перед ними — привезенный для них хлеб, который сейчас раздадут.

Глядя на хлебное сокровище, ребята не обращали никакого внимания на стоявших у борта «истребителя» нарядно одетых английских дам и джентльменов — их было десятка полтора, и среди них выделялся какой-то русский чиновник в форменном мундире полувойенного образца.

Корабль подошел к пароходу почти вплотную.

— Вы очень голодны? — крикнул ребятам чиновник.

Ответом ему был дружный ор изголодавшихся мальчишек.

— Не волнуйтесь! Эти леди о вас позаботятся! Но сначала мы сделаем маленькую съемочку, — продолжал кричать чиновник. — Она будет для вас полезна, на вас обратят внимание солидные круги британской общественности.

— У-у-у-у! — разочарованно протянули мальчишки, понимая, что им придется еще некоторое время подождать куска заветного хлеба. Сниматься, тем более на голодный желудок, особого желания не было. Поесть бы и отдохнуть на твердой земле и свежем воздухе после тесной духоты корабельных трюмов.

Но тут вице-унтер-офицеры, командиры из самих кадетов, приказали:

— Становись!

Ребята, поправляя обмундирование, заняли места в строю, всякие стоны и разговоры прекратились. Люди военные, они хорошо понимали, что такое дисциплина. Да и ждали: снимут и будут кормить, тянуть время не в их интересах.

Оператор закрутил ручку съёмочного аппарата, и тут вдруг англичане стали кидать ломти хлеба прямо в строй. Кто-то начал хватать куски на лету, но кадет Лазаревич, из старшекласников, крикнул:

— Отставить! Стоять смирно! Не прикасаться к этому хлебу! Не видите, что эта сволочь хочет показать «русских дикарей», которые дерутся из-за еды?!

Кадеты поняли и замерли, вытянув руки по швам. У кого-то из малышей текли по щекам слезы, кто-то закрыл глаза... Но куда было спрятаться от дразнящего запаха свежего хлеба? А ломти его ударяли ребят по фуражкам, по погонам, падали на палубу или за борт. Тут же появились наглые портовые чайки, которые ловили и склевывали летящие и упавшие куски. Но никто из юных героев не пошевелился. Оператор прекратил крутить ручку своей камеры: уж очень непристойно и глупо выглядела вся эта картина — леди и джентльмены, кидающиеся хлебом в замерший строй детей.

Было слышно, что англичане на эсминце громко выражают свое неудовольствие и, кажется, входят в азарт — мол, кто кого переупрямит? Вместе с хлебом на мальчишек посыпались пачки сигарет. Курение — это та зараза, с которой в кадетских корпусах боролись долго и безуспешно. Курили

многие, тем более что на войне табак на время помогал забывать про голод, — и потому курить кому-то из ребят тоже очень хотелось, но и яркие сигаретные пачки также падали на дощатую палубу. Никто не поймал, никто не нагнулся. Ребята понимали, что сейчас, стоя здесь, у борта чужого парохода, перед этими зажавшимися людьми, они своим поведением поддерживают честь русских воинов. Да, проигравших войну, да, вынужденных оставить свою Родину, но не потерявших достоинства и самоуважения. И это тоже был своего рода маленький подвиг — в продолжение и подтверждение всего, уже сделанного ими ранее.

— Напрасно вы так! Дамы хотят сделать снимки для вашей пользы! — кричал с борта «истребителя» чиновник. — Что вам стоит доставить им удовольствие?

— А шел бы ты!.. — ответили ему юношеским баском.

Вскоре обиженные англичане уехали, экономно увозя с собой не разбросанный ими хлеб.

— Да, господа, тяжело здесь нам будет! — сказал товарищам вице-унтер-офицер Михаил Каратеев.

— Выдержим! — говорили кадеты. — И не такое уже пережили!..

Крымский кадетский корпус впоследствии был размещен в сербском городе Белая Церковь, и русские кадеты уже здесь завершили свою учебу, ранее прерванную войной. Почти никто из них так никогда и не смог вернуться в Россию.

«ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ, СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии продолжалась 1418 дней. Мы не имеем права забывать о том, что в годы этой самой большой и страшной войны погибло более двадцати семи миллионов советских граждан — наших соотечественников, представителей всех, без исключения, народов, населяющих нашу великую страну.

В ее историю вошли не только грандиозные сражения: битвы за Москву и Сталинград, героическая оборона Ленинграда и Севастополя, операция на Курской дуге, бои за освобождение Украины и Белоруссии, взятие Кенигсберга и Берлина, но и многочисленные подвиги, совершенные советскими воинами, партизанами, ополченцами, а порой и простыми, совершенно далекими от армии гражданами во имя освобождения своей Родины от гитлеровских захватчиков. Это суровое время превращало в героев даже детей, мальчишек и девочек разных возрастов, сражавшихся в рядах Красной армии, воевавших юнгами на боевых кораблях, выполнявших обязанности разведчиков партизанских отрядов и подпольных организаций, дежуривших в отрядах местной противовоздушной обороны... Сколько из них отдали свою жизнь за Родину — не подсчитал никто.

К сожалению, нам известны далеко не все подвиги юных героев Великой Отечественной войны, не все они получили должную оценку, не все были отмечены государственными наградами... Но ведь подвиг совершается не для наград и славы — он со-

вершается во имя Родины, во имя своего народа, во имя победы. Из этих подвигов — прославленных и безвестных — сложилась наша Великая Победа в самой страшной и кровавой войне.

ЗОЛОТЫЕ ЗВЕЗДЫ ПИОНЕРОВ

Звание Герой Советского Союза — высшая степень отличия в СССР — присваивали за совершение героических подвигов.

За годы Великой Отечественной войны оно было присвоено более чем одиннадцати тысячам человек. Но четверо из них занимают в этом списке особое место: это юные Герои Советского Союза Зина Портнова, Леня Голиков, Валя Котик и Марат Казей, которые остались в истории под именем пионергероев, потому как на момент совершения своего подвига все они состояли во Всесоюзной Ленинской пионерской организации, были пионерами. Все они были удостоены звания Героя посмертно.

Наш рассказ — об их удивительных судьбах и бессмертных подвигах.

Дуэль с генералом (ЛЕНЯ ГОЛИКОВ)

Жизнь Лени Голикова вряд ли можно назвать легкой и счастливой. Он родился и вырос в Новгородской области, в деревне Лукино, близ легендарного Ильмень-озера. Окончив пять классов, Леня пошел работать на фанерный завод в городе Старая Русса — нужда заставила.

9 августа 1941 года Старая Русса была оккупирована гитлеровцами. «Под немцем», как тогда говорили, оказалось и село Лукино. О том, что делать, Ленья не раздумывал: на территории его родного Парфинского района уже действовал 67-й партизанский отряд 4-й Ленинградской партизанской бригады — Голиков пришел в отряд и был зачислен разведчиком.

Под различными предлогами он ходил по знакомым ему селам, смотрел, где расположены гитлеровские гарнизоны, огневые точки и склады, где проходят линии связи, стоят часовые... Нередко юный разведчик брал с собой листовки, в которых рассказывалось о том, что Красная армия продолжает бои, враг уже терпит поражения и победа обязательно будет за нами.

Лене только исполнилось пятнадцать, но если бы он попался немцам, его бы повесили. С разведчиками не церемонились — тем более гитлеровцы на оккупированной ими территории.

Конечно, Голиков понимал всю важность своих заданий, но ему очень хотелось самому бить фашистов: взрывать их поезда и склады, стрелять в них из автомата. Уж слишком много всего повидал Ленья за время походов по тылам противника: сожженные села, своих земляков, живших в землянках посреди заснеженных полей, повешенных и расстрелянных людей, разграбленные хозяйства... За все это хотелось мстить, уничтожить непрошенных «гостей» без всякой жалости — а ему приходилось находиться среди немцев, выполнять какие-то их приказы, оказывать им различные услуги, униженно улыбаться и благодарить за нещедрые подачки. Это — судьба разведчика, не имеющего права выдать себя ни словом, ни жестом, ни взглядом... Командир отряда

понял состояние мальчика и разрешил ему участвовать в боевых операциях.

Леня поспешил открыть свой боевой счет и увеличивал его раз за разом. Партизаны не имели достаточно сил, чтобы нападать на гарнизоны противника или его крупные подразделения, зато они минировали мосты, железные и шоссейные дороги, а в партизанские засады попадали мелкие подразделения немецких войск, их обозы, автомобильный транспорт. Фашисты нигде не могли чувствовать себя спокойно, для охраны штабов, гарнизонов, коммуникаций привлекались все новые и новые силы, а это значит, все большее число немецких солдат находилось не на фронте, а в тылу. Особый счет предъявляли народные мстители к полицаям и предателям, по собственному желанию поступившим на службу к гитлеровцам, — чтобы и самих изменников наказать, и другим неповадно было.

На личном счету Голикова было 14 мостов и девять автомашин противника, большое количество истребленных гитлеровских солдат и офицеров, и эти его боевые дела получили высокую оценку партизанского командования: юный партизан был награжден орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны». Награды серьезные, самые боевые!

Но партизанская война для Лени Голикова продолжалась всего только год. 24 января 1943 года он затаился в засаде у шоссе, неподалеку от села Острая Лука, что в Дедовичевском районе Псковской области. Чутье не подвело юного разведчика: скоро он услышал шум мотора легкового автомобиля. Дорога здесь была прямая, удобная для наблюдения, и Леня, к своей радости и удивлению, увидел, что по шоссе быстро едет легковой автомобиль,

выкрашенный белой маскировочной краской, причем без всякого охранения или конвоя.

Точно рассчитав, мальчишка метнул под колеса машины тяжелую противотанковую гранату. Взрыв! Автомобиль тут же загорелся, но за мгновение перед тем распахнулась задняя дверь и на дорогу, испуганно озираясь, выскочил немецкий военный. В одной руке у него был пистолет, другой он прижимал к груди кожаный портфель. Больше из машины никто не появился — наверное, шофер и другие пассажиры, если они там были, погибли при взрыве.

Леня увидел красные отвороты шинели, красные петлицы, лампасы на брюках-галифе и понял — перед ним генерал.

— Хальт! — закричал он. — Хенде хох!

В переводе на русский это означало «стой!» и «руки вверх!». Немец, очевидно, это понял, но поступил совсем наоборот: он выстрелил в том направлении, откуда услышал голос, и побежал по шоссе. Леня тоже выстрелил и бросился вслед за генералом.

Тот бежал довольно быстро, периодически останавливался, стрелял — и бежал дальше. Голиков не отставал, но и не приближался, чтобы не быть подстреленным. Сам он стрелял в тот момент, когда немец останавливался — так было легче целиться, и потому генерал старался долго не стоять на одном месте: повернется, чуть задержится — и бегом. Это была странная дуэль двух противников: немецкого генерала и 16-летнего русского партизана.

Хотя затягивать эту «дуэль» для Лени было опасно: в любую минуту на шоссе могли появиться немецкие машины. По этой же причине партизан сразу отогнал от себя соблазнительную мысль взять

генерала в плен и привести такого замечательного «языка» в отряд.

Почти километр преследовал он врага, но вот генерал в очередной раз остановился, нажал на курок, однако пистолет лишь сухо щелкнул: кончились патроны. Гитлеровец схватил новую обойму, но вставить ее в пистолет уже не успел — приблизившись, партизан выстрелил.

Труп генерала Леня оттащил в сторону от шоссе и засыпал снегом — пусть фрицы его еще поищут. Взяв портфель и оружие своего противника, мальчик побежал в глубь леса по хорошо известной ему тропинке.

В портфеле, который Леня доставил в отряд, оказались настолько важные документы гитлеровского командования, что в ту же ночь за ними был прислан из Москвы самолет. Вот только Леня Голиков об этом уже не узнал...

Отдав командиру отряда документы, он спросил:

— А где ребята? Почему народу в лагере мало-мало?

— Вот ведь все заметишь! — усмехнулся командир. — Наши пошли к Острой Луке — разведчики сообщили, что там к вечеру большой обоз должен пройти.

У мальчика загорелись глаза:

— Товарищ командир, разрешите я туда? Я успею!

— Нет, не надо. Ты устал, отдохни. Вон ведь какое важное дело сделал! Дай и другим поработать...

— Ну, товарищ командир...

— Что с тобой делать, герой? Давай уж...

В том бою, в этот свой «звездный день» Леня Голиков погиб и был, вместе с другими павшими партизанами, похоронен в селе Острая Лука.

Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза — это произошло еще во время войны, в начале 1944 года.

Девочка из Ленинграда (Зина ПОРТНОВА)

Война застала ленинградскую школьницу Зину Портнову в белорусской деревне Зуи Витебской области, куда она приехала на каникулы к своей бабушке. Возвратиться домой Зина уже не успела — пришли немцы.

Вскоре в поселке Оболь, неподалеку от которого находилась деревня, была организована подпольная комсомольско-молодежная организация «Юные мстители». Ее возглавляла работница местной швейной фабрики Ефросинья Зенькова, ставшая потом Героем Советского Союза. Подпольщики держали под наблюдением местный гарнизон, передавая полученную информацию в партизанский отряд, носивший имя Ворошилова — одного из первых советских маршалов. Они также совершали различные диверсии: то немецкий склад подожгут, то мину под машину подложат... За время своего существования отряд совершил двадцать одну такую диверсию.

В 1942 году в организацию «Юные мстители» вступила и Зина Портнова. Поначалу она, как и все ребята, распространяла листовки, вела разведку, наблюдая за тем, что делается в гарнизоне. Потом ей доверили очень сложное и опасное самостоятельное задание: для его выполнения Зина устроилась на работу посудомойкой в немецкую офицерскую столовую. Устроиться-то она устроилась, однако

скоро почувствовала, что немецкий повар, которому она должна была помогать, относится к ней с недоверием и внимательно приглядывает, почти не спуская глаз. В общем-то, это было неудивительно: девочка из Ленинграда отличалась от своих деревенских сверстниц. Она даже говорила иначе... Но отступить было некуда, следовало выполнять задание — если бы Зину заменили кем-то из местных девочек, это вызвало бы еще большие подозрения.

Вскоре ребята из отряда передали Зине яд, который она должна была подсыпать в пищу немецким офицерам. Хотя повар за ней и присматривал, однако не мог же он все время находиться на кухне. Дождавшись, когда немец ненадолго отошел, Зина высыпала весь порошок в котел, в котором варился суп. К вечеру многим офицерам стало плохо.

— Это она, — говорил повар гестаповцам, тыча пальцем в Портнову. — Я ей никогда не доверял. У нее глаза злые. Да и некому больше: тут все свои, одна она — русская!

— Мы проверим, — спокойно отвечал немецкий офицер. — Если люди отравились в столовой, то, наверное, во время обеда. Покушай и ты, девочка... Накормите ее, — приказал он повару.

Тот схватил большую миску, плеснул туда супа, щедро положил на тарелку второе, налил в поллитровую кружку компот.

— Ешь! Быстро!

Никогда еще немцы не кормили Зину так щедро. Но тут они тесно окружили стол, за которым сидела девочка: при таком внимании есть очень трудно, кусок в горло не лезет, а главное — Портнова ведь сама высыпала в этот суп отраву!

Но сказать: «Спасибо, сыта!» — значило подписать себе смертный приговор, потому как никому

не докажешь, что не ты отравила суп, который не хочешь есть.

Зина это прекрасно понимала. Знала она и то, что отравление гитлеровцы почувствовали не сразу, а значит, у нее было время принять противоядие. Поэтому, хотя было страшно и противны казались взгляды, провожающие каждую подносимую ко рту ложку, девочка стала есть этот проклятый суп, который уже остыл и был совершенно невкусным.

Однако она все съела: и суп, и второе, и компот выпила — все, до последней ложечки, до последней капельки, и лицо ее при этом было спокойно, и вела она себя сдержанно. Но хотя посуда давно была вымыта, и в такое время Зина обычно уходила домой, на этот раз повар ее задержал, ожидая, очевидно, что девочка начнет нервничать, станет отпрашиваться, чтобы ее отпустили.

Ничего подобного! Портнова вела себя как обычно, и повар, решив, что она тут ни при чем, наконец-то ее отпустил. И только когда ее уже не было видно с кухни, Зина со всей мочи побежала к бабушкиному дому. Бабушка напоила ее целебными травами, а сосед отвез девочку на телеге в партизанский отряд, где Портновой оказали необходимую медицинскую помощь.

С этого времени, с августа 1943 года, Зина Портнова стала разведчицей отряда имени Ворошилова, куда вошли и все другие ушедшие в лес члены подпольной организации «Юные мстители» во главе с их командиром Зеньковой. Теперь они сражались против фашистов с оружием в руках.

На счету Зины было не одно успешно выполненное боевое задание. Однако известно, что воинская специальность разведчика — одна из самых опасных. Противник рядом, а не где-то за линией

колючей проволоки. Малейшая ошибка, неверный шаг, какая-то случайность в любую минуту грозят провалом. Но самое страшное — это предательство, измена того человека, которому ты доверял.

В декабре 1943-го, когда, возвращаясь с задания, Зина проходила через деревню Мостище, ее узнал и выдал предатель. Девушка тут же была схвачена гестаповцами, доставлена в деревню Горяны и подвергнута допросу.

— Не знаю... Вы ошибаетесь... Вы меня с кем-то спутали... — спокойно повторяла она, словно бы действительно была ни при чем и не понимала, что ей грозит.

Немецкие следователи поначалу тоже вели свою игру, были вежливы, спокойны и предупредительны. Но вскоре они стали нервничать, горячиться, и один из офицеров даже достал из кобуры пистолет:

— Считаю до трех — и стреляю! Раз, два... Ты партизанка? Говори! Где ты была? Кто тебя послал?

Стрелять немец, конечно, не стал, но так кричал, что чуть было не сорвал голос и захотел пить. Оставив пистолет на столе, он вышел в соседнюю комнату. Его напарник продолжал вкрадчивым голосом убеждать Зину во всем признаться. Она придвинулась поближе к столу, наклонилась, словно прислушиваясь к его словам, и вдруг схватила пистолет. Выстрел — офицер замертво упал на пол. Тут же в комнату вбежал второй офицер — и тоже был убит, как и бегущий вслед за ним часовой-автоматчик.

Зина бросилась к дверям, попыталась бежать, но тут на нее навалились часовые, скрутили, стали избивать. Потом ее отвезли в тюрьму, где допросы и избиения продолжались не одну неделю. Но гитлеровцам так и не удалось ничего узнать. Юная

героиня была зверски замучена в гестаповских застенках и умерла в январе 1944 года.

Посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

Самый юный Герой

(Валя КОТИК)

Война в село Хмелевка Шепетовского района Хмельницкой области пришла неожиданно быстро. Лишь две недели тому назад, ранним утром 22 июня, увидели жители села, как летели на Киев армады немецких бомбардировщиков, в полдень того черного дня по радио объявили о нападении Германии — и вот уже нескончаемыми колоннами пошли через село наступающие гитлеровские войска. Подразделения Красной армии пытались задержать немцев и некоторое время оборонялись неподалеку от села, но врагов было гораздо больше, и те немногие красноармейцы, кто уцелел, вынуждены были вновь отступить.

В то время Вале Котику, который всю свою жизнь прожил в Хмелевке, было одиннадцать лет, он только окончил 5-й класс. Нужно ли спрашивать, чем занимаются мальчишки в тех местах, где прошли бои? Конечно же, собирают оружие, взрывчатку и боеприпасы. Опасное это занятие, да и жутко было видеть неубранные трупы советских бойцов, лежащие в окопах, но зато там можно было найти и винтовку-трехлинейку с длинным шттыком, и тяжелый немецкий автомат, а если очень повезет, то револьвер или пистолет. Конечно, это оружие, а также и ручные гранаты, опробовалось и надежно пряталось в лесу.

Как-то вечером в хату к Котикам заглянул один из знакомых его родителей, поговорил с матерью Вали, а затем предложил мальчику ненадолго выйти на улицу для разговора.

— Валентин, — сказал он строго. — Пацаны тебя уважают, так что собирай их всех и скажи, пусть свои «стволы» откапывают и тебе сдают, а ты их мне передашь — отвезем к партизанам... Вам оружие не нужно — не детские игрушки!

— Какие такие «стволы»? Какое оружие? — пробормотал Валя, чувствуя, как краснеют его уши. — У нас ничего...

— Тебе что, под немцем жить нравится? Может, в полицаи запишешься? — усмехнулся мужчина. — Оружие должно врага бить, а не в земле лежать! Понял?

— Так точно! — по-военному ответил Котик.

Через два дня, спрятав под сеном на телеге небольшой арсенал, сданный ребятами, знакомый увез его в лес. Так началась подпольная работа Вали Котика.

Не вдруг и не сразу, а только в следующем, 1942 году подпольщики шепетовской организации стали давать Вале боевые поручения: что-то кому-то передать, что-то выяснить... Понятно, что местные мальчишки примелькались и немцам, и их прислужникам-полицаям, так что те не обращали на них внимания, разве что приказывали иногда: «сбегай-подай-принеси». Котик охотно выполнял такие поручения, потому как при этом много чего можно было увидеть и разузнать. Например, он точно узнал расположение постов и порядок смены караула в соседнем немецком гарнизоне — и вскоре на него напали партизаны.

Еще через год, уже в августе 1943-го, Валу записали в партизанский отряд имени Устима Кар-

мелюка — национального героя Украины, который в XIX веке боролся против помещиков. В ответ на такое доверие юный партизан вскоре сделал своим товарищам достойный подарок: он обнаружил место, где находился колодец подземного кабеля связи, ведущего к гитлеровской ставке в Виннице. Подрыв этой коммуникации надолго оставил бункер без связи.

А буквально несколько дней спустя, 29 октября, неся сторожевое охранение на дальних подступах к лагерю, Валя заметил, что по лесной дороге движется карательный отряд. Пожалуй, разумнее всего было бы тихо ускользнуть со своего поста и быстро бежать к лагерю, чтобы предупредить товарищей. Но Котик поступил по-другому: он внимательно присмотрелся, определил, кто там командир, — и метким выстрелом убил офицера, а затем, пользуясь общей растерянностью, бросился прочь.

Риск был огромный: промахнись он, немцы бы сразу открыли огонь по кустам, где находился юный герой. Но после меткого выстрела сработал психологический эффект: оставшись без командира, солдаты на какое-то время обязательно теряются сами, не зная, что делать. Зато не растерялись предупрежденные партизаны, встретившие карателей метким огнем.

Партизаны вели свою «малую войну», а в это время Красная армия уже развивала победоносное наступление по территории Украины. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, и это было заметно даже по работе железных дорог, по которым непрерывно шли немецкие поезда: на восток они везли все новые и новые воинские контингенты и технику, на запад — награбленное имущество и раненых. Перед партизанами была поставлена задача усилить

«рельсовую войну», то есть как можно чаще проводить диверсии на железных дорогах.

Звучит это просто, но даже подойти к железнодорожному полотну было опасно: вокруг дороги выставлялись сторожевые посты, рядом ходили патрули, по рельсам ездили дрезины с пулеметчиками. Но ничто не могло остановить народных мстителей — эшелоны, груженные танками, орудиями и солдатней, пускались под откос, так что гитлеровцы, не доехав до фронта, уже несли ощутимые потери. Да и взорванные рельсы необходимо было восстанавливать, что требовало немалого времени.

Валя сражался наравне со взрослыми и вскоре уже стал опытным подрывником: на его личном счету было шесть вражеских эшелонов, взорванных на пути к фронту. Его боевой труд получил высокую оценку Родины: юный партизан был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны». Далек не все взрослые могли гордиться такими наградами.

11 февраля 1944 года Вале Котику исполнилось 14 лет. Партизанская война на территории Украины уже подходила к своему завершению: Красная армия громила и гнала врага, освобождая оккупированные земли. Выходить из борьбы партизаны не хотели, и многие отряды присоединялись к регулярным подразделениям, вместе с ними участвовали в боях. Так и при освобождении города Изяслава в боях вместе с войсками 60-й армии знаменитого генерала Ивана Даниловича Черняховского участвовали партизанские отряды, в том числе отряд имени Устима Кармелюка.

В этих боях 17 февраля, через неделю после своего дня рождения, Валя Котик был смертельно

ранен. Его похоронили в городе Шепетовке — райцентре той местности, в которой он прожил свою недолгую, но славную жизнь.

В 1958 году Вале было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Из всех Героев он был самым молодым.

Последняя граната

(МАРАТ КАЗЕЙ)

Уже через неделю после начала войны белорусская деревня Станьково, где жил Марат Казей, оказалась в тылу немецких войск. Устанавливая «новый порядок», гитлеровцы превращали Белоруссию в выжженную землю — в самом прямом смысле слова. Почти полностью было разрушено 209 городов и районных центров, сожжено более 9200 деревень, погиб каждый четвертый житель республики. Вечным памятником этой трагедии стал мемориал на месте, где была деревня Хатынь, сожженная вместе со всеми жителями.

Но белорусы не ждали покорно своей участи — они боролись с оккупантами, как могли. На территории республики сразу возникло и активно действовало партизанское движение, наносившее захватчикам очень чувствительные удары.

Мама Марата, Анна Александровна, оставаясь жить дома с детьми, выполняла задания партизан. Марат о том, конечно, ничего не знал: когда началась война, ему было 11 лет, и ни в какие партизаны никто его не звал.

В селе стояли гитлеровцы, и мальчику приходилось сидеть дома, не высываясь, потому как получить немецкую пулю не составляло труда: зайдешь

случайно куда не надо, наткнешься на фашистский патруль — и пиши пропало!

В 1941 году Марат окончил четыре класса, но в пятый ему идти не пришлось: школу фашисты превратили в казарму. Здание было новое, добротное; к тому же враги боятся образованных людей — их труднее обманывать и сложнее себе подчинить, потому стараются закрывать школы и учебные заведения.

Вскоре оккупанты каким-то образом узнали, что Анна Александровна — подпольщица. Ее схватили, доставили в минское гестапо, пытали и казнили.

Горе обрушилось на семью Казеев. Но, как сказала Марату его старшая сестра Ада, плакать у них времени не было. Гитлеровцы в любую минуту могли прийти и за ними — вдруг ребята что-то знают и расскажут, испугавшись угроз и пыток. Поэтому им нужно было все бросать и уходить в лес, к партизанам. А там уже можно и пережить свое горе, и сполна отомстить врагу.

Так летом 1942 года Марат и Ада Казей оказались в станьковском лесу, в партизанском отряде имени 25-летия Октября. Мальчик быстро показал себя отважным и сообразительным бойцом и вскоре стал разведчиком штаба 200-й партизанской бригады имени генерала Рокоссовского. Константин Константинович Рокоссовский командовал тогда войсками Белорусского фронта, он был одним из самых известных и популярных в народе советских военачальников.

Партизаны старались быть достойны этого славного имени. Они взрывали железнодорожные пути и шоссейные дороги, уничтожали линии связи, нападали на немецкие гарнизоны. Конечно,

любой партизанской операции предшествовала разведка — и юный разведчик Марат выполнял самые сложные и опасные задания. Изображая бродяжку-нищего, он высматривал и точно определял уязвимые места вражеской обороны, сообщал о них партизанам.

Однажды ему удалось проникнуть в фашистский гарнизон, находившийся в районном центре — городе Дзержинске, и составить план расположения постов и огневых точек, линий связи. Используя эту информацию, партизаны разработали дерзкую операцию и, застав гитлеровцев врасплох, забросали гранатами казармы, подожгли и взорвали склады с боеприпасами и горючим.

Марат не только проводил разведку, но и сам, лишь выдавалась такая возможность, участвовал в боевых операциях. Особенно нравились ему диверсии на железной дороге, когда, тщательно разработав маршрут, партизаны находили уязвимый участок, обманывали охрану и закладывали мины. Потом, когда вражеский эшелон взрывался, бойцы открывали ураганный пулеметный и автоматный огонь по уцелевшим гитлеровцам, а затем отступали, чтобы вскоре появиться совсем на другом участке и снова устроить диверсию... За боевые подвиги юный партизан был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны».

11 мая 1944 года Марат возвращался с очередного задания. Это было прекрасное время, потому что весна несла освобождение — Советская армия громила врага и уже вступила на территорию Белоруссии.

Гитлеровцы, предчувствуя свой скорый конец, лютовали. Они жгли деревни, расстреливали

людей безо всякой причины. Ходить в качестве нищего бродяжки юному разведчику было уже опасно, поэтому приходилось менять тактику, не попадаться гитлеровцам на глаза и брать с собой оружие.

Вот и теперь, возвращаясь в штаб бригады, Марат придерживал рукой автомат, а его карманы оттягивали две гранаты-лимонки. Переходя дорогу неподалеку от деревни Хоромицкие, что в Узденском районе, он наткнулся на гитлеровцев. Солдат было много, они заметили мальчика, который пытался от них спрятаться, и Марат понял, что надо принимать бой. Он кинул во врагов гранату, упал на землю, приготовил автомат. Грохнул взрыв, над головой полетели осколки, с той стороны раздались крики. Лимонка — оружие мощное, так что кому-то хорошо досталось. Потом загрелись автоматные очереди.

Но юный разведчик не стрелял, он затаился, ожидая, что будет дальше. Может, гитлеровцы побоятся напороться на партизанскую засаду и уйдут. К тому же патронов у него было немного — в разведку солидный арсенал с собой не потащишь.

Видя, что партизан не стреляет, немцы поднялись и пошли к нему. Вот тут-то Марат и открыл огонь. Кто-то упал, остальные солдаты залегли, рассредоточились, окружая разведчика кольцом, и стали стрелять с разных сторон, приближаясь короткими перебежками. Марат отстреливался по разным направлениям, заставляя противника держаться на расстоянии.

Однако фашисты подбирались все ближе, а патронов в рожке автомата оставалось все меньше. Мальчику было ясно, что этот бой долгим быть не может. Что потом? Марату этого объяснить не

требовалось: он знал, что попавших в плен партизан гитлеровцы подвергают самым зверским, изощренным пыткам. Таким, что не всем удастся их достойно выдержать и не выдать информацию, чтобы прекратить или хотя бы облегчить свои мучения. Поэтому в плен попадать было нельзя.

Вдруг, вместо очередного выстрела, его автомат лязгнул железом.

Патроны кончились. Скоро гитлеровцы это поймут и подойдут. Марат выпустил из рук автомат, достал из кармана ребристую зеленую лимонку. Аккуратно развел проволочные усики, которыми закрепляется кольцо. Крепко зажав гранату в кулаке правой руки, чтоб рычаг был прижат к корпусу гранаты, он левой выдернул кольцо и бросил его на землю. Затем встал, поднимая руки вверх. Не очень высоко, как делают трюсы, а так, чтобы сжатые кулаки были на уровне плеч — мол, вот он я, деваться мне некуда.

Только теперь немецкие солдаты смогли разглядеть своего противника, к общему удивлению — мальчишку. Опустив автоматы, громко переговариваясь и ничего уже не опасаясь, они неторопливо подходили к юному партизану. И тут Марат немного разжал правый кулак, освобождая рычаг, который отпустил ударник, щелкнувший по взрывателю. Через несколько секунд, когда враги подошли к нему вплотную, раздался взрыв мощной гранаты... Ценой своей жизни Марат уничтожил еще нескольких гитлеровцев.

За мужество и отвагу Марат Казей был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

«ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ»

Юный герой Бреста

(ПЕТЯ КЛЫПА)

Когда 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз, первыми удар гитлеровских войск приняли пограничные заставы. Немецкое командование рассчитывало преодолеть эту «преграду» за пятнадцать минут, однако приграничные бои растянулись на долгие часы и даже дни. Одним из самых серьезных очагов сопротивления стала Брестская крепость — старинное укрепление на польской границе, стоящее у слияния рек Буг и Мухавец. Хотя к тому времени она давно уже утратила свое оборонительное значение и была местом размещения нескольких пограничных частей и войсковых соединений Красной армии.

Красноармеец Петя Клыпа прослужил в Брестской крепости несколько лет, а ведь шел ему только пятнадцатый год. Сирота, он был воспитанником музыкантского взвода оркестра 333-го стрелкового полка и мечтал поступить в военное училище, чтобы стать командиром Красной армии. Взводом, который считался лучшим в дивизии, командовал лейтенант Николай Клыпа — старший брат Пети, командир строгий и требовательный к своим бойцам, а к брату, который нес службу наравне со взрослыми красноармейцами, — так и вдвойне.

Утром 22 июня, в воскресенье, Петя и его приятель Коля Новиков, старше его на год или полтора, тоже воспитанник, собирались пойти на рыбалку. Ложась вечером спать в казарме, ребята поспорили, кто из них сумеет встать раньше, но проснулись

одновременно от грохота разрывов бомб и снарядов, выстрелов, криков... Вскочив с кровати, Петя был отброшен взрывом в сторону, сильно ударился головой о стену и потерял сознание, а придя в себя, кинулся к «пирамиде», где хранилось оружие, и схватил свою винтовку. Пример мальчика подействовал и на некоторых растерявшихся бойцов, которые тоже поспешили взять в руки оружие.

В казарме уже что-то горело, рушились разбитые стены здания, кругом лежали трупы убитых бойцов, растекались кровавые лужи. Уцелевшие красноармейцы, помогая раненым товарищам, спускались в подвалы — это были просторные помещения со сводчатыми потолками и массивными стенами, протянувшиеся под всем зданием. У подвальных окон, превратившихся в амбразуры, занимали огневые позиции пулеметчики и стрелки. Руководство обороной здания принял на себя старший лейтенант Потапов. Нужно было кому-то подняться на второй этаж здания — наблюдателем, чтобы предупредить о появлении врага. Это было опасно: противник вел огонь по верхним этажам, потому командир вызвал добровольцев. Первым откликнулся Петя Клыпа, а когда старший лейтенант стал его отговаривать, мальчик сказал, что он маленький и ловкий, ему будет гораздо проще укрыться в руинах, чем взрослому.

Вскоре он стал ходить в разведку по крепости — юный красноармеец знал здесь все тайные ходы-выходы, мог пролезть туда, куда никакому взрослому было не пройти. От него красноармейцы узнали, что хотя крепость и занята противником, но почти все казармы и прочие здания превратились в очаги сопротивления, повсюду идет бой, немцы несут немалые потери. Когда же у бойцов, с которыми

находился Клыпа, подошли к концу боеприпасы, то Петя и Коля Новиков отправились в разведку и отыскиали в одной из разбитых казарм ящики с патронами и гранатами. Вместе с бойцами они принесли эти боеприпасы в свой подвал.

Хотя старший лейтенант Потапов назначил Петю своим связным, мальчик не только находился при командире или бегал по зданию, передавая его приказания, но и сам участвовал в бою. Он хорошо стрелял, так что сумел сразить метким огнем не одного гитлеровца, и даже участвовал в контратаках — однако когда красноармейцы замечали, что он, подхватив трехлинейку с примкнутым штыком, идет вместе с ними на врага, то гнали его обратно в казарму, в укрытие — драться врукопашную было кому и без Пети, да и вряд ли мальчишка мог принести большую пользу в штыковом бою.

Потом, когда закончились бинты и медикаменты — количество раненых бойцов увеличивалось с каждым часом, — Петя Клыпа самостоятельно отправился в известную ему санитарную часть и среди ее развалин, под огнем врага, отыскал перевязочный материал, йод и лекарства, которые принес в свою казарму. Тем самым многие были спасены от смерти.

В подвале находились не только бойцы, но и семьи командиров — женщины и дети, причем в большинстве своем ребятишки были очень маленькие. Детям хотелось кушать, а особенно — пить, но воды в здании не было, и потому детский плач здесь не стихал. Очень тяжело приходилось без воды и раненым. Самые отважные из бойцов пытались пройти на берег Буга, чтобы напиться самим и принести воды для детей и раненых, но гитлеровцы простреливали все подступы к реке, так что редко

кому из смельчаков удавалось вернуться живым. Но Петя сумел найти наименее рискованный путь к воде — там, где взрослому было не пройти, он буквально протискивался между камнями и приносил воду.

Смог он пробраться и в разбитый продуктовый склад, откуда принес немало различной провизии, в том числе и шоколад для малышей. В разрушенном магазине Военторга Петя разыскал несколько рулонов ткани, которые передал женщинам: когда начался обстрел крепости, многие из них выбежали из дома полуодетыми, вынесли, укутав во что попало, своих детей. Из этой ткани можно было хоть что-то смастерить.

А ведь каждый такой поход — за водой или патронами, за продуктами или медикаментами — был смертельно опасен, потому как бой за крепость, начавшийся ранним утром 22 июня, не стихал ни на минуту. Здесь стреляли со всех сторон, и каждый движущийся объект сразу же становился мишенью. Но пограничники и красноармейцы превратили в неприступное укрепление подвалы, казармы, склады — любое помещение, где они оказались при нападении немцев, — и сражались там до конца. Вместе со своими старшими товарищами отважно дрались и юные солдаты-воспитанники — Петя Клыша и его ровесники.

Однако через неделю этого нескончаемого боя воинам, оборонявшим крепость, стало ясно, что их положение безнадежно. Нет, это не значит, что кто-либо собрался сдаться — каждый был готов сражаться до последнего патрона, до последнего вздоха. Но руководство обороны крепости решило спасти женщин и детей — вывести их из подвалов под белым флагом. По всем законам войны,

этих мирных граждан никто не должен был даже пальцем тронуть. К сожалению, наши бойцы еще не знали, что в каждом советском человеке — вне зависимости от того, какого возраста и какой национальности он был, мужчина или женщина, старик или ребенок — гитлеровцы видели врага и поступали с ним, как с врагом. Поэтому большинство женщин и детей, которые вышли из Брестской крепости с белым флагом, впоследствии погибли во вражеском плену. Но такого никто из защитников крепости не предполагал...

Когда женщины и дети готовились покинуть подвал, Потапов предложил Пете присоединиться к ним.

— Только переоденься, — сказал старший лейтенант. — Мы тут все погибнем, а ты еще молодой — живи!

— Приказ касается женщин и детей! — возмутился Петя. — А я — красноармеец! Я буду с вами до конца!

— Давай, раз такой храбрый! — только и сказал командир.

...Война продолжалась уже более двух недель. Обойдя Брест, гитлеровцы развивали наступление в глубь нашей территории; они уже оккупировали столицу Белоруссии — Минск, но на западной границе, в глубоком тылу германских войск, сражалась героическая Брестская крепость. Ее гарнизон вел нескончаемый бой — без помощи, подкрепления и резервов. Это был небывалый коллективный подвиг — недаром же гарнизон крепости впоследствии назвали «бессмертным», о нем писали книги, снимали кинофильмы, слагали стихи и песни...

Боеприпасы у бойцов 333-го полка подходили к концу, силы обороняющихся таяли с каждым днем,

и старший лейтенант Потапов решил прорвать кольцо немцев штыковым ударом, вырваться из окружения. Для прорыва было выбрано южное, наименее удобное для прохода направление — путь там перекрывал рукав реки Буг, через который надо было переплывать, так что немцы вряд ли ожидали атаку в этом месте и потому держали наименьшее количество войск.

Когда был дан сигнал, Петя, держа в руке пистолет, бросился к реке. Рукав Буга был почти так же широк, как основное его русло, зато оба берега заросли густым кустарником, и была надежда переплыть реку незаметно. В воду мальчик бросился, не раздеваясь, в своей красноармейской форме — плавал он хорошо, а пистолет зажал зубами. Рядом, не выпуская из рук оружия, плыли его товарищи. Все было тихо до того момента, пока бойцы не добрались до середины реки, и тогда с той стороны, из густых кустов, которые казались спасением, ударили в упор пулеметы. Вода закипела от пуль и стала красной от крови.

Петя глубоко нырнул, сбросил под водой сапоги и брюки, поплыл прочь, как можно дальше от враждебного берега — к Южному острову. Пулеметы все били и били, и нельзя было понять, в чем он плывет — в воде или в крови товарищей.

На берегу, куда выбрался Петя, оказались еще несколько красноармейцев — вместе с ними он день и ночь шел по лесу, выбираясь из окружения, а утром они наткнулись на гитлеровцев.

Рассказывают, что когда Петя шел в колонне военнопленных, на шоссе появилась машина, в которой ехали германские кинооператоры. Они стали снимать понуро бредущих советских бойцов, чтобы показать эти кадры в кинотеатрах Германии:

мол, враг разбит, мы уже почти победили! Но в этот момент Петя Клыпа, шедший в том страшном строю, стал грозить кулаком и что-то кричать прямо в объектив кинокамеры. В его лице было столько ненависти, так грозен показался немцам этот щуплый, грязный и оборванный мальчишка, что оператор прекратил снимать и стал громко возмущаться, а конвоиры набросились на Петю с кулаками. Взрослым пленным пришлось нести его на руках.

Потом были лагерь военнопленных, побег, скитания по лесам, опять плен и отправка в Германию, куда гитлеровцы увозили на принудительные работы очень многих наших граждан, особенно молодых.

На Родину Петр Клыпа возвратился в 1945 году, после окончания войны.

Дочь старшины (Валя ЗЕНКИНА)

Валя Зенкина училась в 15-й средней школе Бреста, в одном классе с Петей Клыпой — тогда как Петя служил вместе с Валиным папой в одном музыкантском взводе 333-го стрелкового полка. Только Петя там был воспитанником, а Валин папа Иван Зенкин — старшиной, то есть самым главным человеком после командира. Квартира у Зенкиных была такая, что все ребята завидовали: они жили в самой крепости, в высокой башне над Тереспольскими воротами, откуда вела дорога в сторону соседней Польши.

Как раз с той стороны, с оккупированной ими польской территории, гитлеровцы и атаковали Брестскую крепость. Когда началась стрельба,

старшина Зенкин сразу побежал в расположение своего взвода.

— Папа, я с тобой! — крикнула Валя.

— Не надо, я скоро вернусь! — на ходу ответил старшина.

А мама сказала Вале быстро собираться и спуститься вниз.

Там, на первом этаже здания, уже находились многие женщины с детьми — семьи военнослужащих гарнизона крепости. Как было определено заранее, в случае тревоги они должны были укрыться в помещении электростанции. Оттуда, осторожно поглядывая в окно, Валя видела, как вздымаются посреди крепости разрывы снарядов и бомб, как загораются здания. Через Тереспольские ворота, проходя прямо под их квартирой, стреляя из автоматов, прорывались в крепость немецкие солдаты. Некоторые из них падали, сраженные огнем пограничников и красноармейцев, но тут же появлялись другие, опять стреляли и бежали вперед.

Гитлеровцев было очень много, и появившаяся вначале надежда, что наши бойцы скоро их отобьют и сами перейдут в контрнаступление, стала угасать.

К вечеру фашистам удалось ворваться в крепость. Почти все здания здесь были превращены в руины, многие дома горели, однако по врагу стреляли буквально из каждого окна. Поэтому прежде чем куда-либо войти, немцы кидали гранаты, стреляли из автоматов и только затем переступали порог. Гранаты полетели и в помещение электростанции — раздались крики боли и испуга, громкий плач, и гитлеровцы остановились. Послышались какие-то команды, лязг автоматных затворов, потом кто-то крикнул по-русски, но с сильным акцентом:

— Выходи! Выходи все!

Матери, взяв на руки малышей, выходили из помещения наружу — туда, где со всех сторон продолжался бой. Их окружили немецкие солдаты и вывели из крепости — к реке Мухавец, там не стреляли. На берегу к толпе подъехал на мотоцикле офицер, оглядел стоявших, остановил взгляд на Вале, ткнул пальцем:

— Ты, иди в крепость. Передай: если через час они не сдадутся, мы всех уничтожим! Смешаем с камнями, вот!

Кажется, немцу очень понравилась его последняя фраза; он самодовольно усмехнулся и сказал уже по-немецки:

— Vorwärts!

Это значило — «вперед!».

— Я с мамой пойду! — робкой пробормотала Валя, совсем забыв, что она считала себя взрослой девочкой и везде старалась ходить одна, без родителей.

— Vorwärts! — вновь пролаял немец.

Немецкий солдат довел ее до помещения электростанции, через которое девочка вышла в крепость, словно бы оказавшись в новом, незнакомом мире: со всех сторон горели здания, многие из которых уже превратились в развалины, лежали убитые красноармейцы и немецкие солдаты, то тут, то там в небо вдруг вздымались разрывы, а стрельба казалась непрерывной. Крепость теперь было не узнать, и Валя с трудом поняла, где находится казарма 333-го полка, в котором служил ее папа. Туда она и побежала, надеясь, что папа защитит, поможет.

Кажется, девочку заметили, потому как стрельба на том участке, по которому она бежала, затихла. Потом из подвала слышались голоса:

— Валя! Валюшка! Давай сюда, к нам!

В полку дочку музыкантского старшины знали все.

Через несколько минут она уже была в подвале, среди своих.

— Где папа? — был первый вопрос девочки. — Позовите его, пожалуйста!

— Погиб твой папа, — дрогнувшим голосом сказал старший лейтенант Потапов. — Немцы его убили...

Несколько слезинок скатилось по Валиным щекам. Это огромное горе словно бы добавилось ко всему тому, что уже произошло, и девочка просто не могла сосредоточиться на нем одном. Поэтому, стараясь сдержать себя, она рассказала обо всем: как пришли немцы, как были взяты в плен женщины и дети и что велел передать защитникам крепости немецкий офицер.

— Вот что, Валюша, — выслушав, сказал ей командир. — Немцам передай, что мы в плен не сдадимся. Пусть попробуют нас взять! А сколько нас здесь и где мы укрепились — не говори, забудь! Скажи, испугалась, не узнала, не считала...

— Не пойду я туда, к этим немцам! — твердо ответила Валя.

— Но ведь там твоя мама, она тебя ждет! — возразил старший лейтенант Потапов. — Да и здесь очень опасно...

— Мама все поймет! — ответила девочка. — А вы что думаете, там не опасно? Никто же не знает, что дальше будет — и с ней, и с нами... Вот папа сказал, что скоро вернется, а сам...

Валя вдруг разрыдалась, но быстро нашла в себе силы, чтобы успокоиться. Она ведь осталась в подвале разбитых казарм не просто так: девочка видела, что здесь много раненых, которым нужна

медицинская помощь. Конечно, она не была медиком, но собиралась после школы поступать в мединститут и кое-что в этом деле уже понимала, поскольку часто приходила в полковую санчасть, помогала там врачам и медсестрам.

В подвале оказались знакомые Вале Зенкиной военфельдшер Валентина Раевская и врач-стоматолог Наталья Кантровская, и уже совсем скоро девочка помогала им перевязывать раненых, ухаживать за ними. А какой огромной радостью стала для нее встреча с ближайшей подругой и одноклассницей Нюрой Кижеватовой, дочерью начальника пограничной заставы Андрея Кижеватова. Нюра, как и Валя, тоже собиралась стать врачом и также теперь помогала раненым. Впрочем, медиками тогда пришлось стать всем женщинам — женам военнослужащих Брестского гарнизона, находящимся в подвале.

Военный врач, как известно, специальность особая. Тем более на войне. Девочкам приходилось не только помогать раненым, но и отыскивать для них медикаменты и перевязочный материал, для чего они совершали рискованные походы в другие казармы. Ночами они тайком выбирались из подвала и собирали патроны у убитых — и наших бойцов, и немцев. Это было опасно и страшно, но что делать?

Однажды во время такой вылазки Валя и Нюра обнаружили тяжелораненого бойца-пограничника, лежавшего без сознания, и сумели дотащить его до подвала. Вместе с медиками они оказали ему первую помощь, привели в сознание, перевязали раны. Тут гитлеровцы вновь начали атаковать здание, и пограничник, взяв ничейную винтовку, припал к амбразуре и открыл огонь. Но он явно не рассчитал свои силы, потому как вскоре вновь потерял созна-

ние. Тогда Валя подхватила винтовку и сама стала стрелять по врагам.

Так продолжалось изо дня в день: отражение атак гитлеровцев, помощь раненым, поиск медикаментов и боеприпасов... А еще была надежда, которая, к сожалению, угасала с каждым днем: что скоро вернется Красная армия, что она сокрушит и погонит прочь гитлеровские войска. Но хотя уверенности в скором возвращении наших войск с каждым днем становилось все меньше, все понимали, что немцам наших не сломить, что все равно в войне победит Советский Союз и его армия непременно сюда вернется. Только знать бы, когда это будет?

Между тем большие проблемы были с продовольствием и водой. Воду делили буквально по глотку, по порциям, и Валя нередко отказывалась от своей порции для раненых, для маленьких детей, которые больше всех страдали от жажды. К тому же люди в подвале не могли даже нормально спать: боевые действия продолжались и днем, и ночью. Немцы периодически отводили свои подразделения на отдых, а для наших бойцов бой казался непрерывным. От бессонницы кружилась голова, звенело в ушах... Это была нескончаемая пытка!

Оценивая сложившуюся обстановку, командование обороной крепости приняло решение, чтобы семьи комсостава — так они официально назывались — были выведены из крепости с белым флагом. Приказ этот относился и к Вале Зенкиной, и к Нюре Кижеватовой... Маленькие санитарки просили, чтобы их оставили с бойцами, но командир был непреклонен: в выводе из крепости была надежда на спасение, которой не имели те, кто должен был здесь остаться, сражаясь до конца.

Уходя, навсегда прощаясь с боевыми товарищами, Валя пообещала, что все равно будет бороться с фашистами — она найдет как, она сумеет!

После того как женщины и дети были выведены из подвалов, гитлеровцы направили их всех в концентрационный лагерь, где большинство из них погибло.

Но Вале каким-то образом удалось бежать, и она, в конце концов, вышла к партизанам. Всю войну Валентина Зенкина воевала в партизанском отряде и за свои боевые заслуги была награждена орденом Красной Звезды.

Спасенные знамена (Костя КРАВЧУК)

Случилось это в конце сентября 1941 года, когда уже целый месяц на подступах к столице Украины — Киеву продолжались ожесточенные бои с гитлеровскими захватчиками и в городе все привыкли к грохоту орудий. Несколько раз враги врывались на окраины Киева, но их атаки были отбиты, немцы несли потери и отступали. Однако, в конце концов, было объявлено о том, что Красная армия вынуждена оставить город — но скоро обязательно вернется!

В один из тех дней, когда войска уходили, к школьнику Косте Кравчуку, который спешил по каким-то своим делам, на улице подошли два красноармейца. Поздоровались, о чем-то спросили и смотрели на него очень строго, словно бы оценивали — мол, нужен он им или не нужен?

Костя и сам внимательно смотрел на бойцов: мало ли кто перед оставлением города может тут по-

явиться, переодевшись в красноармейскую форму? Известно было, что гитлеровцы забрасывали в наш тыл десанты и что бандиты могли переодеваться в красноармейское обмундирование. Но лица у обоих были в копоти, глаза покраснели от усталости, гимнастерки выгоревшие и грязные. К тому же у одного из бойцов голова была обмотана почерневшим бинтом, у другого — рука на перевязи. Очевидно, отступали с боями от самой границы, были ранены. Оба — с автоматами.

— Ну, вот что, парень, — помеддив, сказал один боец. — Ты пионер?

— Пионер, — отвечал Костя.

— Тогда вот тебе боевое задание. Только о том — никому ни полслова. Поклянись!

— Честное пионерское! — сказал мальчишка.

— Хорошо, — одобрил другой боец. Он знал, что для пионеров такие слова — самая священная клятва. — Возьми вот это и сохрани до прихода наших войск. Это — боевые знамена наших полков. Понял? Ты где живешь?

Костя назвал свой адрес.

— Значит, туда мы к тебе и придем, как только обратно вернемся, — сказал солдат и добавил: — Если живы будем. Ты жди.

Бойцы отдали ему два пакета — больших и тяжелых, но мягких, какими бывают рулоны ткани.

— И никому! Ничего! Ни матери, ни отцу...

— Папка на фронте, — уточнил Костя. — Воюет где-то...

— Тогда отцу — можно, — отвечал боец. — Но только когда сам сюда придет. Прощай, парень. Удачи тебе.

Они пожали Косте руку на прощание и быстро пошли вдоль улицы, несколько раз оглянувшись на

ходу, словно бы старались запомнить его получше. А Костя поспешил домой. Жил он на окраине города, в белой хате-мазанке с огородом и садом.

Подбежал к забору, остановился. Увидев, что во дворе никого нет, быстро зашел в хату, спрятал оба свертка в сених и прошел в дом.

Той ночью он почти не спал, все ждал утра — того времени, когда людям лучше всего спится. Когда же на улице чуть посветлело, он встал, оделся и тихо-тихо, чтобы не разбудить домашних, выскользнул во двор. Лопата и старая рубашка, в которую он завернул знамена, были уже приготовлены. Аккуратно сняв верхний слой земли с травой — дерн, он быстро выкопал под грушей глубокую яму, опустил туда свертки и все вновь закопал. Кусками дерна он замаскировал свой тайник, а оставшуюся землю рассеял по улице.

Все время, пока он работал, был слышен какой-то странный нараставший, приближающийся гул. Прислушиваться было некогда, но Костя понимал: это что-то очень плохое. И действительно, лишь только он подошел к избе, на улице показался угловатый серый танк с черным крестом на башне. За ним — еще один и еще... В Киев входили гитлеровцы.

Костя свято хранил свою тайну, не говоря о том ни братьям, ни друзьям. Зато сам он по несколько раз в день обходил грушу, убеждаясь, что все в порядке. Потом начались дожди, и мальчик понял, что знамена, спрятанные в земле, вскоре могут промокнуть, а потом — сгнить. Пришлось вновь не спать следующей ночью, чтобы под утро откопать свертки и перенести их в сарай, укрыть под поленицей дров.

Вскоре стало ясно, что это место совсем ненадежно. Холодало, и мать все чаще и чаще посылала

Костю в сарай за дровами. Ходили туда и соседи, так что мальчик стал бояться, как бы кто-нибудь ненароком не наткнулся на знамена. Пришлось выбирать новое место для тайника, и таковое нашлось довольно быстро: заброшенный колодец неподалеку от Днепра, на выгоне, где пасли коров. Чтобы как следует упаковать знамена, мальчик закрутил их в мешок, мешок укутал соломой и засунул в старую брезентовую сумку.

На следующий день после того, как все было готово, он под утро повел на выгон корову и, убедившись, что его никто не видит, опустил сумку в колодец и забросал ветками. Все! Теперь о судьбе знамен можно было не волноваться и спокойно ждать прихода Красной армии. Но не такой человек был Костя Кравчук, чтобы сидеть и ждать у моря погоды. Почти каждый день он появлялся неподалеку от колодца и зорко осматривал все вокруг — все ли нормально, не побывал ли тут кто чужой... Правда, потом ему вдруг помогли сами немцы, объявившие берег Днепра запретной зоной. Теперь уже народ здесь от нечего делать не бродил, зато самому Косте приходилось пробираться к тайнику с очень большим трудом.

И вообще, жить в оккупированном Киеве было тогда тяжело и страшно. Установили комендантский час, когда от заката до рассвета нельзя было выходить на улицу без специального пропуска, по городу ходили патрули, которые могли открыть огонь без предупреждения, проводились обыски и проверки.

В начале февраля 1943 года в Киеве в очередной раз начались массовые облавы и аресты, и однажды Костя Кравчук попал в такую облаву. Всех задержанных на улице горожан привели в какой-то двор,

где объявили, что за убийство партизанами девяти-рых немецких солдат будут расстреляны 25 киев-лян. Действительно, отсчитали 25 — и тут же рас-стреляли. Костя оказался двадцать шестым — ему, как и всем остальным, было сказано возвращаться домой. Как он дошел — сам не знал...

И еще раз он попал в облаву в октябре того же года. Сходил, проверил колодец, а почти у самого дома, когда казалось, что все опасности позади, был остановлен гитлеровцами. Опять всех согнали в какой-то двор, но теперь задержанным объявили, что их всех увозят на работы в Германию. Задер-жанных погрузили в кузова грузовых машин и от-правили на станцию, где загнали в товарные вагоны.

Народу в вагоны набили очень много, и потому двери были приоткрыты, чтобы люди не задохну-лись. Щель, разумеется, была такая, что взрослому человеку не выбраться, зато Костя протиснулся. Дождался, когда поезд замедлил ход, и прыгнул под откос. Хорошо, не убился и не покалечился.

До Киева он добрался почти одновременно с приходом наших войск. Убедившись, что гитлеров-цы больше не вернутся, Кравчук побежал к колодцу и достал оттуда заветную сумку. Долго сидел и ждал дома — нет, не идут те солдаты. Неужели погибли? А может, просто адрес позабыли? Потом он ходил по городу, искал знакомых бойцов, но не нашел. Что тут поделаешь?

Утром следующего дня, надев белую рубашку и красный пионерский галстук, которые всю оккупа-цию пролежали нетронутыми, так что из рубашки он уже вырос, Костя пошел в военную комендатуру Киева. Пришел к дежурному, сказал, что срочно должен увидеть коменданта по важному и неотлож-ному делу. И было, наверное, нечто такое серьезное

и значительное в его словах и голосе, что дежурный офицер мигом согнал улыбку с губ и доложил полковнику Ивашкину о пионере, прибывшем «по важному и неотложному делу», и комендант распорядился пропустить его к себе в кабинет.

— Вот! — сказал Костя, положив укутанный в мешковину сверток на стол перед полковником, и не знал, что говорить и делать дальше.

— Что это?

— У вас есть ножик? — спросил мальчик удивленного коменданта.

— Возьми.

Дрожащими от волнения руками Костя распол ножиком мешковину, достал и развернул два алых полотнища боевых знамен.

— Вот, приказано было сохранить!

Через несколько минут в кабинете коменданта собрался весь личный состав комендатуры, и все наперебой расспрашивали Костю...

В военном уставе сказано, что если воинская часть теряет свое знамя, она подлежит расформированию. Два стрелковых полка, которым принадлежали эти боевые знамена, полностью погибли в первые месяцы Великой Отечественной войны. Но так как знамена были спасены, то приказом Верховного главнокомандующего полки под теми же номерами были сформированы вновь.

11 июня 1944 года эти два новых полка уходили на фронт — война еще продолжалась. Осененные старыми боевыми знаменами, стояли вновь сформированные полки в парадном строю на центральной площади Киева. И перед всем этим строем был зачитан Указ Президиума Верховного совета СССР о награждении Кости Кравчука боевым орденом Красного Знамени.

Тульский Гаврош (Валя ПАРШУТИН)

11-летний Валя Паршутин жил на окраине города Тулы. Как и все его ровесники, он учился в школе, любил читать, ходить на спектакли Тульского театра юного зрителя и играть в войну. Друзья всегда избирали его командиром — Чапаевым, как они говорили. Еще Валя мечтал быть летчиком — самым лучшим, таким, как Валерий Чкалов, который летал быстрее всех.

Вскоре после начала войны Тула — знаменитый город русских оружейников — оказалась на острие одного из главных ударов гитлеровских войск. По плану немецких военачальников, танковые части, которые должны были взять Тулу, затем поворачивали на Москву, нанося удар с южного направления. А пока на город по несколько раз в день совершала налеты гитлеровская авиация.

Так что 1 сентября тульские школы оставались закрытыми: старшие ребята были мобилизованы на строительство оборонительных укреплений, младших родители старались вывезти из города. Вот и ребятешек Паршутиных их мама, Елизавета Петровна, отвезла в деревню к своему брату, подальше от Тулы. Здесь не было бомбежек и оставалась надежда, что немцы сюда не дойдут, потому как их обязательно остановят на подступах к Туле и дальше не пропустят.

Вернувшись, Елизавета Петровна была более или менее спокойна за детей, а через несколько дней вдруг заявился домой старший — Валентин, сбежавший от дядьки и добравшийся до города на попутном транспорте.

— Хочу защищать наш город! — уверенно заявил он.

— Куда тебе? Ты же маленький, — заплакала мама. — Никакого «защищать»! Тоже мне, защитник выискался. Без тебя обойдутся.

— А помнишь, мы про Гавроша читали? — спросил Валя. — Это тот отважный мальчик, который помогал восставшим в Париже и погиб на баррикадах?

Тут мама, вместо того чтобы успокоиться, вообще разрыдалась:

— Не пущу! Чтобы ты так же?.. Нет!

Но что она могла поделать, когда с утра до вечера работала? В это время никто не оставался без дела в городе, к которому приближался враг. Так что уже на следующий день Валя убежал на позиции красноармейцев, ведь до них было рукой подать. Точнее, это были не регулярные бойцы, а ополченцы — отряд Тульского рабочего полка, вставший на защиту своего города. Познакомившись с ними, мальчик уверился, что его место среди бойцов. Вечером он вернулся домой в старой армейской пилотке с красной звездой, а его потрепанный ватник был подпоясан солдатским ремнем.

Скоро уже к городу подошли гитлеровцы и начались ожесточенные бои на подступах. Ну а в бою, как известно, лишних людей не бывает, тут каждому, кто не трус, найдется работа. Парнишка выполнял обязанности связного, под огнем противника перебегая от окопа к окопу, чтобы передать приказы командиров. Он также приносил на позиции воду, а если надо — тащил на себе и патроны, и гранаты, и даже тяжелые коробки с лентами для пулемета «Максим». Своей смелостью, веселым, неунывающим нравом, желанием помочь всем и

каждому Валя очень полюбился бойцам, которые прозвали его Тульский Гаврош.

29 октября 1941 года Валя ходил сияющий — ему исполнилось 12 лет. Праздник свой он начал по-боевому: попросился сходить в разведку в поселок Рогожинский, что неподалеку, высмотрел, где находятся немецкие огневые точки.

А когда он вернулся и доложил командиру, по позициям ополченцев ударил вдруг немецкий пулемет, установленный на церковной колокольне. Церковь стояла на взгорке, так что для пулеметчиков все наши окопы были как на ладони. Туляки оказались прижаты к земле пулеметным огнем. По колокольне открыл ответный огонь «Максим», но достать врага за метровыми по толщине стенами было очень трудно. Поэтому нашим пулеметчикам нужно было стрелять как можно больше — это отвлекало врагов, заставляло их нервничать, да и была вероятность задеть кого-то из немецких пулеметчиков.

Однако вскоре у «Максима» кончились патроны. Два бойца побежали за ними в тыл, но попали под немецкий огонь и, очевидно, погибли.

— Товарищ командир, — обратился к ротному Валя. — Я маленький, ловкий, немцы меня не заметят. Разрешите сходить?

Очень не хотелось командиру посылать мальчишку на опасное дело, но другого выхода не было: пулеметные очереди хлестали по окопам, туляки несли бесполезные потери.

— Давай, Гаврош! — скрепя сердце, сказал командир. — Но очень, очень осторожно! Я тебя прошу!

— Ясно, есть! — по-военному ответил парнишка, вскинув руку к пилотке.

Ползком, укрываясь за всякими предметами, Валя добрался до пункта боепитания, взял несколько коробок с лентами и пополз обратно...

Как много хороших слов сказали ему бойцы, когда он, смертельно усталый, запыхавшийся, возвратился на позицию. Вскоре «Максим» застрочил вновь, отвлекая внимание гитлеровцев.

— Я еще принесу патронов! — сказал мальчик и пополз обратно в тыл.

Так он сходил еще два или три раза и, наверное, поверил в свою везучесть. А может, уже просто настолько устал, что не было сил ползти, и один из участков своего опасного пути Валя решил пробежать. Он встал, сделал несколько шагов — и упал, сраженный пулями.

— Фашисты не возьмут Тулу, мы победим! — это были последние слова юного героя Вали Паршутина, который навсегда вошел в историю своего родного города под именем Тульский Гаврош.

«Здесь был остановлен враг»

(Володя КУЗЬМИН)

Володя Кузьмин жил в селе Бехово Тульской области, на берегу прекрасной реки Оки, и осенью 1941 года ему было десять лет.

Эта осень осталась в истории как время решающих боев начального периода Великой Отечественной войны. Красная армия уже выдержала первые сокрушительные удары гитлеровцев, сумела оправиться от них и вела упорные оборонительные бои на каждом рубеже. Но немцы продолжали рваться к Москве.

Широкая и полноводная Ока стала одним из тех рубежей, на котором был остановлен враг. Красноармейские подразделения окопались на правом ее берегу, заняли оборону и были полны решимости не пропустить врага дальше. Немецкие войска занимали позицию на той стороне — на левом берегу, где стоит городок Таруса. Местные жители помогали бойцам кто чем мог. Вот и Володя каждый день прибегал к окопам, приносил красноармейцам еду, кипяток.

Придет, принесет чего-нибудь, поговорит с бойцами, посмотрит в бинокль на ту сторону и обратно домой. Вернее, «домой» — не совсем точно, так как сельчане жили не в самих домах, а в погребах и подвалах. Немцы с того берега не только обстреливали позиции, но не щадили и жилые постройки, расположенные в отдалении, а потому жить в подполе было гораздо спокойнее и надежнее. Человек ко всему привыкает, в том числе и к жизни рядом с войной.

В один из дней поздней осени мама велела Володе сбегать на позиции и забрать у бойцов сковородку: она ее одолжила красноармейцам, чтобы те могли поджарить картошку, что выкапывали на огородах — дело житейское.

— Только быстро давай! Взял — и домой, одна нога здесь, другая там, — прикрикнула Прасковья Ивановна, зная, как любит ее сын проводить время с бойцами.

Вот только домой Володя Кузьмин больше не вернулся.

На войне все время на одном месте стоять нельзя — есть у нее такие законы. Обычно как бывает: остановились бойцы, укрепились, отбили натиск противника, собрались с силами — и сами атакуют,

не дают врагам спокойно жить, силы накапливать, чтобы вновь в атаку перейти. Называется это «активная оборона».

Как раз в тот самый день бойцам, что укрепились на берегу Оки, пришел приказ готовиться к наступлению. А с чего подготовка начинается? Известное дело — с разведки. Но чтобы разведку провести, нужно переправиться на тот берег, а для того чтобы переправиться через широкую реку, нужна, разумеется, лодка. Да где ты ее возьмешь? Тут уже месяц война идет, все, что было, поразбивало снарядами и пулеметными очередями.

Вышел из своего блиндажа лейтенант, командир подразделения, смотрит — парнишка знакомый идет, Володька, который каждый день на позиции приходит. Поздоровался с ним лейтенант и спрашивает:

— А что, дружище, наверное, на Оке лодок больше не осталось? — и сам при этом в сторону поглядывает, потому что разведка и подготовка к наступлению считаются военной тайной и посторонним о том ни полслова говорить нельзя.

— Как же так нет, — усмехнулся Володька. — Всегда найти можно...

— Ты найдешь? — насторожился лейтенант.

— Запросто. Но с одним условием: вы меня с собой на тот берег возьмете.

Опешил офицер:

— Какой такой тот берег?.. Чего ты выдумал?.. Кто тебе сказал?..

— Ну да, как же, дяденька. Скажете, окуньков наловить захотелось? Да кто вам поверит. Фриц, если вы на речку сунетесь, сразу сшибет. Значит, ночью на разведку собираетесь. Факт!

Смышленный был парень Володька, толковый, даром, что всего десять лет. Лейтенант и не знал, что ему ответить.

— Так что, товарищ командир? — мальчишка с хитрющей улыбкой смотрел на лейтенанта, явно ощущая свое превосходство. — По рукам? Я вам и лодочку найду, и на том берегу такую бухточку покажу — класс! Ее с берега не видно, фрицы не знают... Отсюда тоже не увидите, не думайте. Без меня ни за что не найдете. А мы с вами там и высадимся...

Задумался командир. С одной стороны, брать с собой мальчишку опасно, а с другой — помощник он просто незаменимый. Он здесь вырос, все знает. И лодку без него не найти. Вздыхнул лейтенант, понимая, что берет грех на душу — но ведь приказ выполнять надо! Да и не в одном только приказе дело: нельзя давать гитлеровцам спокойно сидеть на том берегу, накапливать силы для наступления на Москву.

— По рукам! — сказал он.

Володька буквально светился от радости. И про сковородку, и про мамины слова позабыл начисто — он ведь в разведку пойдет, в тыл к врагу! Ребятам своим расскажет — все от зависти лопнут!

Да только ничего рассказывать ему не пришлось... Вечером, когда стемнело, привел он разведчиков к укромной бухте, где стояла на берегу надежно укрытая рыбацкая лодка. Спустили ее на воду, поплыли, тихо-тихо гребя веслами, чтобы внимания не привлечь. А немцы вдруг запустили осветительную ракету — ночью всегда так положено делать, да обычно они ленились, очень уж все спокойно было. Но тут вдруг... Жутким мертво-зеленым светом ракета осветила и берег, где

замерли в окопах красноармейцы, и реку, посреди которой, на самом фарватере, оказалась лодка. Тут же от новых ракет вокруг стало светло, как днем, а по лодке немцы открыли ураганный огонь из всего стрелкового оружия — винтовок, автоматов и пулеметов. Наши бойцы, которые в окопах были, в долгу не остались и стали по немецким окопам стрелять.

Тем временем, сгибая весла, разведчики гребли обратно к правому берегу, чтобы скорее выйти из-под огня, да только не все из них остались тогда живыми. Погибли политрук Тарасов, красноармейцы Кудрявцев и Чашкин и Володя Кузьмин.

Лейтенант, командир подразделения, сам на руках принес Прасковье Ивановне ее мертвого сына. Сказал: «Лучше бы меня, мать...» — и рыдался.

На следующий день четверых павших похоронили в одной братской могиле с воинскими почестями — развернутым знаменем и ружейным салютом.

— Володя вырос бы очень хорошим, настоящим человеком! — сказал лейтенант и словно бы запнулся: — Но что делать — война...

На братской могиле теперь стоит памятник, сделанный из камня, привезенного с берега реки Оки — взяли его где-то неподалеку от села. На нем перечислены имена погибших в боях героев-красноармейцев, в том числе и Володи Кузьмина. Еще на камне написано: «Здесь был остановлен враг. Ноябрь — декабрь 1941 года». И в том, что этот грозный враг действительно был здесь остановлен, есть заслуга и мальчика Володи, которому было лишь десять лет и который всего один раз в своей жизни ходил в разведку.

Герой из подземелья (Володя ДУБИНИН)

16 ноября 1941 года гитлеровские войска заняли Керчь — город на Крымском полуострове, лежащий на берегу Керченского пролива, что соединяет Черное и Азовское моря. Как и в других краях, многие из оказавшихся на оккупированной немцами территории местных жителей ушли в партизаны. Но если в других местах народные мстители обустроивали свои базы в лесах, то крымские партизаны обосновались в каменоломнях — подземных пещерах, которые образовались в результате добычи камня, что с незапамятных времен повсеместно использовался в Крыму для строительства. Каменоломни уходили глубоко под землю, имели многочисленные входы и выходы, огромное количество коридоров, а потому стали для партизан их неприступной крепостью. Внезапно появляясь, народные мстители совершали дерзкие вылазки, наносили противнику чувствительный урон и тут же вновь бесследно исчезали под землей...

В составе одного из отрядов, обосновавшегося в каменоломнях неподалеку от поселка Старый Карантин, был и керченский школьник — четырнадцатилетний Володя Дубинин. За несколько дней до начала войны он вернулся из главного пионерского лагеря страны — «Артека», куда отправляли на отдых лучших школьников: отличников учебы, пионерских активистов, талантливых ребят. Володя был прекрасным авиамodelистом и побеждал на разных соревнованиях, а еще всерьез увлекался химией.

Когда началась война, его папа Никифор Семенович, старый моряк, возвратился на военный

флот. Володя тоже прибежал в военкомат, но получил, как говорится, от ворот поворот: мол, маленький еще для войны! Парнишка понял, спорить не стал, но всерьез задумался над тем, какую помощь он все-таки может принести своей сражающейся стране. Впрочем, Володя долго голову не ломал, найдя подсказку в любимой книге Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», и, организовав своих друзей, создал в Керчи Тимуровский отряд, который помогал семьям ушедших на фронт командиров и бойцов. Очень здорово помогли тогда Володя Дубинин и его товарищи многим своим землякам!

Еще за несколько дней до прихода немцев вездесущий Володя увидел, как красноармейцы и вооруженные люди в штатском затаскивают в каменоломню зеленые снарядные ящики, мешки и бочки. Думал, что это оборудуют подземный склад, но у кого-то поспрашивал, чего-то подслушал — и узнал, что в каменоломню спускается партизанский отряд, который будет бороться с фашистами. Узнал он и то, что в числе руководителей отряда — Иван Захарович Гриценко, старый друг его отца. С Никифором Семеновичем они воевали вместе еще в Гражданскую. Конечно, парнишка бросился к нему с просьбой «замолвить словечко» и вскоре, действительно, был принят в отряд в качестве разведчика. Иван Захарович знал, что Володя паренек шустрый, сообразительный и признанный ребячий вожак.

Гитлеровцы вскоре ощутили разящие удары партизан и сами поспешили перейти в наступление. Поначалу они попытались взять подземную крепость штурмом, атаквали каменоломни, стали спускаться вниз, но наткнулись на минные заграждения и были встречены прицельным огнем. Потеряв до ста пятидесяти человек, немцы прекратили

попытки ворваться в катакомбы и стали применять менее рискованные для себя методы борьбы: забрасывали входы в каменоломни бомбами, пускали в подземные коридоры удушливый газ. Чтобы обезопасить бойцов, партизанское командование распорядилось спуститься на нижние ярусы, на глубину до 60 метров, где не было ни света, ни свежего воздуха. Затем немцы попытались замуровать партизан под землей: они залили бетоном все известные им входы, окружили район расположения каменоломен минными полями и проволочными заграждениями. В результате партизанский отряд безвылазно оставался в катакомбах пятьдесят дней и пятьдесят ночей.

Впрочем, это было так, да не совсем. Хотя гитлеровцы были уверены, что партизаны наглухо замурованы, однако все входы и выходы в подземелья знали только местные мальчишки, а потому кое-какие лазейки остались. Юные разведчики Володя Дубинин и его друзья Ваня Гриценко и Толя Ковалев вскоре стали для своих взрослых боевых товарищей первыми героями. Особенно Володя, который был из всех самым маленьким, а потому выбирался на поверхность по таким узким лазам, что только кошке впору пролезть. Ребята приносили информацию о том, что делается снаружи, где-то доставали и подносили боеприпасы, питание и что самое главное — воду, без которой под землей было особенно тяжело.

Однажды, возвращаясь из такого рискованного похода, Володя вдруг увидел, что немцы распечатали один из замурованных входов и устанавливают возле него помпы — насосы для перекачки воды. Сын моряка, он сразу сообразил, зачем это нужно, и бросился к командиру.

— Фрицы нас затопить хотят! — крикнул он с порога.

— Чего это ты придумал? — удивился командир. — Как это они сумеют?

— Так дело нехитрое, — отвечал парнишка. — Они сейчас помпы ставят и к морю рукава тянут. А потом качай — не хочу! Хоть все море сюда залить можно...

— Ладно, пусть качают, — усмехнулся командир и крикнул по-морскому: — Полундра, братва! Свистать всех наверх!

Среди партизан народ был опытный, люди разных профессий: и моряки, и горняки, и инженеры... Пока гитлеровцы устанавливали помпы и тянули к морю брезентовые рукава, бойцы подземного гарнизона спешно сооружали плотину, которая в итоге направила поступающие сверху струи воды в пустующие коридоры, не затрагивая партизанского расположения. А уж на сколько километров уходили эти коридоры под землю — того не знали даже мальчишки. Так что ничего из этой затеи у фрицев не вышло. Спасибо Володе! Вовремя увидел и не струсил, возвратился к товарищам, которым без него угрожала гибель: партизаны вполне могли утонуть во внезапно затопленных катакомбах.

31 декабря, уже перед самым приходом нового, 1942 года, Володя Дубинин вновь вышел на поверхность. Когда он увидел вдалеке солдат, то мгновенно лег и затаился, дожидаясь, чтобы они прошли. Но что это?! Володя услышал, что солдаты говорили по-русски. Мальчик осторожно посмотрел им вслед и увидел, что они одеты в красноармейскую форму. Наши! Но откуда? Конечно, Володя не знал, что еще 25 декабря войска Закавказского фрон-

та начали Керченско-Феодосийскую десантную операцию и в Крым вошли соединения Красной армии. 30 декабря была освобождена от гитлеровцев Керчь.

Как были счастливы бойцы подземного гарнизона получить от Володи это радостное сообщение. Подземное сидение закончилось, можно было выходить на поверхность, встретить освободителей!

Вечером Володя пришел домой — к маме и сестре. Усталый, грязный, с немецким автоматом на плече и гранатами на поясе... Настоящий боец!

Но ведь война еще продолжалась. Первым делом саперы начали разминирование подходов к каменоломням, и, конечно, им помогали партизаны, в том числе юные разведчики, которые лучше всех знали, что где находится и как куда пройти.

Вот только разминирование — дело очень опасное. Минер, устанавливая мину, часто делает это так, чтобы противник не мог ее снять, готовит разного рода хитроумные ловушки, которые не всегда удается обнаружить. Вот на такую мину-ловушку 4 января 1942 года и напоролся тот сапер, с которым работал в паре Володя Дубинин. Неожиданно раздался сильный взрыв — оба они погибли.

Володю похоронили неподалеку от каменоломен, в той братской могиле, где были погребены его товарищи-партизаны, которые погибли в дни оккупации.

Посмертно юный разведчик был награжден орденом Красного Знамени.

В Керчи, в его родном городе, именем Володи Дубинина назвали улицу. А еще подвигу Володи посвящена очень хорошая книга, которая называется «Улица младшего сына». Ее написал Лев Абрамович Кассиль.

Предисловие к подвигу (Володя ЧЕРИНОВ)

Так уж сложилось, что, как говорится, пай-мальчиком Володя Черинов не был. До войны жил он в городе Харькове, вдвоем с мамой, и пока Евдокия Аркадьевна ходила на работу, стараясь, чтобы сын был и сытно накормлен, и хорошо одет, Володя успел связаться с хулиганской компанией. А те ребята подзадорить умели: «Да ты трус, куда тебе, ты не сделаешь!» — насмешливо говорили они и предлагали своему совестливому товарищу то нахулиганить, то в чужой огород залезть, то вообще что-то украсть... Володя, как многие мальчишки, больше всего боялся, что его сочтут трусом — ну и хулиганил вместе со всеми, думая, что это геройство и удаль.

Да только вовремя остановился, услышав, как рассуждают соседки: мол, Евдокия Аркадьевна из сил выбивается, чтобы мальчишку содержать, а по нему тюрьма уже плачет. Так он мать скоро до смерти доведет!.. Устыдился Володя, задумался и на следующий день твердо заявил друзьям-товарищам, что ему с ними больше не по пути. Вернулся мальчишка домой в синяках, но из дурной компании вышел. Более того, попросил маму перевести его из школы в ремесленное училище, чтобы поскорее получить рабочую профессию и тоже приносить деньги в семью.

Когда началась война, Володе, который уже работал на заводе слесарем-инструментальщиком, было 15 лет. Пришлось ему тогда и на оборонных работах потрудиться — местные жители копали противотанковые рвы на подступах к городу, и зажигательные бомбы, которые сбрасывали на город

гитлеровцы, на крышах тушить. И тут уже, когда гудят над головой вражеские самолеты, а сверху падают бомбы, рассыпая вокруг огненные брызги, точно было видно, кто трус, а кто храбрец... Ничего никому доказывать не нужно!

Зимой, уже после того как в конце октября в Харьков вошли немцы, Володя тайно привел домой двух раненых красноармейцев — Леньку Большого и Леньку Маленького, как они себя назвали, — бежавших из фашистского плена. Честно говоря, Евдокия Аркадьевна пришла в ужас: и не столько из-за того, что за укрывательство таких беглецов немцы расстреливали, но больше потому, что и самим-то есть было нечего. Однако Володя с мамой находили мерзлую картошку, еще что-то и делили эту скудное пропитание на четверых. Приходилось также искать перевязочный материал и медикаменты, чтобы обрабатывать раны. Хотя и с этим удавалось как-то справляться. Раненые потихоньку поправлялись.

Но потом дворник пронюхал, что Чериновы укрывают красноармейцев, и стал требовать от них плату за свое молчание, иначе пообещал сообщить обо всем в гестапо — немецкую полицию. А какая тут плата может быть? Откуда? Да и за что? Предателю за молчание?!

Евдокия Аркадьевна поняла, что надо исчезнуть вместе с сыном и обоими Леньками, Большим и Маленьким. Тогда Володя тайком отвел бойцов в село к своим родственникам, а они с мамой потихому перебрались на другую улицу — к деду, отцу Евдокии Аркадьевны. Думали, что там им удастся переждать немецкое владычество, но вскоре случайно встреченные соседи по прежней квартире сообщили, что их разыскивает гестапо — значит, дворник донес... Стало ясно, что нужно бежать из

города, а лучше — так и вообще с оккупированной территории. В ближайшую ночь, погрузив что могли на саночки, Володя с мамой тайком покинули город, взяв курс на восток. Стояла зима, было холодно — зато и гитлеровцы не очень старательно несли караульную службу, так что Чериновым удалось-таки добраться до линии фронта и каким-то чудом через нее перейти.

А вскоре уже 16-летний Володя, добавив себе два года, был призван в ряды Красной армии, точнее — на флот...

Подвиг юного патриота, о котором мы рассказали, стал предисловием к подвигу 18-летнего матроса Владимира Черинова, который во время боев за столицу Германии — Берлин под ураганным огнем противника переправлял бойцов через реку Шпрее. В этом бою он, после ранения командира, принял на себя командование катером, причалил к горящему парому и спас с него пятнадцать танкистов... Володя погиб 24 апреля 1945 года. Отважный краснофлотец был похоронен в Берлине, в братской могиле в Трептов-парке — там, где стоит теперь памятник советскому солдату с немецкой девочкой на руках.

Посмертно Владимиру Черинову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Прыжок за линию фронта (ЮРА ЖДАНКО)

На фронт одиннадцатилетний мальчик из города Витебска Юра Жданко бежать не собирался — все получилось само собой... Было начало июля 1941 года, советские войска отступали с боями, и так случилось, что когда на реке Западная Двина уже

были взорваны мосты, к ней подошли части 332-й стрелковой Ивановской дивизии имени М. В. Фрунзе, которые держали оборону у границы, а теперь отступали по приказу вышестоящего командования. Что делать? Как перевезти через реку бойцов, технику и, главное, раненых? По счастью, на берегу реки удил рыбу Юра, который быстро сориентировал бойцов в обстановке.

— А там, дяденьки, брод есть! — уверенно сказал он, махнув рукой куда-то в сторону. — Только это не близко. Вот вы сначала до камышей дойдете, потом...

— Погоди, парень, — сказал командир саперной роты. — Ты можешь показать, где это? Искать слишком долго будет.

— Могу, — сказал Юра. — Если вы меня туда довезете.

— Поехали.

Когда добрались до переправы, к берегу подъехал мотоциклист, сообщивший, что к Витебску подходят гитлеровцы.

— Что, парень, пойдешь с нами? — спросил командир, понимая, что уж слишком большой риск отпускать мальчика обратно в город, куда входят немцы.

— Пойду! — решительно отвечал тот.

Так Юра стал сыном полка — юным разведчиком.

Он теперь щеголял в подогнанной под его рост красноармейской форме, а когда было нужно, то надевал свою старенькую одежонку, которую еще намеренно пообтрепал, чтобы выглядело «жалостливее», и, перейдя через линию фронта, ходил по деревням, прося подаяния. Ну а сам, разумеется, высматривал то, что требовалось узнать, или шел

на связь с партизанами... Юра был мальчишка боевой, энергичный и толковый и всерьез взялся за изучение саперного дела, так что вскоре уже мог самостоятельно ставить мины. Через некоторое время Юра вместе с саперами ходил на операцию по подрыву важного для немцев моста и, как все ее участники, был награжден самой уважаемой среди солдат медалью «За отвагу».

Как-то раз ему пришлось выполнять и задание особой сложности. Было это в январе 1942 года, когда один из партизанских отрядов, действовавших в Смоленской области, оказался в кольце немецкого окружения. Боеприпасы и продовольствие были на исходе, раненым требовалась незамедлительная помощь. Партизаны пытались найти в кольце окружения наиболее удобное место для прорыва, однако в результате потеряли несколько разведгрупп: оказалось, что гитлеровцы не только поставили засады, но еще и заминировали лесные пути. Тогда командир отряда по рации обратился к Красной армии — могут ли ближайšie к ним войсковые части оказать помощь?

Вскоре пришел ответ командования 332-й дивизии: «Можем прислать опытного разведчика, обеспечьте прием парашютиста».

План, разработанный в разведывательном отделе дивизии, был оригинальным и дерзким — другой в тех условиях был бы бесполезен. Его выполнение поручили Юре Жданко. Однако когда обсуждались последние детали операции, начальник разведки полка вдруг сообразил:

— Он же с парашютом ни разу не прыгал. Нельзя же без тренировки. Мальчишка ведь совсем.

— Как так не прыгал? — сделал Юра большие глаза. — Два раза прыгнул. Помните, у меня друг

был — сержант... — мальчик назвал фамилию недавно погибшего разведчика. — Я его упросил, он меня два раза на прыжки брал. А вы не знали? Ну, так он меня просил не болтать, чтобы ему за это не попало...

Что Юра действительно дружил с этим парнем, все знали и, глядя в его честные глаза, поверили. Лишь потом, когда начальник разведки подсаживал его на борт бешено крутившего винтами самолета Ли-2, юный разведчик спросил:

— Товарищ капитан, за что тут дергать? — и, покраснев, добавил: — Я забыл...

Стало ясно, что Юра насчет прыжков врал, но переигрывать уже было поздно. Пришлось капитану показать мальчишке то самое кольцо...

Конечно, партизаны, которые обнаружили мальчишку в лесу, были поражены, но подвергать сомнению решение военных они не могли. К тому же Юра серьезно и строго сказал, что его нужно проводить в такую-то деревню, где уже их ждут. А когда человек настроен так по-деловому, то возражать неудобно.

Действительно, в деревне его ждал местный староста — тамошний главный немецкий прислужник. Да только мало кто знал, что дед Влас, так звали старосту, выполнял задания нашей войсковой разведки. Некоторое время назад он сообщил, что у него поселился немецкий штабной офицер, превративший комнату, где он живет, в свой кабинет — солдаты с трудом притащили туда большой сейф, в котором, как видел старик, лежат документы и топографические карты. Дом теперь круглосуточно охранял часовой, зато сейф с утра оставался открытым — даже когда офицер надолго выходил из комнаты. Только старосте туда войти повода не было, потому и заметили бы это сразу.

Дед Влас представил Юру своему постояльцу как приехавшего из райцентра внука: мол, там голодно, а тут он будет по хозяйству помогать и за это кормиться. Немца это не очень заинтересовало, а Юра сразу же развил бурную хозяйственную деятельность, потому как на счету был каждый день. Он топил печь, таскал в дом дрова и воду, выносил помойное ведро, бегал с метелкой... Кажется, у стоявшего возле входа часового голова кружилась от его мельтешения, и даже немецкий «хозяин» перестал замечать спящего по дому энергичного мальчика. Зато Юра как следует присмотрелся к сейфу и несколько раз заглядывал внутрь.

Через пару дней, дождавшись, когда немец, как всегда не закрыв, а только притворив дверцу сейфа, вышел из дома во двор, а староста возился где-то за сараем, разведчик мгновенно переложил документы и карты в мешок, в котором выносил мусор, и выскочил на крыльцо. Часовой на него и не оглянулся.

— Уходим! — сказал он, забегая в сарай и хватая заранее спрятанные здесь шапку и тулупчик.

Расчет был на то, что офицер не сразу откроет дверь сейфа, а потому можно будет успеть уйти из деревни и добраться до партизанской засады, которая с недавних пор находилась неподалеку. Действительно, все удалось как нельзя лучше: уже через несколько часов «дед» и «внук» пили в партизанской землянке горячий чай, настоящий на лесных травах, а партизанское командование изучало по картам расположение немецких постов и проходы в минных полях.

Ночью отряд пошел на прорыв и вырвался из окружения.

Юру Жданко партизаны вскоре перевели через линию фронта, а через некоторое время его

из дивизии самолетом направили в Москву. Там, в Кремле, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручил двенадцатилетнему герою орден Красной Звезды.

Потом снова были фронт, бои, дерзкие походы во вражеский тыл... Однажды в какой-то полусожженной гитлеровцами деревне Юра обнаружил трехлетнюю девочку, которую отнес в санбат, а военные медики передали ее в детский дом под Юриной фамилией Жданко. Жаль, не узнал он тогда, в какой детдом, и не смог потом выяснить, как же сложилась судьба этой девочки...

В 1943 году Юра снова попал в Москву — в госпиталь, после контузии. Когда он вылез из госпиталя и хотел вернуться на фронт, начальник госпиталя сказал ему твердо:

— Там и без тебя немца добьют. Война уже к концу идет... А тебе учиться надо. Хочешь, передадим твои документы в Суворовское училище? Выучишься — офицером станешь.

— Не-а, — вдруг мотнул головой юный боец. — Если немца добьют, то офицеры больше не нужны будут. Войны ведь больше не будет! Лучше я в ремесленное училище пойду — можно?

— Почему же нельзя? — отвечал генерал медицинской службы. — Хорошие рабочие нам всегда будут нужны.

И действительно, когда Юра Жданко вырос, он стал прекрасным рабочим — электросварщиком самого высокого разряда. Причем таким, что ему довелось со своей бригадой объездить полмира, сваривать трубы на объектах, которые советские специалисты возводили во Франции, Афганистане, Монголии и других странах — а это была задача очень трудная и ответственная. Но Юра с самых

ранних своих лет не боялся ни труда, ни ответственности, ни опасности...

Так юный герой войны превратился в героя труда.

Блокадный дневник (Таня САВИЧЕВА)

Таня Савичева не была разведчицей, санитаркой или партизанкой. Она не взрывала железнодорожных мостов, не стреляла в гитлеровцев из снайперской винтовки, и это не она, избитая до полусмерти, упорно молчала на допросах, предпочтя смерть предательству... Она просто жила — жила наперекор всем обстоятельствам: приказам германского фюрера, стараниям гитлеровских военачальников, летчиков, артиллеристов и всех солдат вермахта — и сумела сохранить и донести до миллионов людей свою память о самых страшных днях жизни. Жизни собственной и жизни великого прекрасного города — Ленинграда.

Когда 8 сентября 1941 года Ленинград был окружен гитлеровскими войсками, Тане было одиннадцать лет, и она закончила 3-й класс. Савичевы жили на Васильевском острове, в доме №13/6 по 2-й линии, как именуются улицы, пересекающие остров от Невы до речки Смоленки.

900 дней и ночей продолжалась беспримерная героическая оборона блокадного города, который ежедневно по несколько раз обстреливала гитлеровская артиллерия и бомбили немецкие самолеты. В городе не было тепла и электричества, не работали водопровод и канализация. Но самое страшное, что в Ленинграде остро не хватало про-

довольствия. В самые трудные дни блокады, зимой 1941 — 1942 годов, рабочие получали по 250 граммов хлеба в день, а все остальные, в том числе и дети, — по 125. Каждый день от голода, холода и болезней в осажденном городе умирали сотни человек, многие десятки погибали при бомбардировках и обстрелах.

Семья Савичевых была большая и дружная. Танин папа Николай Родионович умер еще в 1936 году, а в квартире на Васильевском жили ее мама Мария Игнатьевна и бабушка Евдокия Григорьевна, которые вели домашнее хозяйство, ее старшие сестры Нина и Женя, которые работали на Невском машиностроительном заводе: первая — в конструкторском бюро, вторая — в архиве, братья Леонид, его в семье называли Лека, работавший строгальщиком на Адмиралтейском судостроительном заводе, и Михаил, слесарь по профессии, а также братья Таниного отца дядя Вася — директор книжного магазина «Букинист», и дядя Леша — снабженец на заводе. Что называется, это была хорошая трудовая семья, каких в нашей стране тогда было большинство.

Так случилось, что за день до начала войны, 21 июня, Михаил уехал из Ленинграда на отдых. Вскоре он оказался на оккупированной немцами территории и воевал в партизанском отряде. Леонид хотел записаться добровольцем в армию, но его не взяли из-за очень плохого зрения, а его дядьев, Василия и Алексея Родионовичей, — по возрасту, ведь они воевали еще в Первую мировую войну. Нина, как и многие работники Невского завода, была переведена на «казарменное положение», жила там, где работала, а потом ее неожиданно вывезли из блокадного города на «большую землю» — на территорию, не занятую гитлеровцами. Но об

этом в семье не знали, а потому и Нину, и Мишу родственники считали погибшими.

Стоит сказать, что про блокаду мы знаем довольно мало. Большинству из нас сегодня представляется, что люди в осажденном Ленинграде только страдали и умирали. Нет, ленинградцы не просто выживали, они защищали свой город от наземного и воздушного противника, а город еще и продолжал работать. На его заводах и в мастерских ремонтировалась боевая техника, делалось вооружение; книжные издательства выпускали брошюры и книги — в том числе исторические, о подвигах русского народа; на хлебозаводах пекли тот самый блокадный хлеб «с огнем и кровью пополам», как образно сказал поэт; а на сцены театров выходили артисты и играли спектакли для горожан, бойцов Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота... В осажденном Ленинграде даже учились: 3 ноября 1941 года в школах начался новый учебный год, и Таня пошла в четвертый класс. Занятия в неотапливаемых школах продолжались до самых холодов страшной и небывало морозной зимы. Вот только все в городе делалось не то что на пределе, скорее даже за пределами человеческих возможностей.

Первой потерей в семье Савичевых стала сестра Женя, которая хотя и была намного старше Тани, но ей исполнилось только 32 года. Для женщины это возраст самого расцвета...

Жизнь в замерзшем, заснеженном блокадном городе казалась страшным сном, от которого хотелось скорее очнуться. Наверное, Таня поняла, что дата смерти Жени может быть забыта в длинной череде столь похожих друг на друга дней, и решила ее записать. Она взяла записную книжку Нины,

раскрыла ее в той части, где был алфавит, на букве «Ж», и написала синим карандашом, каким дети обычно рисуют небо и море:

«Женя умерла 28 дек в 12.30 час утра 1941 г»¹.

С этой скорбной записи и начался подвиг Тани Савичевой. Она сделала в своем блокноте всего семь записей — на девяти страничках, и эти записи оказались главным делом всей ее жизни и обессмертили имя обыкновенной ленинградской девочки, прожившей лишь четырнадцать лет.

Чуть меньше чем через месяц она сделала вторую запись:

«Бабушка умерла 25 янв 3 ч. дня 1942 г».

За два дня до этого, 23 января, Тане исполнилось двенадцать лет.

Не прошло и месяца, как от дистрофии умер в заводском стационаре брат Лека, и там, где в блокноте была буква «Л», Таня записала:

«Лека умер 17 марта в 5 час утра 1942».

Наверное, от холода не слушались пальцы, и два слова слились в одно...

Ленинградцы очень ждали весну, считая, что тогда будет легче. И действительно, стало теплее, но зато обострились накопившиеся за зиму болезни; весна, как известно, время авитаминоза и прочих гадостей — пока не появятся первые овощи и ягоды. В блокированном городе в грядки превращали клумбы, газоны, территории парков.

Таня, сколько могла, пыталась выхаживать своих родственников. Однако это было выше ее сил, и в течение месяца в блокнотике появились три записи:

«Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г».

«Дядя Леша 10 мая в 4 ч дня 1942».

¹ Здесь и далее правописание подлинника.

«Мама 13 мая в 7.30 час утра 1942 г».

В двух последних записях отсутствует страшное слово «умер». Но оно дважды звучит в последней, самой трагической записи на трех последних страничках:

«Савичевы умерли Умерли все Осталась одна Таня».

Вот так. Была семья — и нет... А сколько таких семей оставалось в блокированном гитлеровцами Ленинграде!

Однако казалось, что счастье все-таки улыбнулось Тане Савичевой — сначала ее приняли знакомые, хорошие люди, потом девочку пристроили в 48-й детский дом, который вскоре был эвакуирован из Ленинграда. Так, в августе 1942 года Таня вместе с другими ребятами приехала в поселок Шатки Горьковской — ныне Нижегородской — области.

Вот только была она так истощена, столько различных болезней оказалось у нее после страшного блокадного года, что врачи, очень старавшиеся помочь девочке, были бессильны. Таня умерла 1 июля 1944 года. Ей было тогда всего четырнадцать лет.

Вернувшись из эвакуации, сестра Нина нашла блокнотик с Таниными записями. И так потом получилось, что в 1946 году эти девять листочков были представлены в числе многих обвинительных документов на Нюрнбергском процессе, где за преступления против человечества судили главных нацистских преступников — руководителей фашистской Германии, гитлеровского рейха. Откреститься от этого документа, объявить его подложным, было нельзя — и он никого не мог оставить равнодушным...

Таня Савичева прожила всего 14 лет. Но дневник, написанный ею в промерзшей ленинградской

квартире, между жизнью и смертью — смерти наперекор, стал ее подвигом. Потому что когда человек даже в безвыходной ситуации действует, делает хоть что-то разумное и полезное, он не сдаётся, не покоряется обстоятельствам, он остаётся Человеком. Так и получилась, что вся гитлеровская армия, окружившая Ленинград, все немецкие летчики, его бомбившие, и все немецкие артиллеристы, его обстреливавшие, не смогли победить одну маленькую девочку по имени Таня.

Последний бой (САША БОРОДУЛИН)

Школьник Саша Бородулин жил в железнодорожном поселке Новинка, что в Лужском районе Ленинградской области, куда скоро пришла война.

События 1941 года мгновенно сделали взрослыми очень многих детей. Вот и Саша, когда пришли гитлеровцы, вскоре сказал:

— Я уйду в лес, к партизанам...

— Это очень опасно! — попыталась возразить мама.

— Разве здесь не опасно? — спросил мальчик, и мама не знала, что ответить.

Совсем недавно неподалеку от Новинок шел бой отступающих красноармейских частей с немцами, которых затем надолго остановили на знаменитом Лужском рубеже, проходившем ближе к Ленинграду. А вот в Новинках гитлеровцы быстро навели свой, как они это называли, новый порядок: забрали у жителей коров, свиней и кур, а тех нескольких хозяев, что пытались заступиться за свое добро, расстреляли.

Ночью Саша достал из сарая припрятанную трехлинейку, которую он подобрал возле убитого бойца при отступлении наших войск, и ушел в лес. Но по дороге задумался: винтовка — оружие мощное, бьет она точно, а вот патронов в ней маловато, да и тяжелая, длинная. В общем, для партизанской жизни не самое подходящее оружие. Да еще — для мальчишки.

Подумав, Саша устроил засаду неподалеку от поворота дороги и принялся ждать, приготовив винтовку к бою. Часто по дороге проезжали грузовики с солдатами, прошла колонна из серых бронетранспортеров с черными крестами на бортах. Видеть так близко эту вражескую технику было страшно-вато, но мальчик занял надежную позицию, скрытую кустами, так что гитлеровцы не должны были его заметить.

Наконец, послышался треск мотоциклетного двигателя. Саша замер, впился глазами в дорогу. И вот из-за поворота, притормаживая на вираже, появился мотоцикл. Мальчик с радостью заметил, что на нем сидел только один немецкий солдат-мотоциклист, им управлявший, и нажал на курок. Выстрел! Мотоцикл рванулся вправо и опрокинулся, продолжая трещать мотором. Солдат остался лежать неподвижно, но Саша, тщательно прицелившись, выстрелил в него еще раз, чтобы наверняка. Затем осторожно подошел к лежащей машине и, не зная, как заглушить мотор, изо всех сил ударил по нему прикладом винтовки. Мотоцикл заглох. Тогда Саша стащил с плеча немца автомат, повесил его себе на спину, где уже болтался тощий вещмешок с кое-какими продуктами и чистым бельем, и побежал, сжимая в руках винтовку. Мотоцикл с дороги он решил не убирать, чтобы не тратить времени

зря, а поскорее исчезнуть в лесу. Было боязно, что на дороге скоро появятся другие немцы, да и, главное, убить человека, пусть даже и врага, — это по-настоящему страшно...

Вскоре он предстал перед партизанским дозором.

— Глядим — бежит! — смеялись потом партизаны. — Красный, мокрый, взъерошенный и с ног до головы вооруженный!

А каким потрясением для него было, когда в командире партизанского отряда он узнал товарища Болознева — грозного и строгого директора той самой школы, в которой он учился.

Скоро уже над Сашей никто не смеялся — напротив, он стал в отряде очень уважаемым и всеми любимым человеком. Почти каждый день Бородулин ходил в разведку, выполнял опасные задания. Через Лужский район проходило несколько железнодорожных магистралей, которые были для партизан основным объектом действий.

24 сентября Саша участвовал в нападении на немецкий гарнизон, расположенный на железнодорожной станции Чолово: партизаны внезапно забросали гранатами штаб и уничтожили несколько десятков солдат и офицеров.

Нередко Бородулин уходил и на «свободную охоту», устраиваясь, как и в самый первый раз, в засаде с винтовкой возле дороги и терпеливо дожидаясь мотоциклистов, одиночных солдат или подводчиков на телеге. Он в совершенстве овладел мастерством подрывника, так что личный счет юного партизана — истребленные гитлеровцы и уничтоженная боевая техника — был немалый. Зимой 1941 года Сашу наградили орденом Красного Знамени — это очень высокая боевая награда.

Когда в одном из боев он был тяжело ранен, то отлежался в лесном партизанском госпитале, наотрез отказавшись быть переправленным на «большую землю» — то есть туда, куда не пропустили врага.

— Я нужен в отряде! — сказал он с такой уверенностью, что больше ему ни разу не предлагали эвакуироваться.

Партизаны для гитлеровцев были как гвоздь в сапоге, а потому противник бросал немалые силы для их поиска и уничтожения. В конце концов, в июле 1942 года каратели выследили отряд Болознева. Трое суток партизаны с боями уходили от своих преследователей, дважды противник замыкал их в кольцо, но отряд прорывался из окружения. Когда кольцо сомкнулось в третий раз, командир вызвал добровольцев, чтобы они остались как можно дольше прикрывать отход товарищей. Из строя шагнули Саша и еще четверо молодых партизан. Всем было понятно, что эти люди идут на верную смерть.

Пятеро бойцов приняли бой с десятками карателей, став для гитлеровцев непреодолимой преградой. Но вот уткнулся лицом в траву один боец, не успев сменить огневую позицию и был убит на бегу другой... Немцы также несли потери, но их было гораздо больше, а потому их огонь был плотнее и губительнее...

И вот Саша остался один. Кроме автомата у него была граната-лимонка — можно было бросить ее во врагов и после мощного взрыва рвануть в лес. Это было спасение. Но мальчик понимал, что в его руках — судьба всего отряда, всех его товарищей. Чем дольше он будет сдерживать врагов, тем дальше смогут уйти партизаны. А потому, не думая о себе, он стрелял и стрелял — до тех пор пока не закон-

чились патроны. Когда же они закончились, Саша сжал в кулаке гранату и стал ждать, пока немцы к нему приблизятся.

Каратели поняли, что у юного партизана больше нет патронов, и спокойно к нему подошли, окружили, не без интереса рассматривая юного героя. В этот момент раздался взрыв...

Мальчик со скрипкой (Муся ПИНКЕНЗОН)

В молдавском городе Бельцы, где он родился и вырос, Муся Пинкензон был человеком знаменитым, несмотря на свой юный возраст. Когда ему было всего пять лет, о нем первый раз написала городская газета как о скрипаче-вундеркинде. Тогда, в 1935 году, он впервые очень успешно выступил на городском концерте — а ведь Муся только недавно взял в руки скрипку, зачарованный случайно услышанной на улице мелодией великого итальянского скрипача и композитора Паганини. Услышал мальчик нежные, тревожные, цепляющие за душу звуки скрипки — и понял, что это его судьба. Поняли это и его родители, которые вскоре купили ему скрипку.

В июне 1941 года Муся вместе с делегацией школьников из города Бельцы приехал в Кишинев, столицу республики, где на 22 июня было назначено торжественное открытие Первой республиканской олимпиады художественной самодеятельности школьников Молдавии. Пинкензон должен был исполнять здесь Второй концерт Моцарта. Он очень волновался и ночь провел почти без сна, а утром, когда наконец-то заснул, услышал, как нудно и

протяжно гудят над головой сотни самолетных моторов. Так в жизнь Муси вошла война.

Школьники спешно возвратились обратно в Бельцы, а скоро папа Мусика, Владимир Борисович, врач-хирург, получил назначение в военный госпиталь, расположенный в станице Усть-Лабинской, на Кубани.

— Мама, а мы вернемся обратно? — спрашивал мальчик, укладывая в чемодан ноты.

— Конечно, — уверенно отвечала Феня Моисеевна.

В Усть-Лабинской Муся не только пошел в 5-й класс тамошней школы, но и стал частым гостем в госпитале, где работал его папа. Туда приходили все ребята из его класса, да и вообще, из всей школы — ухаживали за ранеными, помогали медицинскому персоналу. А Мусик выступал, он играл на скрипке. Каждый вечер, как только справлялся с уроками, он приходил в госпиталь и, переходя из палаты в палату, играл раненым музыку Чайковского, Моцарта, Паганини, играл «Катюшу» и «Синий платочек», грузинскую песню «Сулико» и украинскую «Днепр широкий...».

Мальчик нередко оставался в госпитале до позднего вечера, а его папа не возвращался домой по несколько дней: раненые прибывали эшелон за эшелон.

Однажды Владимир Борисович пришел в то время, когда Мусик уже ложился спать, и попросил сына вернуться с ним в госпиталь.

— К нам привезли летчика — он горел в подбитом самолете, у него страшные боли, — объяснил отец. — Поиграй ему, это может ему помочь, отвлечь. Ты же сам знаешь, что такое музыка — она лечит...

Еще в коридоре, где также лежали на кроватях раненые бойцы, Мусик услышал громкие стоны и страдающий голос. В палате он увидел лежащего человека, всего перемотанного бинтами. Человек что-то говорил медсестре, и голос его то срывался на крик, то переходил в стон.

Мальчик провел смычком по струнам и заиграл. Раненый вдруг замолчал и затих, словно бы заснул. Но он не спал — Мусик видел, как блестят между бинтами глаза, наполненные слезами. Он доиграл и услышал:

— Еще! Пожалуйста, еще!

Он играл, играл еще и еще, переводя одну мелодию в другую, а раненый летчик молчал, слушал и только иногда тихо постанывал. В палату пришли и другие раненые, их было очень много, но все равно здесь теперь царил мертвая тишина, нарушаемая только звуками скрипки...

Когда смертельно уставший Мусик доиграл последнюю мелодию, он сказал тихо и виновато:

— Простите, я уже больше не могу...

— Спасибо, сынок, — прохрипел летчик. — Я потерплю. Я буду летать и бить фашистов! Только ты приходи еще ко мне, ладно?

— Обязательно, — сказал мальчик. — Обязательно!

Уйти от войны — точнее, от врага — семье Пинкензон было не суждено: летом 1942 года на кубанскую землю пришли гитлеровские войска — стремительно и совершенно неожиданно... Из Усть-Лабинского госпиталя успели тогда эвакуировать многих раненых, но не всех, и Владимир Борисович решил остаться с ними — он не мог бросить людей без врачебной помощи. Так Мусик и его родители оказались на временно оккупированной территории — «под немцем».

В операционную, где Владимир Борисович оперировал раненого бойца, бесцеремонно вошел немецкий офицер в сопровождении нескольких солдат.

— Оставьте его, доктор, — приказал он по-русски. — У нас много раненых, в первую очередь вы должны помочь им!

— Выйдите отсюда немедленно! — потребовал врач.

— Не тратьте времени зря, — сказал немец, не обращая внимания на его слова. — Сейчас принесут наших раненых.

Затем он повернулся и что-то негромко приказал своим солдатам. Те подошли к Владимиру Борисовичу, крепко взяли его под руки и, хотя он пытался сопротивляться, оттащили от операционного стола.

Офицер вынул из кобуры пистолет и выстрелил в раненого.

— Операция закончена, доктор, — усмехнулся он. — Можете больше не беспокоиться... Сейчас вам принесут наших солдат — позаботьтесь о них.

— Нет, — покачал головой Пинкензон.

— Я понимаю, доктор, вы устали. Идите домой, отдохните. Я жду вас завтра в восемь часов утра, — кивнул офицер и вышел, не ожидая возражений.

На следующее утро Владимир Борисович не пошел в госпиталь, а через час за ним явились немецкие солдаты.

— Вы опоздали, доктор, — строго сказал тот же офицер. — Чтоб это было в последний раз. Запомните, если вы будете добросовестно выполнять свои обязанности, вы будете хорошо жить. А сейчас прошу вас в операционную...

— Я не буду оперировать ваших раненых, — сказал хирург.

— Вы врач и обязаны помогать людям!

— Вы не люди!

— Ну, а раз вы такой врач, то ваше место не здесь, а в карцере, — пожал плечами гитлеровец.

Владимира Борисовича отвели в здание бани, превращенной немцами в тюрьму. Несколько дней его убеждали возвратиться в госпиталь — у гитлеровцев не хватало врачей, а потом стали выводить вместе со всеми арестованными на рытье окопов. Как видно, немцы очень опасались возвращения Красной армии.

То, что власть оккупантов очень непрочна, понимали и местные жители, и сопротивление захватчикам на Кубани возрастало день ото дня. Чтобы суметь хоть как-то навести порядок и подчинить себе население, фашисты решили провести серию массовых казней. Владимир Борисович Пинкензон был определен в первую расстрельную партию. Все же немцы еще надеялись склонить его к сотрудничеству — если не убеждением, то страхом. Поэтому они арестовали Феню Моисеевну и даже Мусика.

— Я знаю, что мне достаточно согласиться — и нас всех выпустят, — сказал Владимир Борисович плачущей жене. — Но все-таки я работать на них не буду!

— Бог тебе судья! — ответила Феня Моисеевна, не высказав ни слова упрёка.

На следующий день группу людей, приговоренных к расстрелу, вывели на берег реки Кубань. Гитлеровцы решили провести показательную казнь, поэтому к месту ее проведения согнали всех окрестных жителей. Они стояли поодаль, сбившись в кучу, многие женщины плакали и крестились.

— Так будет с каждым, кто не подчинится германским властям, — сказал по-русски офицер, обращаясь к тем, кого назначили зрителями. — Любой из вас может оказаться там, с ними!

Он жестом указал на шеренгу людей, выстроенных перед глубоким рвом. Муся стоял между своими папой и мамой, прижимая к груди скрипку.

— Может быть, кто-нибудь хочет что-то сказать? — вдруг обратился немец к приговоренным.

Ему очень хотелось, чтобы люди стали просить пощады, как-то выказали свой страх. Пожалуй, таких бы он даже и отпустил... Нужно, чтобы все увидели, что тем, кто выражает покорность «новому порядку», бояться нечего.

— Господин офицер, — раздался вдруг звонкий, срывающийся от волнения голос Мусика. — Позвольте, я сыграю свою любимую песню?

Легкий шепот пронесся как по шеренге приговоренных, так и по толпе зрителей.

«Наверное, хитрый мальчуган хочет таким путем сохранить себе жизнь, — подумал немец. — А почему бы и нет? Это забавно!»

— Молодец! — усмехнулся офицер и махнул рукой солдатам, чтобы опустили автоматы. — Сыграй, мальчик. Если твоя песня хорошая — ты будешь жить!

Мусик достал скрипку, бережно положил чехол на землю, прижал скрипку к подбородку, провел смычком по струнам. Сначала робко, потом все увереннее и громче зазвучала знакомая людям мелодия... Вдруг кто-то запел слова, и тут же его поддерживали другие. Люди, приговоренные к смерти, громко пели: «Вставай, проклятым заклеянный, весь мир голодных и рабов...»

Это был «Интернационал» — песня рабочих, которая в те времена была гимном Советского Союза.

— Прекратить! Замолчать! — закричал фашистский офицер, на какие-то мгновения даже потерявший способность соображать.

Люди, которые сейчас должны были умереть для устрашения других, вдруг показали полное свое презрение к смерти. Мальчишка, который, казалось бы, первым из всех должен был плакать и просить прощения, оказался главным и самым опасным бунтарем!

— Прекратить! — орал офицер.

Потом вдруг до него дошло, и он скомандовал своим солдатам:

— Feuer!

Солдаты вскинули автоматы и открыли огонь. Но люди продолжали петь, даже умирая, а Мусик играл — он играл и после того, как на землю упали его родители. Он играл и плакал...

Тут офицер понял, что никто из его солдат не хочет стрелять в мальчишку, и сам выхватил пистолет. Выстрел, другой, третий... Мелодия оборвалась. Муся упал, и его расстрелянная, пробитая пулей скрипка замолчала навсегда. Но умирающие еще продолжали петь, и песня эта звала людей на борьбу, вела к Победе...

Противотанкист (Ваня ФЕДОРОВ)

Ваня Федоров жил на Смоленщине, в деревне Бурцево. Отец его работал в кузнице, а мама — в колхозе. Ване, однако, была предначертана иная

судьба: окончив четыре класса, он поехал в Ленинград учиться в ФЗУ — фабрично-заводском училище, чтобы получить рабочую профессию и трудиться на одном из заводов этого прекрасного города. Летом 1941 года, когда начались каникулы, он приехал домой...

А потом началась война. Отца призвали в армию в самые первые дни, и вскоре на него пришла похоронка: «Погиб смертью храбрых в боях...» Несколько дней, уходя на берег речки, подальше от дома, Ваня плакал — он очень любил папу, но не хотел, чтобы кто-либо видел его слезы.

Гитлеровские войска рвались к Москве, а самый короткий путь туда лежал через Смоленск. 10 июля началось знаменитое Смоленское сражение, когда войска четырех советских фронтов перемалывали наступающие силы противника, стараясь не допустить их к столице. В сражении этом с обеих сторон участвовали сотни тысяч солдат, тысячи танков, артиллерийских орудий, сотни самолетов. В то время немецкая авиация господствовала в воздухе, и гитлеровцы могли безнаказанно бомбить все, что им заблагорассудится. Жители деревни Бурцево даже постепенно привыкли к тому, что над ними, в сторону Смоленска и Москвы, ежедневно по несколько раз пролетают армады немецких бомбардировщиков.

В один из дней, сидя на берегу речки, Ваня опять увидел летящие к востоку немецкие самолеты. Однако на этот раз несколько бомбардировщиков вдруг отделились от общего строя и стали снижаться. Потом мальчик потерял эти самолеты из виду и вдруг услышал близкие разрывы бомб.

Когда он добежал до деревни, самолеты уже улетели. Деревня горела. На месте его дома была

большая воронка. Ваня очень надеялся, что мама ушла куда-нибудь еще до начала бомбежки, и долго сидел неподалеку от места, где был их дом, ожидая ее возвращения. Но чуда не произошло.

Так Ваня, которому не исполнилось еще и четырнадцати лет, остался и без родителей, и без дома. Когда мальчик это понял, он пошел в сторону железнодорожной станции, до которой было несколько километров пути. Там ему повезло: Ваня сумел пристроиться к воинскому эшелону, который уходил в западном направлении, то есть на фронт. Однако когда его заметил строгий железнодорожный кондуктор, мальчика ссадили без всяких разговоров. И так было несколько раз: его находили и высаживали из поезда. Но Ваня не унывал — ведь с каждым разом он подъезжал к фронту все ближе и ближе. Вот только фронт постоянно менял свою конфигурацию, и через некоторое время пришлось ехать уже не на запад, а на восток, с отступающими войсками. Так он ехал и ехал несколько долгих месяцев...

В конце концов, Иван Федоров обнаружился на станции Повадино, под Сталинградом, в эшелоне одной из артиллерийских батарей 156-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 112-й стрелковой дивизии, переброшенной на Волгу из Сибири. Было это уже летом 1942 года.

Шефство над мальчиком взял командир батареи лейтенант Алексей Очкин. Сам он, кстати, был ненамного старше Вани — всего 17 лет, но приписал себе два года, чтобы пройти краткосрочный курс военного училища и попасть на фронт.

Юного добровольца назначили помощником повара, определив, соответственно, на кухню. Ваня не стал протестовать — после стольких-то месяцев

голодных странствий, однако в любую свободную минуту он изучал материальную часть противотанкового орудия, так что вскоре выучился работать за любой номер расчета, тренировался в метании гранат. Да и во время вскоре начавшихся боев Ваня на кухне не отсиживался: несколько раз он обеспечивал доставку боеприпасов на позицию.

Первый бой, в котором он принимал участие в качестве подносчика снарядов, произошел 7 августа на окраине станицы Верхне-Чирская, посреди горячей степи. Батарея подбила тогда четыре немецких танка, двигавшихся по направлению к Сталинграду... Несколько позже, в бою за Мамаев курган, ключ к обороне Сталинграда, Ваня, подносивший на позицию снаряды, оказался отрезанным прорвавшимися немецкими автоматчиками. Он не растерялся и спрятался от немцев в разбитой заводской трубе...

Артиллеристы полюбили этого толкового и смышленного парнишку, в котором одни видели черты сына, другие — младшего брата. И совсем не случайно однажды произошло так, что за мгновение до взрыва немецкого снаряда перед Ваней оказался пожилой солдат, который принял на себя летящие осколки и упал, прошептав: «Живи, сынок!».

Обстановка в Сталинграде обострялась с каждым днем. Фашисты, не считаясь с потерями, стремились прорваться к Волге. Бои шли уже не за город, превращенный в руины, а за отдельные его улицы, дома, этажи и квартиры. Противотанковые орудия ставили на самые главные, а потому смертельно опасные участки.

14 октября 1942 года гитлеровцы вновь пытались прорваться к Волге. Батарея лейтенанта Очкина занимала позицию в районе Тракторного завода,

что неподалеку от Мамаева кургана. Атакующие гитлеровцы буквально засыпали позиции противотанкистов свинцом и сталью, ведя по ним огонь из своих пушек и стрелкового оружия. Связь расчетов с командованием батареи была потеряна — каждый командир действовал теперь по своему разумению. Хотя все было предельно просто и ясно: при появлении вражеского танка противотанковое орудие должно было успеть выстрелить по нему первым и непременно попасть, иначе оно будет расстреляно из танковой пушки или смято гусеницами бронированной машины. Стрелять мгновенно и точно можно было только при условии слаженной работы всех номеров расчета.

Между тем расчеты несли невосполнимые потери...

Пушка, которая стояла справа, была разбита прямым попаданием снаряда; к левому орудию прорвались немецкие автоматчики, и артиллеристы вступили с ними в перестрелку.

Ване Федорову пришлось заменить убитого наводчика орудия — это самая ответственная должность в артиллерийском расчете. Можно быстро зарядить пушку и выстрелить, но ошибка наводчика — это промах, который сведет на нет усилия и работу всего маленького боевого коллектива расчета. Однако Ваня четко выполнял свои обязанности и перед позицией орудия горело несколько фашистских танков.

И вдруг — близкий разрыв вражеского снаряда. Мальчик оглянулся — ни справа, ни слева от него никого не было. Его товарищи без движения лежали на красной от крови земле. А в сторону позиции стремительно шел очередной немецкий танк. Ваня протянул руки к панораме — прицелу орудия, и

только тут увидел, что она разбита осколком. Раздумывать было некогда: открыв затвор, мальчик навел орудие через ствол, видя сквозь него вражескую бронированную машину. Кажется, и этот выстрел был удачным — танк остановился.

Но немецкие солдаты, укрываясь за руинами стен заводских цехов, подходили все ближе и ближе, так что для борьбы с пехотой Ване пришлось переходить на «карманную артиллерию» — гранаты. В ответ по нему стреляли, кажется, все, кто находился впереди. Жгучая боль пронзила левую руку мальчика: пуля раздробила локоть, потекла горячая кровь...

Тем временем опять появились танки, но Ваня понимал, что ничего с ними он уже поделать не может: обходя подбитые машины, головной танк приближался с другой стороны, а в одиночку повернуть туда артиллерийское орудие пятнадцатилетнему бойцу было не под силу... Но танк все равно выстрелил по орудью, которое от прямого попадания превратилось в груды металла; осколок снаряда задел и юного бойца, отрезав ему, как хирургическим ножом-скальпелем, кисть правой руки.

Тогда Ваня зубами и тем, что осталось от его рук, поднял с земли большую и тяжелую противотанковую гранату и, прижимая ее к груди, бросился под головной танк... Сильный взрыв! Крутанувшись на месте, танк остановился, перегородив путь всем остальным машинам.

В этот день гитлеровцы опять не смогли выйти к Волге...

Так почему-то получилось, что подвиг юного героя не был отмечен ни одной боевой наградой. Но имя его занесено в Книгу боевой славы Мамаева кургана.

Мальчиши с хутора Ляпичев (АКСЕН ТИМОНИН, СЕМЕН МАНЖИН И ДРУГИЕ)

Гитлеровцы смогли прорваться в Придонские степи только летом 1942 года, развивая наступление на Сталинград и, как они надеялись, далее, в направлении Кавказа. А ведь еще недавно не только в России, но и в странах Европы казалось, что победа над фашистской Германией близка: зимой 1941 — 1942 годов немецкие войска были разгромлены под Москвой, они стали отступать, и Красная армия освободила многие из захваченных врагом городов. Однако, как нередко случается на войне, после наших блистательных побед и некоторых последующих стратегических ошибок успех перешел к противнику...

«Под немцем», в оккупации, оказался и хутор Ляпичев Калачевского района Сталинградской области. Здесь, как и на всей занятой гитлеровцами территории, вскоре развернулось партизанское и подпольное движение. Да только все получилось почти как в сказке Аркадия Гайдара о Мальчише-Кибальчише: отцы и старшие братья ушли воевать — война ведь уже год шла, и на хуторе оставались одни мальчиши-мальши. Учились эти мальчиши, числом семнадцать человек, в Ляпичевской семилетней школе, самому старшему из них, Аксену Тимонину, только исполнилось 14 лет, а самому юному, Семе Манжину, было девять. Еще в отряд вошли младший брат Аксена — Тимофей Тимонин, Василий и Николай Егоровы, Максим Церковников, Федор Силкин, Емельян Сафонов, Сергей Соколов и другие ребята.

Не имея взрослого руководителя, ребята поначалу решили самостоятельно заниматься военным делом — ведь у всех еще до войны были деревянные ружья. Вооружившись этими ружьями, отважные мальчишки тайком пробирались в овраг неподалеку от хутора и отрабатывали штыковые приемы, чтобы суметь встретиться с оккупантами в открытом бою.

Но война быстро внесла в их занятия свои коррективы. В тех местах, по которым прошли бои, осталось лежать много различного оружия и боеприпасов, так что ребята стали собирать и прятать винтовки, автоматы и патроны к ним. Все найденное они хранили за рекой, в роще, будучи в полной уверенности, что вскоре это оружие им пригодится.

Впрочем, раз у мальчишек есть оружие — просто так оно лежать не будет. Ребята забросили в сарай свои деревянные винтовки и стали заниматься с настоящими, боевыми. Штыковые приемы они уже не отрабатывали — трехлинейки оказались гораздо тяжелее деревянных ружей, зато из винтовок можно было прекрасно стрелять в цель. С мишенями проблем не возникало: на хуторе всегда можно было найти немецкую газету с портретом ненавистного Гитлера, главного фашиста, и по такой мишени просто стыдно было промазать.

А потом, в очередной раз обследуя окрестности в поисках оружия, Аксен Тимонин увидел в камышах на берегу реки советского командира — офицер был ранен в ногу и передвигался с трудом. Потеряв сознание, командир этот остался на поле боя и отстал от своих. Обмундирование у него было изорвано, в крови и грязи, зато при нем был пистолет с патронами. Свой сухой паек — так назы-

ваемый НЗ, «неприкосновенный запас» — офицер давно съел и несколько дней оставался голодным. Мальчик помог ему добраться до леса, где можно было спрятаться в загодя построенном ребятами шалаше, и побежал к своим товарищам.

— Подождите немного, дяденька, я скоро вернусь! — пообещал Аксен.

— Куда же я отсюда денусь? — грустно улыбнулся командир, растирая раненую ногу.

Об этой встрече Аксен рассказал только старшим из ребят: своему брату Тимоше, Сереже Соколову и Феде Силкину. Все вместе они собрали провизию, кто что смог, что-то из одежды и принесли раненому.

Но этого могло хватить только на несколько дней, а потом нужно было принести еще продуктов — да где их взять? Немцы начисто подгребали в соседних селах все, что могли, так что люди голодали.

— А мы заберем продукты у немцев! — решили ребята.

Они знали, что отобранное у селян продовольствие, а также присылаемые из Германии и еще не переданные адресатам посылки гитлеровцы хранят в амбаре. Как к этому амбару незаметно подойти и как туда пробраться — объяснять ребятам нужды не было. Сколько раз они лазали туда еще до прихода немцев — из озорства и простого интереса. Вот и теперь налет на амбар получился как нельзя лучше: чувство реальной опасности только прибавляло азарту. Набрали продуктов предостаточно, так что и командиру надолго хватило, да и домой себе кое-что удалось принести. Матери, конечно, все поняли — но повздыхали, покачали головами и ничего лишнего не сказали. Время было голодное,

каждый спасался и выживал, как мог. Немцы вроде и не заметили пропажи — ведь сами столько у народа всего наворовали, что попробуй сосчитай.

Удача окрылила юных подпольщиков. Они еще пару раз провели успешные налеты на амбар, а потом решились и на гораздо более дерзкую операцию.

Однажды Максим Церковников увидел, как немцы сняли с подошедшего к их казарме грузовика, накрытого брезентовым тентом, два зеленых деревянных ящика, из которых стали доставать новенькие автоматы. Потом немецкие солдаты куда-то пошли, унося автоматы, а грузовик остался стоять без всякой охраны, и Максим видел, что в кузове осталось еще несколько таких же ящиков.

Убедившись, что никто его не видит, парнишка забрался в кузов и затаился, понимая, что если ящики не сняли сразу, то, значит, их еще куда-то повезут. К тому же гарнизон на хуторе стоял небольшой — зачем им лишнее оружие?

Ждал он недолго. Вскоре водитель и еще один солдат вернулись в кабину, взревел мотор, немцы что-то хором прокричали вслед, и грузовик поехал. Когда же он выехал с хутора, Максим открыл верхний ящик, начал вытаскивать из него автоматы и бросать их в сторону от дороги, в кусты... Он выбросил так десяток автоматов, но потом немцы что-то увидели в зеркало заднего вида, из кабины раздался крик, автомобиль резко затормозил и остановился, так что ящики прокатились по всему кузову, ударившись о передний борт.

Церковников не стал ждать, что произойдет дальше — сиганул через задний борт и, перебежав через дорогу, бросился в кусты. Максим правильно рассчитал, что бежать нужно со стороны водите-

ля: пока сопровождающий выскочил из кабины, обежал машину — он уже был далеко и невидим для преследователей. Опасаясь наткнуться на засаду, немцы не только не решились его преследовать — над головой мальчика просвистело только несколько автоматных очередей, — но даже не стали собирать выброшенное оружие, а постарались побыстрее уехать. Зато ребята потом нашли и забрали все автоматы.

Мальчишкам с хутора Ляпичев приходилось встречаться и со взрослыми партизанами, и с войсковыми разведчиками, которые сообщали им о том, что происходит на фронте. А там, как оказалось, дела были совсем не такие страшные, как это утверждали гитлеровцы и их прислужники-полицай. Ребята решили сообщать о новостях с фронта своим односельчанам, и вскоре на хуторе появились листовки, написанные корявым детским почерком. Одна из них оказалась даже прилеплена к стене того дома, где разместилась немецкая комендатура. На листовке было написано:

«Товарищи! Немцы брешут, что советская власть разбита. Брешут, сволочи, что Сталинград сдался. Сталинград наш, и наши скоро придут. Не верьте гадам! Партизаны».

Понятно, что эти листовки насторожили гитлеровцев, которые стали внимательно присматриваться ко всем ребятам, в надежде обнаружить что-либо подозрительное в их поведении.

Такой случай им вскоре представился. В избе, где жил один из юных подпольщиков — не будем называть его имени, — квартировал немецкий офицер. Однажды мальчик увидел, что немец оставил на столе почти полную пачку сигарет, и взял ее, чтобы через старших ребят передать тому

раненому командиру, что жил в лесу. Не знал он, что немцы — народ очень экономный, чтобы не сказать — скупой. Обнаружив пропажу, офицер перерыл всю комнату, а потом набросился на мальчугана. Впрочем, тут уже свою роль сыграла не только жадность — немец видел, что деревенские дети не курят, а значит, сигареты украдены для кого-то. Мальчика стали жестоко избивать, и он, не выдержав страшных истязаний, назвал несколько имен своих товарищей... Кому-то из ребят удалось скрыться, но большинство из них были арестованы.

Юных подпольщиков пытали три дня. В ночь на 7 ноября 1942 года — того дня, когда в нашей стране отмечали 25-ю годовщину Октябрьской революции, немцы согнали сельчан, приказав им вырыть в мерзлой земле за околицей глубокую яму. Потом, на глазах у их родных, к этой яме привезли ребят — все они были избиты и окровавлены, босые, в лохмотьях. Их было двенадцать человек — Аксен Тимонин и его боевые товарищи. Немецкие солдаты сбрасывали этих мальчишек из кузова, как мерзлые дрова, и они падали на землю, поднимались и стояли, еле держась на ногах, но помогая друг другу. Никто из них не плакал, и трусов среди них не было...

Наверное, они сделали совсем немного: на счету это партизанского отряда нет ни взорванных поездов, ни уничтоженных складов с боеприпасами, ни дерзких нападений на фашистские гарнизоны. Но все-таки то, что смогли совершить эти мальчишки, называется подвигом — ведь они не испугались, не сдались, не покорились врагу. Они честно делали то, что могли, что было им под силу — и враг их боялся. Здоровенные, вооруженные гитлеровские вояки

боялись силы духа этих ребят, их несгибаемой воли, их верности своей Родине.

Враги понимали, что страна, в которой живут такие мальчиши, — непобедима, что покорить ее невозможно, как бы они ни старались. Мальчишки были расстреляны как плененные, но не сдавшиеся солдаты. И как солдаты они встретили смерть честно и мужественно, не прося у врагов снисхождения и пощады.

СЫН ЗА ОТЦА...

(МИША РОМАНОВ)

О жизни Миши Романова известно мало: сын донского казака, он родился и вырос на одном из хуторов Котельниковского района Волгоградской области, где жил с родителями и младшей сестренкой. Летом 1942 года, когда гитлеровские войска прорывались через донские степи к Сталинграду, отец, взяв с собой Мишу — мальчику было 12 или 13 лет, ушел в партизаны. Жена и маленькая дочка оставались дома, присматривать за хозяйством. Что им было делать в партизанском отряде? Пусть уж живут тут, никому не мешая.

Однако когда через несколько дней — уже после того как советские войска отступили и началась гитлеровская оккупация — Мишин папа тайком пришел на родной хутор, он увидел там только печную трубу и остатки сгоревших стен. Ни живности, что была в хозяйстве, ни людей, что самое страшное, не было. Вот и гадай: то ли немцы угнали их в неволю, то ли просто убили?

Вернулся старший Романов в свой отряд с почерневшим от горя лицом, и гитлеровцам теперь

пощады от него не было — безжалостно разил их пулеметчик меткими очередями. А Миша, которого боевые товарищи прозвали Дубок — был он парнишка невысокий, но крепкий, как говорится, кряжистый, — старался помогать отцу, чем мог. В бою он исполнял обязанности второго номера пулеметного расчета — подавал патроны, готовил огневую позицию.

Да только недолго сражался этот партизанский отряд: ведь если где-нибудь на Брянщине у партизан была своя крепость — дремучий лес, в котором всегда можно было найти укрытие, то в донских степях партизанам приходилось гораздо круче. Главным оружием для них были скорость и маневренность: совершили диверсию, напали на врага — и уходи скорее и дальше по балкам и оврагам...

Но так получилось — было это в ноябре 1942 года, — что каратели смогли «сесть на хвост» отряду и долго его преследовали. Когда партизаны поняли, что оторваться от противника не удастся, они остановились и, быстро вырыв окопы в мягком черноземе, подготовились к обороне.

Два раза гитлеровцы безуспешно атаковали партизан. Метким пулеметным огнем поражал их Мишин папа, точно стреляли из винтовок его боевые товарищи. Гитлеровцы, неся потери, вынуждены были отступить и довольно далеко — степь-то была голая, хорошо все видеть, каждый как на ладони. Но немцы не уходили: они видели, что партизанский отряд небольшой, вооружены партизаны слабо, а потому долго сопротивляться не смогут.

И вскоре, стреляя из автоматов, гитлеровцы устремились в третью атаку.

Огонь был плотный и очень сильный. Уткнулся лицом в землю один партизан, уронив винтовку, стал сползать на дно окопа другой...

— Товарищи... — хотел что-то сказать командир отряда и осекся, опрокинулся назад.

А пулемет все бил и бил, и немцы остановились, залегли, стали отползать, но еще больше усилили свой огонь, целясь в пулемет и пулеметчика. Пули свистели со всех сторон, но Миша, не чувствуя страха — в бою надо не думать об опасности, а делать свое дело, — подавал отцу снаряженные патронами диски.

Потом вдруг отец охнул и упал лицом на пулемет. Мальчик подскочил, посмотрел на его лицо и увидел пулевое ранение. Отец был убит.

Миша высвободил пулемет из-под вмиг потяжелевшего отцовского тела и сам начал стрелять по врагу. Несколько очередей, но тут вместо выстрела раздался щелчок, обозначивший, что в диске кончились патроны. Мальчик знал, что этот диск был последним и весь запас патронов израсходован.

Он оглянулся, увидел своих товарищей, лежавших без движения, и понял, что из всего их небольшого отряда в живых остался только он один. Того, что вокруг давно уже не стреляли, он в горячке боя даже и не заметил.

Потом наступила тишина. Гитлеровцы, видя, что партизаны прекратили огонь, тоже перестали стрелять, прислушиваясь и присматриваясь к окопам, от которых они отошли довольно-таки далеко. Потом немецкие солдаты стали осторожно подбираться к партизанскому опорному пункту. Никаких движений там уже не было, и гитлеровцы осмелели. Солдаты поднялись, пошли во весь рост, не таясь.

Их было не меньше роты — то есть сотни человек, а может, и больше.

Когда же они подошли почти вплотную, из окопа поднялся невысокий, коренастый мальчишка, который смотрел на них спокойными, ясными глазами. В его взгляде не было ни страха, ни сомнения. Может быть, какое-то любопытство. Мол, чего дальше будет? Увидев этого мальчика, немцы даже остолбенели от удивления. Потом раздался смех, какие-то выкрики — гитлеровцам почему-то показалось забавным, что у них был такой «грозный» противник.

Миша посмотрел на погибшего отца.

— Прощай, папка! — сказал он дрогнувшим голосом.

На бруствере перед ним лежали две связки гранат, приготовленные на случай появления немецких танков. Размахнувшись, Дубок метнул их одну за другой в самую толпу подходивших гитлеровцев. Парнишка он был крепкий, и гранаты точно долетели до цели. Грохнули два взрыва, добавив еще несколько уничтоженных вражеских солдат на боевой счет погибшего партизанского отряда.

Автоматные очереди оборвали жизнь юного героя Миши Романова...

Жили два друга-товарища...

(Витя ХОМЕНКО, Шура КОБЕР)

Витя Хоменко и Шура Кобер жили в городе Николаеве и было обоим по 15 лет. По характеру они были очень разные: Витя — подвижный, энергичный и любознательный, любил математику и немецкий язык, увлекался спортом, в особенно-

сти плаванием, мечтал стать моряком; Шура был круглым отличником, мальчиком дисциплинированным и рассудительным, очень любил читать и играл на скрипке.

Они встретились в начале 1942 года на конспиративной квартире Николаевского подпольного центра — организации, которая вела борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Как оказалось, оба были здесь связными и разведчиками — только до этого не встречались, уж таковы правила конспирации.

Вите, который хорошо владел немецким языком, было поручено устроиться в офицерскую столовую, которая называлась «Ost» — «Восток». Здесь он мыл посуду, убирал со столов в зале, нередко помогал официанткам, а при этом, ничем не показывая своей заинтересованности и понимания, внимательно слушал разговоры, которые вели немцы за обедом и ужином. Русский мальчик-посудомойка для них просто не существовал, и офицеры обсуждали в его присутствии даже самые секретные вопросы. Ну а Витя каждый вечер пересказывал все услышанное подпольщикам.

Однако вскоре немцы сумели оценить его услужливость, внимательность, сообразительность, ловкость и быстроту. Он всегда замечал, когда надо убрать посуду, достаточно хорошо понимал язык жестов — так казалось немцам, не знавшим, что он понимает слова, а потому сначала Вите стали давать какие-то поручения — куда-то сходить, что-то принести, а потом вообще сделали его посыльным при штабе.

Как-то раз, придя на явочную квартиру, Витя достал из кожаной сумки пакет и протянул его подпольщикам.

— Срочно посмотрите, — сказал он, с трудом переводя дыхание — очевидно, бежал всю дорогу, вот и запыхался.

— Что это?

— Гитлеровский пакет. Мне его сейчас дальше нести надо.

Пакет аккуратно вскрыли, а потом тщательно заклеили. В нем оказались очень важные сведения.

Когда Витя вскоре принес этот пакет в немецкий штаб, конверт осмотрели, но ничего не заметили. С тех пор мальчик, получая пакеты, бежал сперва на явку, а уже потом продолжал свой путь по назначению. На этот «крюк» уходили считанные минуты, и никто ни о чем не догадывался...

Задача у Шуры была иного плана — он визуально, то есть зрительно, разведывал расположение военных объектов в Николаеве, следил за передвижением немецких подразделений. Для этого нужно было много ходить по городу, часами сидеть в засаде, наблюдая за штабом или комендатурой. К тому же Шура поддерживал связь с другими подпольными группами...

Если бы немцы узнали, чем занимаются эти ребята — им обоим в равной степени грозила бы смертная казнь.

Работа подпольной организации всегда имеет немало сложностей. Обычно главной из них становится задача поддержания связи с Центром — руководством. Во время Великой Отечественной войны в Москве, при Ставке Верховного главнокомандования, действовал Центральный штаб партизанского движения, который и руководил всеми партизанами и подпольщиками на временно занятой противником территории. В большинстве случаев связь с ним поддерживалась по радио. Но

получилось так, что к весне 1942 года радиопередатчик николаевской организации вышел из строя, и починить его оказалось невозможно. Между тем срочно требовались взрывчатка, оружие и боеприпасы, а также техника для печатания листовок. К тому же Центр должен был давать отряду боевые задания — но как их передать?

Для восстановления связи было решено отправить через линию фронта кого-либо из бойцов подпольной организации. Выбор пал на Витю Хоменко и Шуру Кобера, которым было гораздо проще пройти по занятой врагом территории, нежели взрослым мужчинам — ведь мало кто мог заподозрить в беспризорных мальчишках партизанских разведчиков. Война наплодила немало сирот и малолетних бродяжек, так что этот вариант представлялся наиболее надежным.

— Не боитесь? — спросил руководитель подпольной организации, объяснив задание. — Вам надо будет пройти — а если повезет, то частично проехать, — больше тысячи километров, суметь перейти через линию фронта. Справитесь?

Оба мальчика уверенно и дружно сказали, что о таком серьезном задании они мечтают давно и выполнят его самым лучшим образом.

Через пару дней Витя и Шура, одетые в залатанные куртки и старые брюки, взвалив за спину вещевые мешки с какой-то одеждой — по «легенде», родители послали их в село менять вещи на продукты, — отправились в путь. У каждого в руке был дорожный посох — хорошая палка, с которой и идти легче, и собак ею отогнать можно было, и брод в реке прощупать, в общем, неотъемлемый атрибут всякого настоящего путешественника. Но только одна из этих палок являлась искусно сделанным

тайником, в котором спрятали документы для Центрального штаба партизанского движения: отчет о действиях подпольщиков, адреса конспиративных квартир и прочее.

Какую-то часть пути удалось проехать на крестьянских подводах и даже в немецких эшелонах — на тормозных площадках вагонов, где не замечала их охрана, но в основном ребята шли пешком. Линия фронта проходила по какой-то реке, которую Витя и Шура переплыли ночью в рыбацкой лодке. Когда же немцы их заметили и начали стрелять, мальчишки бросились в воду и добрались до берега вплавь. Встретившие их бойцы отвели юных подпольщиков к командиру, который, выслушав их рассказ, распорядился накормить героев и отвезти на аэродром. Утром Витю и Шуру отправили самолетом в Москву.

То время, что ребята пробыли в столице, промелькнуло для них как удивительный сон. Они не только подробно отчитались о боевой деятельности отряда и обо всем, увиденном на своем долгом пути, но и прошли краткосрочные курсы разведчиков: изучали радиодело, минно-взрывную подготовку, занимались немецким языком и стрельбой из боевого оружия. Они даже несколько раз прыгнули с парашютом, чем были несказанно горды. А еще ребята первый раз в жизни увидели Москву, посмотрели самые знаменитые и красивые ее места — для этого их даже повозили по городу на машине.

— Расскажите своим товарищам, как живет Москва, обо всем, что вы здесь видели, — напутствовал ребят на прощание генерал из Центрального штаба партизанского движения. — Никаким фашистам нас не победить! Правильно?

— Так точно! — ответили мальчишки по-военному.

— И еще передайте вашим героическим товарищам, что мы их помним и всегда им поможем.

Что именно так и будет, Витя и Шура не сомневались.

В ночь на 9 октября 1942 года оба они, а также радистка Лида Бридкина приземлились на парашютах неподалеку от села Себино — до Николаева отсюда было несколько десятков километров пути. Одновременно с самолета были сброшены контейнеры с грузом: боеприпасами и оружием, медикаментами, радиопередатчиком, аппаратом для печатания листовок, литературой.

Витя Хоменко предложил своим товарищам разыскать и замаскировать груз, а сам отправился в Николаев — сообщить руководству организации об их возвращении. Чтобы добраться скорее, он решил рискнуть — вышел на дорогу и стал махать рукой приближавшейся немецкой машине. Когда та остановилась, Витя по-немецки попросил подвезти его до Николаева, где его ждет больная мать.

— Садись! — запросто сказали немцы, и буквально через полчаса мальчик был в городе.

Здесь он, разумеется, поспешил не к маме, а на конспиративную квартиру. Вскоре уже все доставленное из Москвы было передано подпольщикам.

Боевая биография Вити Хоменко и Шуры Кобера оказалась очень короткой. Ведь чем активнее действуют подпольщики, тем больше усилий для их обнаружения прикладывает противник. Вот и в Николаевский подпольный центр оказался внедрен немецкий агент, который сообщил в гестапо — тайную полицию — обо всех известных

ему подпольщиках. Все эти люди были арестованы, допрошены и подвергнуты пыткам, которые продолжались десять дней. Однако ничего нового для себя гитлеровцы не узнали...

5 декабря 1942 года на Базарной площади в Николаеве были казнены Витя Хоменко, Шура Кобер и восемь взрослых подпольщиков. Как обычно, немцы для устрашения местных жителей оставили повешенных висеть в петлях. И чтобы их не сняли, наблюдал специальный пост. Но каковы же были удивление и даже страх гитлеровцев, когда поутру они увидели на эшафоте большой букет поздних осенних цветов и листовку, на которой было написано крупными буквами: «Слава юным героям!».

Это означало, что борьба против оккупантов продолжается и на места Вити и Шуры встали в боевой строй другие юные бойцы.

Листовки к обеду (Люся ГЕРАСИМЕНКО)

Люся Герасименко жила в Минске, столице Белоруссии. Когда началась война, семья Герасименко должна была эвакуироваться, но не успела — не прошло и недели, как в Минск уже вошли немецкие войска. Тогда Люсин папа, Николай Евстафьевич, возглавил одну из действующих в городе подпольных групп.

Спротивление фашистам в оккупированном Минске, как и на всей территории Белоруссии, нарастало день ото дня: партизаны нападали на гарнизоны и склады, взрывали мосты и железные дороги, освобождали из концлагерей советских

военнопленных. Подпольщики организовывали диверсии на фабриках и заводах, работавших для немецкой армии, уничтожали гитлеровских чиновников, офицеров и генералов. В конце концов, минским подпольщикам удалось уничтожить даже самого гауляйтера, гитлеровского правителя Белоруссии Вильгельма фон Кубе. Можно понять, как почувствовали тогда себя разного рода предатели, ощутившие неизбежность обещанной расплаты. Конечно, на все успехи подпольщиков и партизан гитлеровцы отвечали ожесточенными репрессиями.

Для обеспечения безопасности своей группы Николаю Евстафьевичу пришлось привлечь и дочку Люсю, которая в нужное время играла во дворе, а сама внимательно наблюдала за всеми проходящими и проходящими. Когда люди называли ей пароль — говорили условленную, совсем безобидную фразу, — она сообщала им, как пройти в ту квартиру, где их ждут; когда же появлялись гитлеровцы или полицаи, начинала мурлыкать незатейливую песенку, по мотиву которой подпольщики сразу понимали, кто вошел во двор и куда направляется. Такие были недетские «игры», в которых на равных участвовала и маленькая, но отважная и сообразительная девочка Люся.

Выполняя поручения отца, девочка относила по указанным адресам листовки и медикаменты, а порой — пистолеты, патроны и взрывчатку. Понятно, что не от хорошей жизни, как говорится, вынужден был Николай Евстафьевич подвергать свою дочку смертельной опасности, но подпольщики знали, что гитлеровцы и полицаи обычно не обращают на детей внимания: конечно, не по причине своей сердобольности, просто слишком уж много броди-

ло их по улицам, выпрашивая подаяние. Зато всех взрослых они подвергали строжайшему досмотру. Поэтому даже расклеивать листовки на столбах и заборах подпольщики нередко поручали своим юным помощникам, в том числе и Люсе. Хотя, повторим еще раз, и это было смертельно опасно: гитлеровцы могли казнить не только взрослого, но и ребенка, что случилось неоднократно.

Николай Евстафьевич, который раньше был немаленьким начальником, теперь превратился в простого рабочего. Не работать было нельзя — сразу попадешь под подозрение оккупационных властей, а в рабочем коллективе ему было проще искать сторонников, привлекать людей к борьбе против гитлеровцев. Ведь многие хотели бороться с врагом, но не знали, как это сделать, к кому обратиться, чтоб связаться с народными мстителями. Не станешь же спрашивать у каждого встречного: «Вы случайно не из подпольной организации?»

Чтобы организовать людей на борьбу, подпольщики приносили на завод листовки, в которых рассказывалось о победах Красной армии над гитлеровцами на фронтах, а жителей оккупированных территорий призывали к борьбе с захватчиками. Подпольщики видели, кто и как читал эти сообщения, как реагировал — и тогда к нужным людям находили подход, приглашали их принять участие в борьбе. Но были и такие рабочие, кто поспешил передать найденные листовки гитлеровцам. Ну а немцы сразу стали проверять всех, кто шел на завод.

Задумался Николай Евстафьевич: что делать? Рассказал об этой проблеме жене и дочери.

— Я тебе завтра принесу листовки! — вдруг сказала Люся.

И точно — принесла, без всяких проблем. Она, как и многие дети рабочих, каждый день носила отцу из дома обед — суп и кашу в двух кастрюльках. Теперь, когда усилился контроль на входе, полицаи стали обыскивать и детей, заставляя их выворачивать карманы, и даже заглядывали к ним в кастрюльки. Но никто не мог додуматься, что каша только закрывает тонким слоем листовки. Такова была Люсина идея. А в результате листовки на завод поступали бесперебойно, вопреки всем ухищрениям немцев и их прислужников.

Николай Евстафьевич шутил:

— Молодец Люся, весь завод кормит!

Беда пришла в конце декабря 1942 года. Ночью в квартире Герасименко раздался сильный стук в дверь. Обычно так стучала полиция.

— Где хозяин? — спросил первый из стоявших на пороге немцев.

— В деревню поехал, к родственникам, за продуктами, — отвечала Татьяна Даниловна, Люсина мать.

Николай Евстафьевич тогда действительно был в отсутствии — уехал по каким-то делам своей организации.

Незванные гости всей толпой вошли в квартиру, начали обыск. Буквально сразу они обнаружили радиоприемник и пишущую машинку — по радио подпольщики слушали известия из Москвы, а затем на этой машинке печатали листовки с информацией о положении на фронтах.

— Собирайся, быстро! — приказал офицер. — И девчонку с собой возьми, — добавил он, видя, что Люся неподвижно сидела на кровати, закутавшись в одеяло.

Их бросили в переполненную камеру местной тюрьмы и каждый день водили на допрос, где не столько спрашивали, сколько избивали. Но даже из немногих вопросов следователя Татьяна Даниловна поняла, что их выдал предатель, и гитлеровцы обо всем достаточно хорошо осведомлены. Однако она продолжала настаивать на своем: мол, муж в деревне у родственников, дочка ничего не знает, приемник и пишущая машинка остались с довоенного времени, про приказ немецкой администрации сдавать все подобное она ничего не знала...

Люся тоже, несмотря на побои и тот страх, который испытывает каждый нормальный человек в тюремной камере, не признавалась ни в чем. Да, она носила отцу на завод обед, но ни про какие листовки слухом ни слыхивала; да, к ним в дом приходили многие — так это все ее друзья, с кем она в школе училась и во дворе играет; да, во дворе она играет часто, и все ребята там тоже играют, но никого чужого она там не видела... Даже потом, через несколько дней, когда от постоянных избиений, голода и бессонницы — в камере было столько народу, что спать практически было негде, — девочка впала в полубессознательное состояние, она шептала разбитыми губами:

— Да, ко мне приходили мои друзья... Катя... Таня... Света... мы играли...

И ни одного лишнего слова — того слова, что, как обещали гитлеровцы, могло сохранить ей жизнь. Так ничего и не добившись, гитлеровцы казнили Татьяну Даниловну и ее дочь — юную героиню Люсю Герасименко.

Партизанская связная (Галя КОМЛЕВА)

Когда началась война, и наши войска были вынуждены отступать под натиском гитлеровских захватчиков, это не было паническим бегством. При отступлении с территорий, которые должны были быть отданы врагу, вывозили продовольствие и материальные ценности, промышленное оборудование; то, что не могли вывезти, старались уничтожить. С насиженных мест поднимались и уезжали в эвакуацию многие тысячи советских людей. Тем временем готовилась и «встреча» врагу: уничтожались мосты и линии связи, чтобы остановить или затруднить продвижение неприятельских войск, минировались те здания, которые могли быть использованы противником в качестве штабов и казарм.

На оккупированной территории готовилось организованное сопротивление, поэтому в тылу врага сразу начали действовать партизанские отряды и подпольные организации, костяк которых составляли военнотружущие или сотружники НКВД — чекисты и милиционеры, а также партийные и комсомольские активисты, беззаветно преданные своей Родине патриоты.

В числе таких людей была и Анна Семенова — пионервожатая средней школы поселка Тарновичи, что в Лужском районе, на юге Ленинградской области. Было это в конце лета 1941 года, когда фашисты приближались к Ленинграду.

Свою тайну Анна могла открыть только тем, кого хорошо знала, в ком была абсолютно уверена. Для организации связи подпольщиков с действовавшим в районе партизанским отрядом она подобрала

самых надежных из пионеров своей школы — и первой, на ком она остановила свой выбор, стала Галя Комлева. Девочка была очень толковая: она закончила шестой класс, и в очередной, шестой, раз была награждена очень интересной книжкой с надписью: «За отличную учебу» и подписью директора школы. Галя гордилась такой своей библиотекой и мечтала, что к окончанию школы подаренных книжек у нее будет десять. А еще она была очень любознательной, веселой и, главное, смелой, так что пионервожатая была уверена в ней, как в себе самой, и очень ей доверяла.

Тайком, чтобы никто не видел и ничего об этом не знал, юная связная уходила в лес, где в условленном месте, далеко от поселка, ее дожидался партизанский связной. Галя передавала ему пакет с донесениями подпольщиков, а от него получала партизанские задания. Она носила в лес и продукты, в основном хлеб и картошку, которые раздобыть на оккупированной гитлеровцами территории было совсем не просто: фашисты подчистую выгребали продовольствие, старались вывезти в Германию все, что возможно.

Однажды, когда Галя пришла на условленное место встречи, посыльного из отряда там не оказалось. Что делать? При ней — важные документы, да и принесенная провизия будет для партизан не лишней. Девочка решила добраться до отряда самостоятельно, хотя и не знала точно, где он находится. Но Галя пошла, ориентируясь на старые, занесенные снегом следы посыльного, и после долгих блужданий выбралась-таки к партизанским «секретам» — передовым постам на дальних подходах к лесному лагерю. Очень замерзшая, смертельно усталая, она передала командиру отряда документы, взяла у него

новое задание подпольщикам, чуть-чуть погрелась в землянке и отправилась назад. Задерживаться в лагере было нельзя: долгое отсутствие девочки в поселке могло привлечь чье-нибудь нежелательное внимание.

Партизанская связная Галя Комлева выполняла очень важные задания, но ей все время хотелось чего-то большего, более активной деятельности. Вот почему со своей старшей подругой Тасей Яковлевой она стала писать листовки, в которых сообщала те сведения о победах Красной армии, которые получала от партизан, и призывала своих земляков бороться с немецко-фашистскими захватчиками. По ночам девушки разбрасывали эти листовки по поселку. Если бы Анна Семенова узнала про такую инициативу, она бы строго-настрого запретила, но Гале и Тасе очень хотелось нанести врагу максимальный вред, сделать все, что они могут.

Гитлеровцы скоро узнали о появлении этих прокламаций, а обнаружить в небольшом поселке людей, их распространяющих, не составило большого труда, и немцы выследили и схватили юную подпольщицу. Два месяца девочку держали в гестапо, допрашивали изо дня в день. К вечеру, жестоко избив, ее бросали на пол камеры, а утром чуть свет снова выводили на допрос. Гестаповцы требовали, чтобы Галя Комлева рассказала о своих связях с партизанами, о существовании в Тарновичах подпольной организации, но юная героиня каждый раз утверждала, что она ничего не знает.

— Да, — говорила она гестаповцам, с трудом шевеля разбитыми губами, — я писала листовки... Люди на базаре рассказывали, что ваших окружили под Сталинградом, я про то и писала... Людей этих я не знаю, какие-то незнакомые, никогда их больше

не видела. А про Сталинград все теперь говорят, все знают...

Так ничего фашисты от нее и не добились. В конце концов, они решили, что бесполезно тратить время на упорную девчонку — то ли она действительно ничего не знает, то ли все равно ничего не расскажет. 20 февраля 1943 года Галя Комлева была казнена.

Посмертно ее наградили орденом Отечественной войны 1-й степени.

Подвиг младшего сына (Спиридон ГНАТЮК)

Ко всему прочему война — это еще и великое переселение мирных граждан. Одни оставляют родные места перед угрозой нашествия, другие лишаются крова и ищут пристанище, третьих переселяют насильно. По разному складываются человеческие судьбы...

Крестьянская семья Гнатюков — отец с тремя сыновьями — жила на Западной Украине, неподалеку от границы, так что грохот боев они слышали в первый же день войны. А на второй ее день погиб старший из трех братьев, Михаил. Он был с мужиками на покосе, когда немцы выбросили парашютный десант, который и расстрелял их всех — так, на всякий случай, чтобы сопротивляться не пытались. Вот и решил отец бежать от войны. Побросал на телегу необходимый скарб, а двое сыновей пошли рядом — но разве от войны убежишь? На телеге танк не обгонишь... Так что вскоре Гнатюки были уже на оккупированной территории, в глубоком немецком тылу, и поняли, что дальше двигаться на

восток не имеет смысла. Поэтому, встретив на пути, близ местечка Торчин, пустующий разграбленный хутор, они там и обосновались.

Вскоре младший из братьев, 13-летний Спиридон, подрядился пасти скот у кого-то из местных богачей. Гитлеровские оккупанты были щедры к своим прислужникам, раздавая им колхозное добро, а те, боясь потерять свое нечаянное богатство, угождали немцам, чем могли. Но большинству людей, оказавшихся на временно оккупированных землях, такая жизнь была не по нраву.

Вот и Спиридону было очень досадно, что он из школьника превратился в пастуха, бесправного батрака и вряд ли мог теперь стать кем-то иным — хозяин говорил, что гитлеровцы пришли на Украину навсегда. Но как-то вечером, не то почувствовав, не то угадав настроение мальчика, к нему подошел сосед. О чем-то спросил, разговорились... Мальчик пожаловался, что работает с утра до ночи, а платят за это гроши и кормят так, что можно ноги протянуть. Если что не так — хозяин и избить может.

— Ну а ты что? — спросил вдруг сосед. — Дальше терпеть будешь?

— А что я могу? За хозяином немец стоит, а немец — он сила! Вон, брата моего Михайлу немцы убили, хотя парень здоровый был... У немцев — автоматы. Чего ты против автомата сделаешь?

— У нас тоже автоматы есть, — вдруг сказал сосед.

— У кого это, у вас? — недоверчиво спросил Спиридон.

— У партизан...

— Дяденька, вы меня к себе возьмете? — мальчик умоляюще сложил руки на груди.

— А зачем я все это тебе говорю, как ты думаешь? — усмехнулся собеседник. Это был Павел Осипович Каспрук, руководитель местного подполья.

Вскоре, в октябре, Спиридон получил ответственное задание: передать пакет на базу партизанского отряда, которая находилась в полусотне километров от Торчина. Дорога оказалась долгой и трудной: шел лесом, по разбухшим от дождей тропинкам, под видом нищего сироты-бродяжки пробирался через населенные пункты. Один раз даже попался полицаям — те долго допрашивали мальчишку, сопровождая вопросы подзатыльниками и зуботычинами, но, не заметив ничего подозрительного в его рассказах, отпустили. К Павлу Осиповичу Спиридон пришел смертельно уставший, исхудавший, но глаза его светились счастьем: задание было выполнено.

Очевидно, Спиридон Гнатюк приглянулся в отряде, потому как месяца через два его туда и зачислили — курьером и разведчиком.

«Легенду» ему придумали самую простую: рабботник с одного из хуторов, он на телеге возил на рынок в город Луцк продукты — то пшеницу, то сало... Дорога проходила через железнодорожный переезд, на котором стоял немецкий пост. Спиридон, как научили его в отряде, быстро вошел к немцам в доверие, благо караул там был всегда один и тот же — по пути он обязательно отдавал часовым что-нибудь съестное, а потому немцы его телегу пропускали беспрепятственно, хотя по инструкции должны были осматривать.

И ведь не дай Бог, если бы осмотрели! Юный курьер осуществлял связь луцких подпольщиков с партизанами, так что под сеном, на котором он

сидел с кажущейся беззаботностью, лежали то мины, которыми потом партизаны взрывали железнодорожные пути, то оружие, то боеприпасы. Даже старенький картуз, который постоянно носил парнишка, и тот был с секретом: в него под подкладку зашивалась партизанская почта... Однако «прикормленные» немцы ничего не замечали, встречая Спиридона как старого приятеля.

Правда, однажды он чуть было не погорел. Возвращался откуда-то издалека и по дороге, пока усталый конь отдыхал, разговорился с какой-то старушкой. Мол, чего это ты, бабуся, свою козу у обочины пасешь, а не на том лугу, что неподалеку? Там-то трава нетоптаная, высокая, свежая...

— Нельзя туда, милоч, — отвечала старуха. — Снарядов в траве лежит видимо-невидимо... Чтоб эти немцы на них все и подорвались!

— Хорошая идея, бабушка! — пробормотал паренек и поехал дальше.

Когда старушка скрылась из виду, Спиридон остановил лошадь и, озираясь, пошел на луг. Действительно, в траве лежали артиллерийские снаряды, уже тронутые ржавчиной — видно, остались от боев. Но порох и взрывчатка в них были целыми, а потому партизанские умельцы запросто могли превратить их в мины. Парнишка брал по два снаряда и тащил к телеге... Вроде и много уже набрал, а оставлять жалко было — вот грузил и грузил, да так, что потом лошадь еле воз потянула. Конечно, свои «трофеи» юный партизан прикрыл травой, которую в большом количестве нарвал тут же на лугу.

И вдруг у переезда немецкий часовой подозрительно посмотрел на взмыленного коня.

— Стой! Что везешь?

— Картошку, — ответил мальчик, протягивая часовому несколько крупных картофелин. — Сейчас, сейчас, дяденька, еще дам!

Так как картошка у часовых особого интереса не вызвала, мальчика пропустили, порекомендовав в следующий раз везти столько же сала.

Партизаны вели борьбу с захватчиками, однако и гитлеровцы сложа рук не сидели. Для борьбы с народными мстителями они искали тайных агентов, охотно пользовались услугами предателей.

В один из дней начала лета 1943 года в отряд пришло сообщение, что луцкие подпольщики собираются освободить из концлагеря группу военнопленных и просят прислать связного, чтобы отвести их в партизанский отряд.

— Что-то тут не так, — сказал командир. — Две недели назад они уже на лагерь нападали, немцы теперь напуганы, охрана усилена. Нужно бы подождать, пока они успокоятся...

— А вдруг все так и есть? — спросил Спиридон, который как раз пришел в штаб отряда. — Хоть немцы охрану усилили, но это так, для порядку — ведь знают, что второй раз подряд вряд ли кто нападет. И тут — раз, на тебе! Товарищ командир, разрешите я на место встречи пойду? Посмотрю аккуратненько. Представляете, если наших действительно освободят — а их никто не ждет?!

Логика в этих рассуждениях была, и командир разрешил Спиридону отправиться в разведку.

В условленное время парнишка вышел на место встречи — туда, где шоссейная дорога раздваивалась, расходясь на Львов и Владимир-Волынский. Никого. Предчувствие кольнуло сердце — что-то не так... Конечно, на саму развилку он не выходил, наблюдая за дорогой из-за кустов, и хотел уже ис-

чезнуть так же незаметно, как появился, но оказалось, что его видят.

— Halt!¹ — раздалась резкая команда.

Спиридон увидел нескольких немецких солдат, нацеливших на него автоматы. Бежать — не убежишь. Да и зачем?

— Дяденька, я пастух... — запричитал он, стараясь придать голосу как можно больше испуга. — Корову ищу!

Но гитлеровцы явно что-то знали. Мальчишку, одетого в драную одежонку — сколько раз этот вид выручал его из беды! — затолкали в кузов автомобиля и повезли в ближайший населенный пункт. Там его уже ждал немецкий следователь, который хорошо говорил по-русски:

— Расскажи, мальчик, где партизаны? Кто командир? Какое задание ты от него получил?

— Пастух я... Корова потерялась... Никаких партизан не знаю! — упрямо повторял он, поднимаясь с пола после ударов и вытирая с лица кровь.

В один из дней в комнату, где проходил допрос, вдруг завели его отца и брата Александра. Значит, предатель знал имя юного героя, знал и то, где найти его родных.

— Ну, что теперь скажете? — потирая руки, спросил следователь.

Все трое, мельком взглянув друг на друга, словно бы не узнавая, стали смотреть на немца, как бы спрашивая, что такого неожиданного он им заявит.

Тогда по приказу следователя солдаты стали сначала избивать Спиридона, потом — его отца, потом — брата...

¹ Стой! (нем.)

— Теперь вы узнаете друг друга? — кричал следователь, но все было бесполезно.

25 июня 1943 года юного разведчика расстреляли на берегу реки Стырь — на глазах у его отца и брата.

Очевидно, им была уготована такая же участь, но подпольщики помогли бежать. До самого прихода Красной армии отец и сын Гнатюки сражались в рядах партизанского отряда, беспощадно мстя гитлеровцам за Михаила и Спиридона, за всех людей, погибших от рук врага.

Разведчица Нина (НИНА КУКОВЕРОВА)

Летом 1941 года Александра Степановна Куковерова отправила свою старшую дочь, четырнадцатилетнюю Нину, и ее младших братишку и сестренку к бабушке на Псковщину, в деревню Нечеперьть. Отдохнуть от пыльного каменного Ленинграда, дымящего десятками фабричных труб, на чистый воздух, на речку, в леса и поля — к ягодам, яблокам и парному молоку.

Но началась война, и уже в июле гитлеровцы оккупировали Псковскую область. Чтобы не оставаться в занятой фашистами деревне, откуда вполне можно было попасть в гитлеровский лагерь или быть угнанной на работы в Германию, девочка из Ленинграда ушла в партизанский отряд. Нина стала разведчицей. Изображая из себя нищенку, она, закутанная в тряпье, с грязным, вечно опущенным вниз лицом, сгорбившись, бесстрашно проходила по занятым гитлеровцами деревням, все примечая и запоминая. Она отмечала, в каком из домов был

расположен немецкий штаб и как его охраняют, считала, сколько машин и в какое время прибывает на склад горючего, смотрела, каким путем они туда подъезжают... Обо всем этом девочка потом докладывала начальнику разведки отряда, а партизаны учитывали эти сведения при разработке боевых операций.

Наиболее ответственным и опасным из выполненных Ниной заданий стала разведка расположения карательного отряда в деревне Горы. Каратели — это те, кто был специально обучен для борьбы с партизанами и уничтожения мирных жителей. Люди эти — или нелюди? — были особенно жестокие и безжалостные. Ведь одно дело, когда солдат воюет на передовой, против таких же, в общем-то, как он, вооруженных солдат противника. Там получается — кто кого, кто сильнее, смелее, подготовленнее и, в конце концов, хитрее. Совсем иное дело — каратель. Его задача — наказать и запугать, а потому его противником оказываются безоружные люди, вся вина которых состоит лишь в том, что они принадлежат к другой национальности и живут на чужой для карателя земле.

Понимая, что у народных мстителей к ним накопились свои особые счеты, что их ненавидят все и каждый, каратели тщательно себя охраняли. Деревню, в которой был расположен отряд, окружали многочисленные посты и «секреты», по улицам ходили патрули. К тому же у этих людей вырабатывалось буквально звериное чутье на опасность, и партизана они распознавали сразу.

И все равно бойцы отряда, в котором была Нина, задумали нападение на вражеский гарнизон. Но понятно, что без разведки проводить такую операцию нельзя — успеха не достигнешь, только людей

зря положишь и еще более насторожишь и без того внимательного противника. А как разведать? К такому «осиному гнезду» даже самым опытным разведчикам было не подобраться...

— Товарищ командир, — предложила Нина. — Разрешите мне!

— Опасно, Ниночка.

— Ну, дяденька, ну, пожалуйста, Христом Богом прошу... Ну немножечко... — вдруг протянув руку и сторбившись, заныла девочка жалобным тоном нищенки. — И никто меня, горемычную, не признает... Если подзатыльник дадут — стерплю, не впервой. Ну а потом, — тут Нина заговорила совсем иным голосом, в котором зазвенел металл, — я с ними, гадами, за каждый их подзатыльник рассчитаюсь!

— Ладно, что с тобой, такой героиней, делать? — усмехнулся командир. — Иди. Сама понимаешь, будь осторожна. Как только сможешь...

Был холодный зимний день, такой, когда часовые стараются одеться как можно теплее и предпочитают прятаться от пронизывающего стилого ветра в каких-нибудь закутках. Путь до Гор был неблизкий — километров пятнадцать пришлось идти Нине по лесу, через заснеженные поля. В своей худой нищенской одежонке девочка вся продрогла, ее колотил озноб. Наконец, она добралась до деревни. Гитлеровцы брезгливо смотрели на худую, сторбленную нищенку, сжимавшую свою торбу посиневшими от холода пальцами, и жестами показывали ей, чтобы быстрее уходила прочь.

Походив по деревне и получив в виде подаяние пару кусков хлеба, Нина, стараясь не обращать на себя внимания, потихоньку двинулась обратно.

Только когда деревня окончательно скрылась из виду, она побежала — и чтобы быстрее возвратиться в отряд, и чтобы наконец-то согреться.

А вскоре, в ту же ночь, Нине Кукуверовой вновь пришлось пройти тем же самым путем, те же пятнадцать километров — она как проводник вела своих боевых товарищей к деревне Горы. Девочка указала места, где на дороге к населенному пункту находились посты, и они были уничтожены партизанскими разведчиками. Нападение партизан, окруживших деревню со всех сторон и атаковавших противника под утро, оказалось неожиданным для карателей. Весь их отряд был уничтожен на месте. Пленных из этих солдат, чьи руки были обгарены кровью мирных жителей, партизаны не брали. Потери в рядах народных мстителей были небольшие: сказала хорошо проведенная разведка, благодаря которой народные мстители знали, где им может встретиться враг.

Вскоре за свои боевые подвиги и проявленные мужество и смекалку Нина Кукуверова получила первую государственную награду — медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

— Ну что, Нинок, так, глядишь, скоро и орден получишь! — говорили тогда девочке партизаны. — Мы ж без тебя никуда...

Вроде бы звучало это как шутка, но на самом деле все было именно так: благодаря Нине Кукуверовой отряд получал очень ценную информацию, поддерживал связь со своими соседями.

Во время своих походов Нина общалась и с местными жителями, которые помогали партизанам и знали, кто она. Однако кто-то из этих помощников оказался предателем, немецким агентом, и по его указанию партизанская связная была арестована.

Все было просто — вышла из деревни, а ее остановил патруль.

— Дяденьки, я за хлебушком... — начала было Нина, но полицейай, сопровождавший гитлеровцев, ее перебил:

— Знаем мы твой хлебушек! Сумку давай!

Нина протянула ему торбу, в которой не было ничего, кроме нескольких полузасохших краях хлеба. У нее вообще не было с собой ничего, что могло бы хоть как-то свидетельствовать о ее причастности к партизанам. Но этого гитлеровцам и не требовалось — со слов предателя они уже знали достаточно, а потому девочка была арестована. Произошло это зимой 1943 года.

Ее долго допрашивали и мучительно пытали, стремясь выяснить, где находится партизанский отряд, кто из местных жителей с ним сотрудничает, но Нина не сказала ничего, отказалась покупать себе жизнь ценой предательства. Убедившись, что тратить время на допросы юной героини бесполезно, гитлеровцы отвезли ее в село Шапки, где у них находился концлагерь. Там вскоре Нина Куковерова была казнена.

Посмертно ее наградили орденом Отечественной войны 1-й степени.

Шестилетний гвардеец

(СЕРЕЖА АЛЕШКОВ)

В сентябре 1942 года бойцы одного из подразделений 142-го гвардейского стрелкового полка выбили гитлеровцев из какой-то деревушки, что была в Калужской области. Впрочем, что от той деревни осталось? Одни печные трубы на пепелищах тор-

чали, потому как немцы, уходя, все пожгли. А что с жителями сделали, можно было только гадать: кого-то, наверное, с собой угнали, кого-то расстреляли.

Впрочем, вскоре один из жителей села все-таки нашелся — к походной кухне, в котле которой, распространяя аромат вареного мяса и квашеной капусты, варились кислые щи, вышел из леса мальчишка. Маленький, оборванный, замерзший, очень грязный и голодный. Подошел, остановился и замер, не сводя глаз с дымящегося солдатского котла, а у самого по щекам крупные слезы текут.

На паренька тут же надели ватник, его накормили и расспросили. Оказалось, что зовут его Сережа, фамилия — Алешков, и в этой самой деревне он прожил все свои шесть лет. Узнали также бойцы, что Сережин отец умер еще до войны, так что он папку и не помнит, что два его старших брата на фронте воюют, а еще одного брата и мамку немцы убили и избу сожгли. Могли и его пристрелить, но он в лес убежал и там несколько дней жил, ягодами питался... Рассказав все это, мальчик горько заплакал, а потом вдруг сказал:

— Но теперь-то все хорошо будет! Вы, дяденьки, меня с собой возьмете!

— Возьмем, конечно, возьмем, не бойся! — стали успокаивать его солдаты, угощая кто сахаром, кто замусоленной конфеткой, в вещмешке завалившейся.

Конечно, и солдатам, и командиру было ясно, что брать с собой шестилетку нельзя, некуда, просто невозможно — ну а что с ним еще делать?! Сейчас они уйдут, ведь наступление продолжается, а мальчишечку что — просто так посреди пожарища оставлять, в надежде, что тыловые подразделения подберут? В общем, подумали командиры и реши-

ли: мальчика берем с собой, а там, при первой возможности, определим по назначению...

Отмыли, подогнали, ушили ему солдатское обмундирование, какой-то боец-умелец даже сапожки маленькие для него стачать умудрился — и пошел Сережа Алешков солдатской дорогой. Дорога эта оказалась долгой, потому как все в подразделении очень к мальчишке привязались и никто никуда отдавать его не стал. Дорога эта была к тому же трудной и опасной, потому как скоро, в первой половине ноября, дивизия, в состав которой входил полк, была переброшена на Волгу, к Сталинграду, где разворачивалось величайшее в истории сражение...

Сережка быстро сумел стать в роте необходимым и незаменимым человеком. Он старательно и добросовестно исполнял важнейшую для солдат должность — почтальона. Ведь для любого бойца письмо из дома — счастье великое! Это счастье и приносил бойцам юный гвардеец Алешков, который каждый день ходил на тыловой узел связи, получал письма для бойцов роты и возвращался обратно. Конечно, большую сумку с письмами нести было нелегко, но чем тяжелее она оказывалась — тем больше радости было для бойцов, и Сережа, зная это, на трудности никогда не жаловался.

А однажды он совершил настоящий подвиг. Вот так же возвращался он со своей тяжелой сумкой и вдруг увидел, как два одиночных бойца — так по-военному это называется, когда солдаты не в своем подразделении, а сами по себе, — прячутся в скирду соломы. Увидел он их и сразу же на землю бросился, залег. Смекнул мальчишка, что хорошему человеку незачем прятаться, если вокруг все свои. Значит, это либо трусы-дезертиры, которые с передовой ре-

шили сбежать, либо и того хуже — враги! А врагам на глаза попадаться нельзя — это Сережа хорошо понял, еще когда в оккупации «под немцем» жил.

Приметил он место, скирду точно запомнил — и бегом в роту, к командиру:

— Товарищ старший лейтенант, там двое прячутся...

Привел Сережа бойцов на то самое место, показал скирду — и оттуда были извлечены два немецких корректировщика с рацией. Оказалось, немцы готовились прорываться из «котла», и эти двое должны были давать целеуказания для своей артиллерии. Не вышло! Узнав об этом, наши приготовились к встрече, подтянули на этот участок новые силы. Так что гитлеровцы не прорвались.

А 27 апреля 1943 года, уже после того как фашисты под Сталинградом были разбиты, Сережа Алешков был награжден медалью «За боевые заслуги» — медаль ему вручали перед строем всего полка.

Много еще чего было на солдатском пути юного гвардейца: и рану в ногу он получил, но упросил не отправлять его в госпиталь, и при форсировании реки Северский Донец чуть не утонул — снаряд разорвался совсем близко, плот опрокинулся и мальчишка камнем пошел на дно, но его успели подхватить друзья-солдаты. У них, у солдат, какой закон главный? Сам погибай, а товарища выручай!

Только до конца войны доводить ему не пришлось: в 1943 году были сформированы Суворовские военные училища, куда в первую очередь принимали сыновей фронтовиков и погибших военнослужащих, чтобы готовить их к учебе в военных училищах. Вот и Сережу Алешкова направили с фронта в Тульское СВУ.

Учился он там хорошо, ребята его очень уважали — не только как гвардейца-фронтовика, награжденного боевой наградой, но и как прекрасного парня. Да только здоровье Сережу подвело: голодные месяцы оккупации, фронтовые нагрузки и раны не прошли для него даром. Именно поэтому он и не смог поступить в военное училище. Зато поступил в институт, а потом работал следователем.

Тоже ведь война, только с преступностью. И на этой войне были у Сергея Андреевича Алешкова свои победы и награды, но это уже совсем иная история.

Партизанка Лара (ЛАРИСА МИХЕЕНКО)

До войны Лариса Михеенко жила в Лахте — был такой поселок под Ленинградом, который теперь уже вошел в черту Санкт-Петербурга. Ее папа, Дорофей Ильич, погиб в 1940 году на войне с Финляндией. Лара знала: в результате этой войны советско-финская граница была отодвинута от Ленинграда на добрую сотню километров, что повышало безопасность города на Неве, и гордилась своим отцом, но все равно его было очень жалко. А вообще, она тоже хотела быть героем — как папа.

Летом 1941 года Лара, как и многие ленинградские дети, отдыхала в деревне — у своего дядки Лариона, в селе Печенево Калининской области. Туда девочка приехала вместе со своей бабушкой, мамой этого дяди. Сначала, когда стало известно о нападении Гитлера на Советский Союз, все думали, что сегодня-завтра немцам нанесут сокрушительный удар и погонят их прочь; потом вдруг оказалось,

что немцы стремительно наступают и уезжать уже поздно. Да и нужно ли это было, вдруг все как-нибудь само собой обойдется, думали люди. Так и остались Лариса и бабушка в оккупации.

А тут все резко переменялось — не только вокруг, но даже и в дядином доме. Лариона вдруг стало раздражать, что к Ларе приходят подружки, а за столом он буквально считал куски хлеба, съеденные девочкой и ее бабушкой.

Наконец, однажды дядя заявил:

— Вот что, мамаша, подыскивайте вы себе с Ларкой другое жилье — мне теперь лишние рты в тягость!

— Сынок, я ж тебе мать родная... — только и могла сказать старуха.

— Извините, мамаша, время сейчас такое.

— Пойдем отсюда, бабушка, — твердо заявила Лара, вставая из-за стола.

Тогда она подумала, что ее папа поступил бы точно так же.

Бабушка с внучкой поселились в старой баньке, стоявшей на отшибе, продукты им приносили сердобольные соседки. А дядя Ларион круто «пошел в гору»: оккупанты назначили его старостой деревни, то есть главным начальником над односельчанами. Однако хоть и почувствовал он себя большим человеком, но на душе у Лариона, как видели люди, было беспокойно — в округе действовал партизанский отряд: то мост разрушат, то дорогу на пути немецкой колонны заминировают, а то и какому-нибудь ретивому гитлеровскому прислужнику, старосте или полицая, смертный приговор вынесут и приведут в исполнение.

Партизан боялись не только предатели из местных, но и немцы — недаром они постоянно прово-

дили по лесам карательные экспедиции. Да только в глубину леса, до партизан их отряды дойти не могли, и каратели уничтожали безвинных мирных жителей. В одной только деревне Старый Двор гитлеровцы загнали в сарай шестьдесят семей и сожгли всех живьем, вместе с детишками. На эти зверства народные мстители отвечали новыми боевыми операциями, а численность и количество партизанских отрядов постоянно возрастали.

Лара Михеенко мечтала вступить в ряды народных мстителей, расспрашивала односельчан, как отыскать в лесах партизанский отряд, но ей отвечали либо молчанием, либо незнанием, а то просто говорили: «Мала еще, чтоб про такое спрашивать!»

И вдруг в один из весенних дней 1943 года Ларина подруга, шестнадцатилетняя Рая, по фамилии тоже Михеенко, сказала, что староста передал ей повестку на отправку в Германию, на работы. Гитлеровцы многих молодых людей угоняли тогда в рабство. Рая, Лара и третья их подруга Фрося Кондруненко, которой было пятнадцать лет, стали решать, что делать.

— Надо уходить в лес, — сказала Лара. — И тебе, и всем нам. Нас ведь тоже в любой момент могут угнать в Германию... Только где нам партизан искать?

— Отряд находится в районе озера Язно, — вдруг сказала слышавшая разговор подруг Галина Ивановна, Фросина мама. — Это соседняя Псковская область. Там и наш Петя сейчас...

Петя — это старший брат Фроси. Только тут сообразила Лара, куда он вдруг подевался еще летом 1941-го. Тогда она спрашивала о том тетю Галю, но та ушла от ответа — и девочка забыла. Какое ей было дело до этого взрослого парня?

Под утро девочки собрались и ушли к партизанам, штаб которых оказался в деревне Кривицы. Там их встретили не слишком гостеприимно: мол, куда вам партизанить, малы еще, а это дело опасное, да и в лесу жить нелегко...

— Мы назад не вернемся, — твердо сказала Рая.

— Если вам не нужны — другой отряд найдем, — пообещала Лара. — Все равно партизанами будем!

Командир отряда посмотрел на них хитрым взглядом, вздохнул и заявил:

— Хорошо. Сейчас отдохните, соберитесь с силами, а утром идите в свое Печеново...

— Да мы... — начала было Лара, но командир остановил ее:

— Погоди... Если ты боец отряда, то командира перебивать не должна. Ты должна выслушать боевое задание, выполнить его и доложить. Ясно? Ну так вот... Идете в Печеново — так, чтобы никто вас там не видел...

Задание, в общем-то, было пустячным, и командир специально придумал его для того, чтобы проверить девчонок: вдруг после проведенной в лесу ночи они передумают и возвратятся по домам. Дом-то рядом будет, обязательно их туда потянет! Но нет — разузнав все, что было приказано, Рая, Фрося и Лара возвратились в Кривицы, чувствуя себя героями.

После этого их приняли в отряд, перед строем бойцов девочки принесли партизанскую клятву верности Родине и стали разведчицами.

Разные боевые задания пришлось выполнять Ларе Михеенко и ее подругам. То пришли они в церковь и, потолкавшись среди молящихся женщин, разложили по их сумкам и кошелкам листовки с сообщением Совинформбюро о новых победах

Красной армии над гитлеровскими захватчиками. То, якобы к тетке за капустной рассадой, явились они в деревню Орехово, куда немцы сгоняли скот, отобранный у населения, — и сообщили партизанам о расположении постов и огневых точек, о системе охраны. Было и так, что взобравшись на деревья и укрывшись в густой листве, Лара и Рая куковали кукушками, сообщая партизанской засаде о передвижениях немецкого транспорта по шоссе...

Знать бы, сколько вражеских солдат было истреблено, сколько неприятельской техники уничтожено по таким вот «наводкам»!

Вскоре Лара стала выполнять обязанности связной между партизанскими бригадами и подпольщиками, живущими в различных населенных пунктах на Псковщине. Задание было очень ответственным: жизни всех этих отважных людей в полном смысле слова были в руках Лары. Лучшей «легендой» в тех условиях была роль девочки-нищенки, и Михеенко нередко проходила по деревням с торбой и в лохмотьях, прося у «добрых людей» кусок хлеба. Люди подавали, порой отрывая от себя последнее.

В конце лета Лару перевели в другую партизанскую бригаду, где были нужны разведчики, хорошо знающие местность. В августе началась «рельсовая война» — и ленинградская девочка тоже сумела открыть свой личный счет. За операцию по разведке и взрыву железнодорожного моста через реку Дрисса Лариса Михеенко даже была представлена к государственной награде — вот только получить она ее не успела...

Дождливым осенним вечером — был ноябрь 1943 года — Лара зашла в деревню Игнатово, в дом, где жила партизанская связная. Тут она встретила еще двух партизан. Хозяйка радушно пригласила

гостей к ужину. И вдруг — испуганный крик на улице:

— Власовцы!

В селе появились солдаты так называемой Русской освободительной армии — РОА, сформированной из предателей. Командовал ею бывший советский генерал Власов, сдавшийся немцам в плен в 1942 году. Очевидно, власовцы знали, что в село пришли партизаны. Видимо, сообщил предатель.

Народные мстители отстреливались, но власовцев было гораздо больше, и оба партизана вскоре были убиты. Власовцы вошли в избу.

— Я этих вот в первый раз увидела... — затапаторила хозяйка, указывая на убитых бойцов. — Пришли, мол, есть им подавай! Ну я и накормила... А то бы убили совсем!

Вряд ли власовцы поверили такому утверждению.

— Это кто? — указал один из солдат на Лару. — Партизанка?

— Нет, что вы! Дочка моя!

— Пойдем проверим, — сказал власовец и кивнул Ларе: — Пошли!

Девочка поняла, что ничего хорошего ее не ждет... Деревенский староста или кто иной из гитлеровских прислужников сразу скажет, что он ее раньше никогда не видел. Или просто зададут ей несколько вопросов — мол, назови фамилии всех соседей или скажи, чей дом находится на окраине, — и все станет ясно. К тому же в куртку девочки был зашит недавно выданный ей комсомольский билет, а на поясе висела граната. И от этого незаметно не избавишься — бок о бок с ней шли два власовских солдата-автоматчика.

Лару завели в избу, в пустую комнату.

— Снимай куртку, — приказал офицер. — Что у тебя в карманах? Показывай.

Девочка выхватила гранату и бросила ее себе под ноги. Перепуганные предатели мгновенно упали на пол. Но то ли взрыватель не сработал, что порой случалось, то ли от волнения Лара забыла выдернуть кольцо с чекой — граната не взорвалась. Полежав и так и не дождавшись взрыва, власовцы, отряхиваясь, поднялись с пола, а затем, стараясь скрыть недавний испуг, с остервенением принялись избивать девочку. Она знала очень многое и этими знаниями могла бы себя спасти, но не выдала никого.

Гитлеровцы расстреляли Лару Михеенко 4 ноября 1943 года, а 7 ноября ее партизанский отряд уже соединился с частями Красной армии.

Юная героиня была посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Подрывник

(Володя КАЗНАЧЕЕВ)

О том, что началась война, Володя Казначеев из деревни Соловьяновки, что в Брянской области, узнал немного позже других. Ранним утром 22 июня он ушел на рыбалку и только днем прибежал домой, надеясь порадовать маму хорошим уловом. Тогда-то Елена Кондратьевна ему и сказала, что Германия напала на Советский Союз.

— Да мы их разгромим скоро! — уверенно махнул рукой мальчик, который только недавно окончил пятый класс.

Тогда многие еще верили, что война будет скоротечной и закончится полным разгромом гитлеровцев, отброшенных от наших границ. Но уже в конце лета на Брянщину пришли немцы. Здесь их встретило подготовленное сопротивление: в населенных пунктах действовали подпольные группы, в лесах — партизанские отряды. В одну из таких групп входила и Володина мама, которая была связной между подпольщиками и партизанским отрядом, созданным в Клетнянском районе. Еще она пекла хлеб для партизан в пекарне, что была тайно оборудована в лесном урочище «Красный дворец». Но вскоре гитлеровцы об этом узнали, и пекарня была уничтожена карателями. Елену Кондратьевну арестовали 6 октября 1941 года и расстреляли.

Когда это случилось, Володя со своей старшей сестрой Аней и младшим братом Толиком пришли в партизанский отряд.

— Ну и пополнение! — усмехнулся командир и хотел было отправить ребят обратно домой, но узнав, что они — дети погибшей Елены Кондратьевны Казначеевой, согласился принять их в отряд.

Вскоре уже Володя получил «боевое крещение». Его послали узнать, что происходит в деревне Березовка, и оказалось, что туда пришло карательное подразделение. Володя был остановлен полицаем и буквально чудом сумел отговориться. То ли полицай был неопытный, то ли просто пожалел мальчишку — ведь и на службу к немцам попадали разные люди.

Однако своим положением в отряде мальчик был недоволен: он видел, что командование его бережет — возможно, из чувства вины перед ним за погибшую мать, а может, просто считали его маленьким. Поэтому, когда вскоре в брянские леса пришло партизанское соединение имени героя

Гражданской войны Николая Щорса под командованием Алексея Федоровича Федорова и в него из Клетнянского отряда переходило несколько опытных разведчиков, Володя уговорил их взять его с собой.

Вот только времена для партизан оказались сложные. Брянские леса стали одним из центров партизанского движения на оккупированной территории — в них действовало более 60 тысяч партизан, и в летние месяцы 1942 года немецкое командование начало против них широкомасштабную карательную операцию. После нескольких ожесточенных боев партизанское соединение Федорова, которое тогда потеряло до половины своего личного состава, было окружено превосходящими силами противника и целую неделю сражалось в окружении.

Однако лес — не крепость, где осажденный гарнизон сопротивляется до последнего, чтобы не уронить своей чести. Основательно потрепав гитлеровцев в непрерывных семидневных боях, партизаны тайными тропами вышли из своих лагерей и прорвались из окружения. Об этом успехе они сообщили по радио в Москву, в Центральный штаб партизанского движения, после чего отряд Федорова получил приказ перейти в западные районы Украины и Белоруссии на соединение с отрядом легендарного партизанского генерала Героя Советского Союза, а впоследствии дважды Героя Сидора Артемьевича Ковпака и действовать в глубоком тылу противника. Так что Володе, о котором идет рассказ, поначалу все больше приходилось работать по хозяйственной части, выполнять разные мелкие поручения, а в лучшем случае — быть связным у командира. Но на войне солдату редко

когда выпадает возможность самому выбирать, чем ему заниматься.

Зато когда отряд обосновался на новом месте, из Москвы было получено распоряжение создать специальные группы подрывников и диверсантов. В эти группы отбирали добровольцев, и Володя сразу же выразил готовность быть зачисленным в подрывники.

— Ты сколько классов в школе закончил? — спросил молодой командир диверсионной группы.

— Пять, — удивился в вопросу Володя. — А что?

— А то, что здесь — физика! Ты ее изучал? Нет. У нас же мины не такие, что поджег фитиль — и беги, а электрические, сложные. Тут всякого-разного пацана брать нельзя, нам специалисты нужны.

— Подожди, командир, — возразил Аким Захарович Михайлов, комиссар отряда, то есть тот человек, который отвечал за воспитание и моральный дух бойцов. — Володя у нас не всякий-разный пацан, а опытный и сознательный боец. Очень толковый, кстати. Так что давай-ка мы его к тебе в группу зачислим, но только после обучения и экзаменов. Ты как, Володя, не возражаешь?

Что было сказать мальчику? Согласился, разумеется.

Для обучения партизанских подрывников из Москвы в отряд были доставлены самолетом инструкторы, и Володя в числе других бойцов прошел под их руководством серьезную подготовку, освоив такие ранее неведомые ему предметы, как минное дело, электротехника, взрывотехника и ряд других. По окончании курса пришлось сдавать экзамены, и мальчик по всем предметам получил чистые пятерки. После этого он без всяких вопросов и сомнений был зачислен в подрывники.

Правда, поначалу, прежде чем получить самостоятельное задание, Володя ходил в подручных у более опытных минеров. Под их руководством он минировал шоссеиные дороги, устанавливал мины-ловушки и мины-сюрпризы возле немецких казарм и мест, где жили полицаи, подрывал телеграфные столбы, нарушая связь между немецкими гарнизонами. Володя очень хорошо усваивал все уроки, и бойцы-подрывники отмечали у парнишки удивительно верное профессиональное чутье.

Наконец пришел и его «звездный час». В районе действий партизанского отряда находился крупный Ковельский железнодорожный узел, и диверсионная группа, в которую в качестве подрывника входил Казначеев, вскоре получила задание устроить диверсию на путях. Идти к назначенному месту пришлось почти сутки, к тому же ночью бойцы заблудились и оказались на краю огромного болота, каковых в тех местах, называемых Полесьем, было немало. Проводник из местных жителей растерялся: вдруг партизаны заподозрят, что он специально завел их в трясиину, и от страха совсем уже не знал, что делать и куда идти.

Тогда Володя, как самый маленький и легкий, двинулся вперед, высматривая и ощупывая слегой, то есть длинной палкой, поросшие кустами кочки, на которые можно было бы наступать. Ходить по лесу его научил отец, умерший еще до войны. Несколько раз Володя оступался, он весь вымок в торфяной болотной воде, но в конце концов партизаны вступили на твердую почву, а впереди — и это показалось чудом — была та самая железнодорожная насыпь... Однако, что омрачило общую радость, увидели они и дзот — деревянно-земляную огневую точку, — в котором был установлен пулемет и, зна-

чит, сидели немцы. По счастью, пулеметчики их пока не видели. Может, они даже спали, утомленные долгим ожиданием. Известно, что для солдата на посту время тянется особенно долго.

По инструкции, порядок действий группы в каждом конкретном случае определял подрывник, а потому, несмотря на свой юный возраст, Казначеев был старшим. И он решил, что мину к железной дороге поднесет именно здесь — была надежда, что часовые скорее станут вглядываться вдаль, чем смотреть у себя под носом. К тому же, чтобы подступы к железной дороге хорошо просматривались, немцы обычно вырубали лес вдоль всего полотна. Зато у каждого дзота есть «мертвая зона», которая не простреливается и не просматривается.

Расчет оказался верным: пройдя буквально впритирку к вражеским пулеметчикам, Володя дотащил свой шестнадцатикилограммовый мешок со взрывчаткой до насыпи, заложил, тщательно замаскировал мину и тем же путем возвратился обратно.

Так как немецкие эшелоны проходили достаточно часто, то долго ждать поезда не пришлось. Когда паровоз, таща за собой десятки товарных вагонов и платформ, груженных боевой техникой, въехал на то место, где была заложена мина, Володя крутанул рукоятку «адской машинки». Электрическая искра пролетела по проводу, и там, где были рельсы, грохнул мощный взрыв. Спешно покидая свою позицию, Казначеев с искренней радостью увидел, как большой крытый вагон падал прямо на злосчастный дзот.

— Это вам за маму, сволочи! — крикнул мальчик.

За время партизанских действий Володя Казначеев записал на свой боевой счет десять подорванных эшелонов противника. Всего же подрывниками

того отряда, в котором он служил, был уничтожен сорок один эшелон. Однако из пятнадцати его товарищей-подрывников остались в живых только пять человек. Ведь эта работа была очень сложной и опасной — немцы тщательно охраняли пути, отряжая для этого значительное количество войск. Кстати, во время одного из своих дерзких рейдов мальчик был обстрелян немецким часовым и получил пулевое ранение в руку.

Боевая работа Володи получила высокую оценку командования — как нашего, так и немецкого. По представлению партизанского руководства советское правительство наградило его высшей государственной наградой — орденом Ленина, затем — орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, а гитлеровское командование назначило за «голову подрывника Казначеева» крупную сумму денег. Оккупанты не знали, что грозному для них, а потому и высоко оцененному ими противнику тогда было всего лишь пятнадцать лет.

В рядах партизанского отряда Володя Казначеев воевал до прихода Красной армии, а после войны закончил Мореходное училище и Институт инженеров морского транспорта. К его боевым наградам впоследствии прибавились еще и два ордена за трудовые заслуги.

Девочка с черной сумкой (Лида ВАШКЕВИЧ)

Не часто взрослые люди посвящают детей в свои дела — говорят, ты еще мал и ничего не поймешь. Война, однако, меняет представление о многом.

В Белоруссии, оккупированной гитлеровскими войсками в первые же недели войны, сразу развернулось партизанское и подпольное движение, в котором участвовали и стар и млад... Отец школьницы Лиды Вашкевич, которая жила в городе Гродно, стал командиром одной из подпольных групп, причинившей немало вреда немецким оккупантам.

Люди, которые жили на оккупированной территории, были вынуждены работать на немцев. Но потом вдруг кто-то из этих людей подкладывал мину на пути вражеской колонны, поджигал склад, убивал карателей... Этим народным мстителям искали, так что одна ошибка, любая небрежность могла привести к раскрытию подпольной организации и казни ее участников.

Домой к Лидиному папе нередко приходили «гости» — связные подпольщиков и партизан. Каждая такая встреча была очень опасной: вдруг пришедший не заметит, как привел за собой «хвоста» — наружное наблюдение? Или немцы внезапно надумают провести облаву, поквартирный обход? В общем, наличие любого постороннего человека в доме было крайне нежелательно и опасно. Конечно, имелись планы отхода, но кто-то должен был предупредить подпольщиков о появлении врага. Эту роль сигнальщика отец и доверил своей дочери. Точнее даже сказать, он ей доверил и свою жизнь, и жизнь своих боевых товарищей.

Когда кто-то должен был прийти, Лида выходила поиграть во двор — то одна, то с ребятами. В этом не усматривалось ничего подозрительного. Но как бы ни была увлекательна игра, девочка ни на минуту не забывала свою задачу: все видеть, все слышать и, если появятся немецкие патрули или белорусские

полицай, успеть подать отцу сигнал об опасности. Кто именно и зачем приходил в их дом, она, разумеется, не знала — не потому что маленькая или ей не доверяли. Нет, просто это один из законов подпольной работы: не знать лишнего — того, что не касается тебя напрямую, чтобы потом случайно не сболтнуть или же в случае провала не иметь соблазна спасти себе жизнь, погубив предательством душу. Такое сокрытие тайн называется мудреным словом «конспирация».

Сейчас уже и не сказать, сколько раз дочь командира подавала такие сигналы об опасности, но доподлинно известно одно: подпольная группа ее отца успешно действовала в городе Гродно до самого прихода Красной армии.

Приходилось Лиде выполнять и другие опасные задания. Например, она покупала в магазинах писчую бумагу — листы для писем. Кажется, что тут такого? Но на этой бумаге подпольщики потом печатали листовки, сообщая о победах советских войск и неминуемом разгроме гитлеровцев. Зная про это, немецкие власти строго контролировали продажу бумаги: если человек покупает десяток листов — это понятно, письмо кому-то хочет отправить или просто что-то записать. А если больше? Это было уже подозрительно. Могли проверить и проследить. Вот Лида и ее друзья, которых она привлекала без лишних объяснений, и ходили по магазинам. Одна из Лидиных подруг десяток листов купит, другая — десяток, и к вечеру Лида передавала отцу увесистую пачку бумаги. А через некоторое время — опять тем же путем, только в другие магазины, чтобы не примелькаться. Гродненская комендатура недоумевала: откуда у партизан нескончаемые запасы бумаги? Гродно целых три года, до середины июля

1944-го, оставался в оккупации, но партизанские типографии работали бесперебойно.

Поручались Лиде также обязанности курьера и связного. Так, когда подпольщики, работавшие в немецких штабах, сообщали о подготовке очередной облавы, она обходила явочные квартиры под видом нищенки или торговки и оповещала товарищей о грозящей опасности. Приходилось ей выезжать и за пределы города — для связи с партизанами.

Партизаны несколько раз передавали девочке взрывчатку, которая нужна была подпольщикам для проведения диверсий. Пожалуй, это было самое опасное задание: ведь если найдут в сумке у девочки пашку динамита или тола, то уже никто не поверит, что она нашла эту взрывчатку на дороге и везет в подарок бабушке — мол, в хозяйстве все пригодится. Но кто подумает, что у маленькой девочки в сумке лежит брикет взрывчатки, который может разорвать на кусочки и ее саму, и всех окружающих? К тому же партизаны присыпали эту взрывчатку углем — и Лида говорила, что, мол, уголька набрала, чтобы дома печку топить, а то холодно. Кстати, куски угля весят поменьше, чем взрывчатка такого же объема, поэтому, проходя мимо постов гитлеровцев, девочка делала вид, что ей совсем не тяжело нести свою старую черную сумку.

И ничего — как говорится, Бог милостив. Лида Вашкевич, дочь командира подпольщиков, выполняла свои смертельно опасные обязанности до самого освобождения города Гродно. За свой подвиг девочка была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. А ее черную сумку и красный пионерский галстук, который всю войну Лида Вашкевич носила спрятанным

в кармане у самого сердца, поместили на стенде в городском музее ее родного Гродно. Рядом с ними — фотография девочки Лиды и справка, подписанная комиссаром партизанского отряда, о том, что юная героиня, рискуя жизнью, сражалась с фашистами.

Дважды казненная (Надя БОГДАНОВА)

До начала войны Надя Богданова жила в детском доме в городе Могилеве, что в Белоруссии. Когда напали гитлеровцы, детдом эвакуировали в далекую Киргизию, но так получилось, что до ее столицы, города Фрунзе, Надя не доехала, а оказалась на оккупированной немцами территории — в партизанском отряде, входившем в состав 2-й Белорусской партизанской бригады, что действовала в Витебской области. Юной партизанке не было тогда еще и десяти лет.

Осенью 1941 года, перед днем 7-го Ноября — праздником Октябрьской революции, который считался главным в Советском Союзе, партизаны решили вывесить в Витебске красные флаги. Это был дерзкий вызов оккупантам: в городе стоял большой вражеский гарнизон, существовало несколько лагерей для советских военнопленных. Появление в городе красных флагов означало бы, что люди не покорились врагу, что сопротивление продолжается и нарастает.

Вот только кто сможет пронести флаги в город? Кто их вывесит? На всех дорогах были установлены немецкие посты, и гитлеровцы, боясь партизан, задерживали и обыскивали каждого проходящего.

Решили послать в город Надю, которая уже не раз приходила в Витебск под видом нищей бродяжки, выполняя задание в качестве партизанской связной. С ней вместе отправили и 12-летнего Ваню Звонцова, который в отряде был недавно, но уже прославился тем, что сумел смастерить мину и подорвал немецкую автомашину. Была надежда, что немцы на ребят внимания не обратят — уж слишком не похожи эти двое на грозных народных мстителей. Кроме задания вывесить флаги, ребята должны были еще посмотреть, где именно стоят в Витебске воинские части, как они охраняются.

Была поздняя осень, уже лежал снег. До шоссе юных разведчиков довез на дровнях один из партизан, а дальше они пошли пешком, таща за собой детские саночки, на которых лежали метелки — будто бы для продажи. Это так командир отряда Иван Дьячков, дядя Ваня, как его все звали, придумал. Метелок было штук десять, но три из них, лежавшие в самом низу, были с секретом: если снять прутья, то под ними окажутся красные полотнища, туго намотанные на черенок, как на древко. Надя и Ваня долго тренировались в лагере, как мгновенно превратить метлу во флаг.

До города ребята дошли легко, не встретив ни гитлеровских постов, ни предателей-полицаев, которые всегда старались выслужиться перед немцами, а потому были особенно вредными и придирчивыми.

Зато в городе фашистов оказалось полным-полно. Надя-то ничего, она была привычна, не в первый раз оказалась в занятом врагом городе и знала, что главное — не обращать на себя внимания. Идешь себе — ну и иди, у гитлеровцев тоже свои дела, им не до тебя, если ты ничем из толпы не

выделяешься. А вот Ваня, который первый раз выступал в роли партизанского разведчика, занервничал. Он озирался, вздрагивал и несколько раз даже испуганно хватал Надю за руку. Если бы рядом не было девчонки, он, наверное, вообще сломя голову бросился бы бежать прочь из города, но ему было стыдно перед Надей.

Конечно, сейчас легко осуждать мальчика — но он, потерявший родителей, видевший, как немцы сожгли его родной дом и всю деревню, слишком хорошо понимал, что такое гитлеровцы. И трусом он не был — трус бы не сумел вот так, как он, взорвать на дороге вражескую машину. Да только в первый раз оказаться в таком вот гитлеровском «зверинце» совсем не просто — любой испугается.

Но Надя спокойно провела Ваню по знакомым улицам, присматривая места, где можно легко и быстро прикрепить флаг, да еще и так, чтобы он у всех оказался на виду. Вот здание ремесленного училища, где немцы устроили свою казарму. В стене — железная скоба, куда удобно укрепить древко, а рядом — сарай, залезть на него пара пустяков и до этой скобы дотянешься... Местом для второго флага Надя определила полуразбитое строение папиросной фабрики, для третьего — железнодорожный вокзал; кстати, там, у стены, словно по заказу, стояла лестница. Залезай, вешай флаг — и уматывай!

От вокзала ребята пошли на базар, стали предлагать никому не нужные метлы. Впрочем, «коммерческая неудача» их совсем не расстроила: ведь им всего лишь нужно было тянуть время до темноты.

— Ты тут стой, а я схожу на папиросную фабрику, — сказала через некоторое время Надя. — Может, табаку там найду? Знаешь ведь, как нашим курильщикам он нужен. Я быстро.

Табак — страшная вещь. Люди очень к нему привыкают, несмотря на весь его вред. И если без хлеба на войне очень трудно бывает, то когда нет табаку, заядлые курильщики даже меняют свой хлеб на табак.

Девочка действительно нашла табак в развалинах фабрики и собрала его в узелочек. Как стемнело, юные партизаны прошли по избранному маршруту: вокзал — фабрика — казарма, вывесили на каждом здании красный флаг. После чего спешно покинули город.

Все вроде бы было хорошо, но потом, на шоссе, ребят обогнала запряженная лошадьми подвода, в которой сидели полицей.

— Стой! — приказал один из них, останавливая телегу у них на пути. — Кто такие? Откуда?

— Из Витебска мы, идем в Городок, — вытирая слезы, назвал Ваня населенный пункт, к которому вела дорога. — Сироты мы... За хлебушком ходили...

— А ну, выворачивайте торбы! Что несете?

И все бы было хорошо, но тут в Надином мешке полицей увидел узелок с собранным на фабрике табаком.

— Это мы нашли, продать хотели... — стала оправдываться девочка.

— Кому же в деревне эта дрянь нужна? — усмехнулся полицей. — Садитесь на телегу, поехали, разберемся, чьи это вы такие сироты!

Полицей знал, что мужики по деревням табак не курили, предпочитая ему гораздо более крепкий, «забористый» самосад или махорку. Значит, дети несли табак каким-то городским людям... Не иначе партизанам.

— Это вы в Витебске флаги повесили? — с порога спросил их начальник районной жандармерии,

которому только что сообщили о таком чрезвычайном происшествии из областного центра, приказав задерживать всех подозрительных людей. — Маленькие партизаны! Признавайтесь!

Объяснения, довольно путанные, зачем ребята шли в Городок, не помогли. Ночь Надя и Ваня провели на полу в холодной тюремной камере, а поутру, когда еще даже не рассвело, ребят вместе с их товарищами по несчастью — пленными красноармейцами и простыми гражданами — усадили в кузов машины и увезли куда-то за границу населенного пункта. Там их всех подогнали к краю глубокой ямы — это был противотанковый ров, вырытый еще летом на пути наступающих гитлеровских войск, и тут же автоматчики открыли по ним огонь.

Но то ли люди как-то закрыли Надю своими телами, то ли она, потеряв сознание от страха и волнения, упала еще до выстрелов, однако очнулась девочка уже тогда, когда все было кончено. Сверху на ней и вокруг лежали мертвые, окоченевшие уже люди. Надя бросилась прочь и бежала, пока были силы. Потом она ползла — сама не зная, куда и зачем. Счастье великое, что каким-то чудом на нее наткнулся партизанский «секрет».

После этого происшествия девочке долго не давали никаких боевых заданий, находя для этого самые разные отговорки. Все же, в конце концов, она упросила командира отряда направить ее в разведку.

— Пойдешь в село Балбеки, — решил командир. — Вдвоем, с Ферапонтом...

Более надежного спутника в отряде для нее было не сыскать: Ферапонт Слесаренко был здесь начальником разведки. Но еще Надя поняла, что

задание серьезное: такого человека, как дядя Ферапонт, по пустякам к противнику не пошлют. Балбеки — большое село, в нем располагался крупный немецкий гарнизон. Слесаренко объяснил девочке по дороге, что нужно выяснить, как обороняется село, чтобы спланировать нападение на гарнизон.

Не доходя до околицы около полукилометра, они разделились: дядя Ферапонт занял позицию в ближнем лесу, а Надя стала ходить по избам, прося, как говорится, «Христа ради», кусочек хлеба. Где подавали, где — нет... За день девочка обошла все село, а когда возвратилась в условленное место, то была очень удивлена: там уже находился почти весь отряд. Надя подробно рассказала обо всем, что сумела увидеть, а главное — где на окраинах села расположены огневые точки, немецкие дзоты и как их лучше обойти...

Ночью был бой. Хотя девочке и велели оставаться в лесу, она увязалась за всеми, стараясь держаться поближе к Слесаренко. Большинство дзотов были взорваны гранатами, немцев, которые выскакивали из домов, партизаны расстреливали из автоматов. Врагу был нанесен серьезный урон, но и у партизан оказались потери. Был ранен дядя Ферапонт — Надя наскоро его перевязала, а потом, когда партизаны стали отступать, буквально тащила его, обессилевшего от потери крови, на себе — в суматохе отступления они здорово отстали от отряда.

Хорошо хоть, оба они знали дорогу к лагерю и были уверены, что дойдут. Однако когда Слесаренко соскользнул в какую-то яму, выбраться оттуда уже не смог. Тогда Надя набросала в яму елового лапника, чтобы ее товарищ не лежал на мерзлой

земле, и побежала в лагерь за подмогой. Путь был неблизкий, но в стороне, невдалеке от лесной дороги, находился хутор, куда девочка решила пойти — вдруг помогут.

У ворот стояли дровни с запряженной лошадей. Осторожно заглянув в освещенное окно, Надя увидела, что в комнате за столом сидят полицаи. Тогда девочка тихонько отвязала лошадь и повела ее за собой — в ту сторону, откуда пришла, где оставался дядя Феропонт. Непонятно как, но ей все-таки удалось вытащить совсем уже ослабевшего партизана из ямы и буквально взвалить его на сани. Слесаренко был доставлен в отряд.

В конце 1943 года юная разведчица вновь оказалась в руках гитлеровцев — она установила мину на железнодорожном мосту и на обратном пути была встречена полицаями. Надя стала изображать нищенку, идущую от села к селу, как вдруг с той стороны, откуда она пришла, грянул взрыв...

Надя Богданова выдержала самые страшные пытки и мучения, но никого не выдала; в конце концов, гитлеровцы сказали, что утром она будет расстреляна, но ночью девочка как-то сумела выбраться из сарая и побежала в сторону леса, туда, где были партизаны. Они-то и наши ее в сугробе, почти замерзшей.

Девочка была изувечена, она фактически ослепла, так что потом не только всю войну, но и несколько последующих лет провела в госпиталях. Великое счастье, что после нескольких хирургических операций в знаменитом Филатовском институте зрение удалось восстановить.

За боевые подвиги Надя Богданова была награждена орденами Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени.

Мститель

(ВАСЯ КОРОБКО)

Фронт подошел к селу Погорельцы, что в Черниговской области Украины, к осени 1941 года. Прикрывая отход войск, на окраине села заняла оборону стрелковая рота. Пока бойцы окапывались, к ним подошел местный мальчик — четырнадцатилетний Вася Коробко, который старался помочь красноармейцам, чем мог: принес каких-то продуктов, большую удобную лопату... Другие ребята тоже старались помогать, но когда появились гитлеровцы и над головами засвистели пули, их всех как ветром сдуло. А Вася остался. Он даже подносил ленты к пулемету «Максим», из которого бойцы метко разили гитлеровцев. Тогда немцы остановились, и рота смогла отступить, догоняя отходившие войска.

Вася мог бы уйти вместе с ними, но у него были иные планы...

Вечером в село вошли немцы — их было немного, очевидно, разведка, — и внимательно осмотрели деревянный мост через реку, тогда Вася смекнул, что завтра здесь пойдет германская техника. Ночью, когда все уснули, он тайком подпилил сваи и повыдергивал железные скобы моста, после чего занял наблюдательную позицию.

Было уже светло, когда на дороге, ведущей к селу, появилась колонна гитлеровских танков. Почти не снижая скорости, головная машина въехала на мост, который внезапно повело в сторону, и он рухнул, а танк, беспомощно крутя гусеницами, свалился с настила прямо в реку. Остальные бронированные машины стали спешно тормозить, и скоро уже вся колонна стояла на дороге без движения. Пока саперы восстанавливали мост, немецкие

танки на целый день задержались на подступах к селу Погорельцы. За это время отступавшие красноармейцы сумели закрепиться на новом рубеже.

Вася тоже не терял времени. Ночью он забрался в здание школы, которое фашисты заняли под свой штаб, и, пробравшись в пионерскую комнату, вынес оттуда красное пионерское знамя, которое потом надежно спрятал. Знамя — это всегда знамя, даже пионерское, это символ чести, его врагам отдавать нельзя.

Вася Коробко чувствовал себя героем-мстителем, который мог в одиночку не только серьезно вредить врагам, но и держать их в напряжении и даже страхе. После боев за поселок он разжился трехлинейной винтовкой и стал выходить на снайперскую охоту. Юный мститель занимал позицию в кустарнике близ дороги и выжидал, когда появится какой-нибудь идущий в одиночку солдат. В то время, пока не началась настоящая партизанская война, немцы еще не боялись такого одиночного передвижения. Подкараулив неосторожного гитлеровца, Вася «снял» его метким выстрелом, забирал оружие и документы, а труп прятал в придорожную канаву. Был немец — и нету, исчез...

Потом Васю Коробко обнаружили в лесу партизанские разведчики — по редким выстрелам трехлинейки они поняли, что это «работает» советский снайпер. Разведчики привели юного героя в партизанский отряд.

Поначалу он отстаивал свою самостоятельность мстителя-одиночки, но командир отряда Александр Петрович Балабай переубедил мальчика:

— Еще немного, и фрицы перестанут не только ходить в одиночку, но и вообще ходить — будут ездить группами, на машинах, причем не на одной,

и ничего ты с ними тогда не сделаешь, — сказал командир. — А если ты хочешь по-настоящему бороться с врагом и получить серьезное задание — вступай в отряд!

— Действительно серьезное задание? — недоверчиво уточнил Вася.

— И очень опасное, — сказал командир. — Такое мало кому можно доверить!

Действительно, по достоинству оценив характер и бойцовские качества мальчика, командир отряда поручил ему проведение очень серьезной операции.

Вернувшись в село, Вася Коробко пристроился работать на немецкой кухне. Старательно все убирал, мыл посуду, бегал за продуктами, нередко прислуживал офицерам за столом. За счет этих походов за продуктами он мог свободно передвигаться по селу и собирать данные о немецком гарнизоне. Прислуживая за столом, он понравился фашистскому офицеру и даже сумел войти в доверие. Немец, владеющий русским языком, о чем-то его спрашивал, и Вася давал на эти вопросы довольно таки правдивые ответы.

Наконец операция вошла в свою заключительную фазу: мальчик как-то обмолвился, что в лесу он случайно встретился с партизанами, которые привели его к себе на базу и долго расспрашивали про немецкий гарнизон.

— Ты помнишь, как туда пройти? — спросил офицер, глядя на Васю разгоревшимися от волнения глазами.

— Нет, дяденька, — торопливо отвечал мальчик. — Я ничего не знаю. Они мне сказали, если я кому проболтаюсь, что был у них, они меня убьют! А я жить хочу!

— Ну, это мы еще посмотрим, кто кого убьет! — снисходительно усмехнулся немец. — Если ты покажешь нам дорогу, то получишь много денег... И вот эти часы... И пистолет — парабеллум...

— Точно парабеллум? — встрепенулся Вася.

— Слово германского офицера!

На следующее утро, чуть свет, мальчик повел немцев к партизанскому лагерю. Рассчитывая на редкостную удачу, командир отряда никому не сказал о проведении такой операции, и в том была его роковая ошибка: в отличие от партизан, он не знал, что полицаи соседнего района как раз проводят в том лесу карательную экспедицию. А Вася вывел германское подразделение точно к засаде полицаев. На войне часто побеждает тот, кто успевает первым нажать на курок. Полицаи, заметив, что к ним приближается какой-то отряд, не стали проверять и раздумывать и открыли огонь, гитлеровцы ответили тем же, и на поляне разгорелся ожесточенный бой между немцами и их прислужниками — причем те и другие были уверены, что на них напали народные мстители.

И пока они разобрались в произошедшем, погибло немало и полицаев, и гитлеровцев. А Вася Коробко при первом же выстреле исчез в лесу и благополучно добрался до партизанского лагеря.

В отряде Василий овладел специальностью минера-подрывника. Красная армия уже наступала по всему фронту, гитлеровское командование бросало ей навстречу все новые и новые силы, людей и технику, а с оккупированной территории немцы старались вывезти все, что только было возможно. Вот почему с лета 1943 года во вражеском тылу развернулась ожесточенная «рельсовая война»: партизаны и переправленные за линию фронта ар-

мейские диверсионные группы выводили из строя железнодорожные мосты и пути, пристанционные сооружения, подрывали эшелоны. Естественно, гитлеровцы всячески стремились обеспечить безопасность своих железнодорожных магистралей: окружали их оборонительными сооружениями и инженерными препятствиями, держали круглосуточную охрану. Таким образом, каждый выход подрывников на боевое задание становился настоящим поединком советских партизан и гитлеровских войск; для проведения операций подрывникам нередко приходилось уходить на многие десятки километров от лагеря, чтобы найти наиболее уязвимое место и нанести удар там, где враг менее всего этого ожидал.

Коробко, став разведчиком и диверсантом Черниговского партизанского отряда, лично пустил под откос девять вражеских эшелонов и уничтожил около 400 фашистов. Впрочем, «пустил под откос» — это расхожее выражение, такое действие эффектно смотрится в кинохронике, но не слишком эффективно: искалеченные вагоны быстро отгаскивают с путей, а рельсы ремонтируют. Подрывники предпочитали взрывать поезда, например, в низинах, особенно там, где железная дорога проходила между двумя возвышенностями: тогда на дороге получалась такая каша, что приходилось разбираться не один день.

Когда на Украину пришли советские войска, многие партизаны смогли вновь вернуться к мирной жизни. Дважды Герой Советского Союза генерал-майор Алексей Федорович Федоров, командир Черниговско-Волынского партизанского соединения, самолично сказал Васе Коробко, как нечто, давно уже решенное:

— Надо направить тебя в Суворовское военное училище. Из тебя получится хороший командир Красной армии... Готовься!

Генерал Федоров был среди партизан непрекаемым авторитетом, но Вася наотрез отказался от его предложения.

— Суворовское от меня никуда не уйдет, — твердо сказал он. — Сначала надо добить гитлеровцев!

Вместе со своими боевыми товарищами Василий Коробко был зачислен в диверсионную группу 1-й Украинской партизанской дивизии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-майор Петр Петрович Вершигора.

31 марта 1944 года Василию исполнилось 17 лет, а на следующий день, 1 апреля, он отправился в разведку. Когда партизаны проходили мимо узкоколейной железной дороги, у Василия возникли смутные подозрения — опыт подсказывал, что-то было не так близ густых зарослей кустарника. Предупредив товарищей, юный разведчик пошел в сторону кустарника и попал под автоматный огонь вражеской засады. Случилось это уже на земле Белоруссии.

Василий Коробко прожил короткую — 17 лет и один день, — но очень яркую и славную жизнь. За боевые подвиги он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Маленькая героиня большой войны (ЮТА БОНДАРОВСКАЯ)

Лето — блаженная пора школьных каникул, когда городские дети уезжали в пионерские лагеря, к теплому морю или в деревню. Но мог ли кто знать,

какой большой и страшной бедой обернется лето 1941 года, после которого многие тысячи уехавших на каникулы школьников никогда уже больше не возвратятся домой, не увидят своих родителей...

Ленинградская школьница 12-летняя Юта Бондаровская приехала на лето к бабушке, в псковскую деревню, что была неподалеку от поселка Струги Красные. Там ее и застала война. 9 июля был оккупирован Псков, а немецкие войска продолжали наступление на Ленинград. Конечно, девочка из Ленинграда представляла для гитлеровцев, что называется, оперативный интерес — от нее можно было получить какую-то информацию о городе, поэтому Юту буквально сразу переправили в партизанский отряд. Поначалу она была там связной, потом стала разведчицей. Конечно, девочке было опасно ходить среди немецких солдат, а потому Юта переодевалась в мальчишеские лохмотья, притворяясь нищим попрошайкой, и в этом «образе» бродила по деревням. Где кусок хлеба дадут, где прогонят, а где и подзатыльник получить можно... Зато потом, возвращаясь в отряд, она сообщала, где расположены штаб или казармы фашистов, как они охраняются, где сколько пулеметов установлено.

Юту, худенькую белокурую девочку, в отряде любили и очень берегли. Она была жизнерадостная, веселая — глядя на нее, улыбались даже самые хмурые люди. По вечерам Юта нередко пела партизанам песни, рассказывала о своем родном Ленинграде — о том прекрасном и удивительном городе, в котором мало кто из ее боевых товарищей успел побывать.

Как-то раз партизаны отправились выполнять серьезное и опасное задание, а девочке сказали, что ее с собой не берут. Она побежала к командиру.

— Куда ты, Ютик? — удивился тот. — Ты же стрелять не умеешь, что ты там будешь делать?

— «Ура» буду кричать, — не задумываясь, ответила Юта. — Хотя вы знаете, что и стрелять я умею.

Действительно, она не только хорошо стреляла, но и прекрасно ездил верхом.

— Ну и девчонка! — одобрительно сказал один пожилой партизан. — Поглядишь на нее — и весь страх как рукой снимает. Легко на душе становится.

Порой Юте Бондаровской приходилось и самостоятельно выполнять очень ответственные задачи. Так, однажды неподалеку от Стругов Красных фашисты сумели задержать советскую девушку-радистку, сброшенную с парашютом для связи с партизанской бригадой. Об этом узнали партизаны, и Юта получила задание постараться помочь девушке. Конечно, можно было бы попытаться напасть на немецкий гарнизон всем отрядом, отбить задержанную — но где гарантия, что при таком нападении гитлеровцы не застрелили бы радистку?

Юта узнала, что радистка была заперта в сарае — так называемой риге, откуда ее водили по улице в штаб на допрос. На этой дороге, у поворота, удобно устроившись под деревом, Бондаровская и уселась под видом нищего пацаненка. Ждать пришлось недолго. Увидев девушку, Юта ужаснулась: избитая, замученная, та еле передвигала ноги, уткнувшись взглядом в землю. Немцы-конвоиры шли сзади, презрительно поглядывая по сторонам — мол, любуйтесь, так будет с каждым партизаном!

На повороте девушка невольно оглянулась, и Юта быстро и осторожно показала ей свой красный пионерский галстук, который тут же спрятала обратно в карман. Поняв, что это сигнал, девушка прикрыла глаза.

Когда же она возвращалась обратно, еще более избитая и измученная, Юта поднялась со своего места и, протянув руку, обратилась к конвоирам на ломаном немецком языке:

— Брод! Битге!

Мол, дайте, пожалуйста, хлеба. Солдаты ее шуганули, что-то закричали, но не заметили, как «пацаненок» сумел передать девушке коробок со спичками.

А вечером рига загорелась. Конечно, радистка — ее звали Аргента Калинина — очень рисковала, поджигая лежащее там сено, но другого выхода у нее не было. В сарае хранилось различное немецкое имущество, все принялись тушить пожар и в суете не заметили, как арестованная исчезла.

На окраине поселка девушку ждали партизаны, которые доставили ее в отряд. А через несколько дней она встретилась там с Ютой Бондаровской, которая вскоре стала для Аргенты самой близкой подругой. Они вместе ходили на выполнение боевых заданий и как-то раз даже сумели вдвоем заложить мину под железнодорожное полотно, пустить под откос немецкий эшелон. Но вскоре девушка была ранена в бою и самолетом вывезена на «большую землю».

6 января 1944 года Юте исполнилось пятнадцать лет. В этот день она получила самый «партизанский» подарок: перед строем отряда ей торжественно вручили боевое оружие — карабин. Девочка была счастлива и поклялась мстить врагам до конца. Юта имела в виду — до полного изгнания врага с нашей земли. Но оказалось, что до конца своих недолгих дней...

Впрочем, в ее короткой и яркой жизни был еще один большой праздник: 27 января 1944 года была

полностью снята блокада Ленинграда, ее родного города. Партизаны от души поздравляли Юту, и она чувствовала себя именинницей.

Красная армия, развивая свое победоносное наступление, гнала гитлеровцев на запад. Люди на освобожденных территориях возвращались к мирной жизни. Однако многие партизаны не спешили складывать оружие до полного изгнания врага с советской земли. Кто-то вступал в ряды Красной армии, а кто-то продолжал партизанскую деятельность на другой оккупированной немцами территории и уже под руководством военного командования. На Псковщине была сформирована 1-я Эстонская партизанская бригада, куда добровольно вступили почти все партизаны того отряда, в котором была Юта.

— Путь свободен — возвращайся в Ленинград, — сказал девочке комиссар бригады Цветков. — Ты хорошо повоевала!

— А как же вы без меня будете? — спросила Юта, и на ее голубые глаза вдруг навернулись непрошенные слезы.

Так маленькая героиня большой войны осталась со своими боевыми товарищами. Партизанам нужно было перейти через линию фронта на занятую немцами землю, дойти до поселка Каменный Пояс, что на берегу Чудского озера, и перейти по льду на эстонскую территорию, чтобы укрыться там в лесах. Но это была не маленькая разведгруппа, которая может незаметно просочиться во вражеский тыл под покровом ночи, а партизанское соединение — более трехсот человек, так что прорываться пришлось с боем. Хотя переход через линию фронта обеспечивали регулярные части армии, партизаны все же понесли ощутимые потери, у них

появились раненые, которых пришлось нести на носилках, к тому же были утрачены лошади и весь обоз. Отряд двигался пешком по бездорожью, по колено утопая в снегу. На озере оказалось и того хуже: лед под ногами скользил, снежные сугробы нередко скрывали полыньи и трещины. К тому же в феврале постоянно вьюжило, партизаны часто попадали в снежные бури.

Юта делила со взрослыми людьми все трудности этого перехода, и никто не слышал от нее ни одной жалобы. Когда же отряд вышел на противоположный берег озера и углубился в лес, она вызвалась пойти в разведку, разузнать, что происходит в находившемся поблизости селе. Мол, взрослый человек сразу вызовет подозрения, а она опять сыграет свою «роль».

Вернулась Юта скоро: она набрела на большой хутор под названием Роостоя и выяснила, что гитлеровцев ни там, ни поблизости нет. Тогда партизаны направились к хутору — нужно было раздобыть продовольствие, оказать помощь раненым. Да и людям хотелось просто отдохнуть в тепле, потому как их переход через линию фронта занял практически неделю. Однако не учли партизаны того, что об их прорыве и возможном направлении движения уже было сообщено карательным частям.

Лишь только они разместились на отдых по избам, как послышался шум автомобильных двигателей, потом выстрелы и крики: «Немцы!».

Хватая оружие, бойцы бросились навстречу врагу, открыли огонь по грузовикам, не давая карателям высадиться. Вместе со всеми была и Юта. Гитлеровцы оказали ожесточенное сопротивление, но были почти все перебиты, а уцелевшие спешно отступили. Однако понесли потери и партизаны.

Среди павших оказалась и Юта Бондаровская — ее тело с несколькими пулевыми ранениями товарищи нашли уже после боя. Похоронили ее здесь же, неподалеку от хутора Роостоя, в восемнадцати километрах от Чудского озера, на льду которого в 1242 году новгородский князь Александр Невский разгромил войско немецких псов-рыцарей. Произошло это 28 февраля 1944 года, когда до победы оставались еще год и два с лишним месяца.

Юная героиня была посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Юнга Северного флота (САША КОВАЛЕВ-РАБИНОВИЧ)

Их было около четырех тысяч — мальчишек 15—16 лет, а то и моложе, которые во время Великой Отечественной войны надели матросские бушлаты, став воспитанниками Школы юнг, существовавшей в 1941 году на острове Валаам, что в Ладожском озере, а затем, с 1942-го, — на Соловецких островах и действовавшей до 1943 года, когда были открыты Нахимовские училища. Вот только нахимовцы затем поступали в военно-морские училища, а выпускники Соловецкой школы юнг сразу же воевали на боевых кораблях.

Многие из этих ребят впоследствии стали военно-морскими офицерами и даже адмиралами, Героями Советского Союза во время войны, а в мирное время — Героями Социалистического Труда, учеными, лауреатами Государственной и Ленинской премий, людьми различных профессий. В их числе — народный артист СССР певец Борис

Штоколов и писатель Валентин Пикуль, написавший кроме своих замечательных исторических романов еще и повесть о юнгах под названием «Мальчики с бантиками».

Около четверти этих юных матросов — более тысячи человек — не дожили до победы. Они погибли в боях Великой Отечественной войны.

Пожалуй, самым знаменитым из них стал юнга Северного флота Саша Ковалев. Правда, в его биографии есть немало загадок: считается, в частности, что родился Саша в 1927 году, хотя вполне возможно, что он был моложе.

Дело в том, что конец 1930-х годов в Советском Союзе, как сейчас говорят, стал «временем политических репрессий». Сотни тысяч людей были тогда арестованы и осуждены по различным причинам — в том числе за политические убеждения и по ложным доносам. Одни из них были расстреляны, другие — заключены в лагеря. В числе репрессированных были и Сашины родители — московский инженер Филипп Макарович Рабинович и его жена Елена Яковлевна. После их ареста мальчика взяла на воспитание его тетка, сестра матери, Раиса Райт-Ковалева — известная писательница и переводчица. Саша Рабинович, который отныне стал Сашей Ковалевым, учился в московской школе № 330.

Потом была война... Раиса Яковлевна с Сашей уехали в эвакуацию в Ярославскую область, но уже в конце 1941 года перебрались в Архангельск, где муж Раисы Райт, капитан 2-го ранга Николай Петрович Ковалев, служил флагманским механиком Беломорской военной флотилии. Конечно же, Саша буквально клещами прицепился к дядьке, и тот вскоре устроил мальчика юнгой на штабной катер. Когда же на Соловецких островах была

создана Школа юнг, Саша поступил туда — правда, под чужой биографией. Его зачислили в группу подготовки мотористов, где он был не только одним из лучших в учебе, но и очень уважаемым другими ребятами товарищем — общительным, добрым и честным.

Учеба в школе продолжалась целый год: мальчишек готовили к службе на боевых кораблях, а море неумелых и неподготовленных не любит. К тому же военное командование знало, что все эти ребята — большая часть из них были сиротами — мечтают попасть на фронт и, оставшись без надзора, непременно туда убегут. Школа хоть как-то удерживала их на месте, в тылу. А там, как знать, может, и война к их выпуску успеет кончиться.

Впрочем, даже во время учебы юнги не только сидели в классах или занимались на практических занятиях, но и несли настоящую боевую службу. Они помогали оборудовать огневые позиции для артиллеристов-зенитчиков, подносили снаряды к их орудиям во время воздушных налетов гитлеровцев, несколько раз даже участвовали в поисках немецких парашютных десантов, сброшенных на Соловецкие острова.

В декабре 1943 года в Школе юнг состоялся первый выпуск — война еще не успела закончиться. Как отличник учебы Саша Ковалев имел право выбора и попросился на Северный флот — на торпедные катера. Что такое торпедный катер? Маленький, но оснащенный грозным оружием, очень быстрый и маневренный боевой корабль, который может подойти на минимальное расстояние к противнику и выпустить в него торпеды. Противник, чтобы такого не произошло, сосредотачивает на торпедных катерах все свои огневые средства.

Служба катерников очень трудна, опасна, но и почетна.

Однако уже на месте командование распорядилось иначе, и парнишка получил назначение на эсминец «Громкий». Хотя в армии места службы выбирать не принято — служишь, где прикажут, все же Саша стал бомбардировать командование рапортами (по-морскому это слово произносится «рапóрт», с ударением на второй слог) с просьбой направить его на катера. Так как службу на эсминце он нес добросовестно, то командование решило уважить просьбу настойчивого паренька. В январе или феврале 1944 года юнга Ковалев был переведен на ТКА-209.

Боевое крещение Саша получил в ночь с 6 на 7 апреля 1944 года, когда катера встретили в море и дерзко атаковали крупный конвой противника, потопив два больших транспорта. Юнга выполнял обязанности сигнальщика — он стоял на мостике рядом с командиром и докладывал ему о направлении артиллерийского огня противника и падении вражеских снарядов, среди разрывов которых стремительно маневрировал катер. Наградой за мужество, хладнокровие и умелые действия стал орден Красной Звезды.

Уже через два дня юнга был представлен к награждению медалью Ушакова — тогда ТК-209 скрытно подошел к занятому гитлеровцами берегу и снял оттуда наших разведчиков. Вроде бы какой это подвиг и за что такая серьезная медаль? Но вспомним, что подходы к берегу были огорожены минными полями, по водной глади постоянно шаррили лучи прожекторов, а побережье было буквально утыкано огневыми точками. Так что катерники тогда совершили воистину невозможное.

8 мая 1944 года торпедные катера ТК-217 и ТК-209 атаковали группу вражеских кораблей непосредственно у их берега. Под шквальным огнем орудий и пулеметов противника они стремительно подошли к конвою.

— Залп! — скомандовал командир.

Торпеда выскользнула из установленного вдоль палубы торпедного аппарата, упала в море, на мгновение исчезнув под водой, но вдруг, оставляя за собой белый пенистый след, понеслась к цели. Такой же след обозначился и от второго катера. Гитлеровские моряки, увидев стремительно идущие к ним торпеды, пытались повернуть свои корабли, но времени для этого не хватило. Мощные взрывы вспыхнули у бортов двух кораблей, и они запылали.

Но тут понесли потери и наши катерники: несколько снарядов попали в ТК-217, который потерял ход, загорелся и стал тонуть. Командир ТК-209 развернул свой катер и, прикрывшись дымовой завесой, снял с ТК-217 экипаж. Покинув его, моряки подготовили взрывчатку и подожгли бикфордов шнур, взорвав корабль, чтобы ничего не досталось врагу.

Вскоре ТК-209 вышел из зоны огня противника, взяв курс на базу. Но только лишь катерники перевели дыхание, как в небе появились немецкие бомбардировщики, которые атаковали катер. Маневрируя, ТК-209 увернулся от падающих бомб, но все-таки попал под артиллерийско-пулеметный огонь самолетов. Снаряд разорвался в моторном отсеке катера, все мотористы были ранены, а Саша Ковалев контужен. Но хуже всего оказалось другое: из строя был выведен правый мотор, левый — поврежден, а у среднего мотора оказался пробит ра-

диатор, из которого хлестал кипяток и вырывалась струя пара. Катер стал терять ход, превращаясь в неподвижную мишень для гитлеровской авиации — самолеты вновь ложились на боевой курс. К тому же мотор с пробитым радиатором мог взорваться в любую минуту.

Саша мгновенно оценил обстановку — недаром же он был отличником в Школе юнг! Схватив стеганый ватник, парнишка прижал его к пробое в радиаторе и навалился на него всем телом, останавливая течь. Ватник пропитался кипятком, потяжелел, стал обжигать юнгу через форменную одежду, но Ковалев продолжал прижимать его к радиатору, пока не подбежали на помощь мотористы с ТК-217, которые были на палубе.

А в небе уже появились истребители с красными звездами на крыльях, атаковавшие немецкие самолеты. Закружилась воздушная карусель, и катер смог беспрепятственно, хотя и не так стремительно, как раньше, продолжать свой путь к базе, куда прибыл к вечеру.

Так, благодаря своей самоотверженности и сообразительности, юнга Ковалев-Рабинович спас боевой корабль и два экипажа. Но кто знал, что этот, четырнадцатый боевой поход станет последним в жизни юного героя!

На следующий день ТК-209 вместе с несколькими другими катерами был отправлен на ремонт. А по пути вдруг взорвался немецкий снаряд, который во время вчерашнего боя застрял в переборке — стенке рубки, и тогда почему-то не сработал. От этого взрыва взорвалось топливо, на корабле начался пожар, и вскоре он затонул. Большинство моряков экипажа были спасены, но Саша оказался в числе погибших вместе с катером. Произошло это

9 мая 1944 года, ровно за год до дня нашей Великой Победы.

На берегу сурового Баренцева моря стоит сейчас гранитный обелиск в память погибших катерников-североморцев Великой Отечественной войны. С ним рядом установлена мраморная плита с портретом и надписью: «Юнга Саша Ковалев, погиб в море».

Александр Ковалев-Рабинович был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. В городах Мурманске, Североморске и Полярном есть улицы, названные его именем.

Мальчик за штурвалом самолета (АРКАДИЙ КАМАНИН)

Имя военного летчика Николая Петровича Каманина, одного из первых Героев Советского Союза, в 1930-х годах знали и взрослые, и дети. Уже потом, в 1960-х, к нему пришла «вторая волна» известности — генерал-полковник авиации Каманин руководил подготовкой советских космонавтов.

Неудивительно, что сын героя Аркадий с детства мечтал о небе: всю жизнь его окружали те люди, которых называли легендарными летчиками, все разговоры дома были о самолетах и полетах, отец часто брал мальчика с собой на аэродром. Там он не оставался праздным зрителем и охотно помогал техникам и механикам обслуживать крылатые машины, так что скоро уже достаточно профессионально изучил многие самолеты.

Когда началась война, Аркадию было 13 лет. Он пришел на один из московских авиационных заводов и устроился туда механиком. Когда же семья

генерала Каманина уехала в эвакуацию в Ташкент, мальчик и там пошел работать на авиационный завод. В годы военного лихолетья дети нередко стояли за станками, но вот несовершеннолетних авиационных механиков практически не было: очень уж непростая и ответственная это задача — обслуживать самолеты, поднимающиеся в воздух. Что-то не так сделаешь — и катастрофа, гибель экипажа, пассажиров, машины.

Когда Аркаше было четырнадцать лет, Николай Петрович забрал сына на войну. Генерал командовал 5-м гвардейским штурмовым авиационным корпусом на Калининском фронте, который вел тогда боевые действия к северо-западу от Москвы. Конечно, мальчишку никто не посылал на передовую — он был назначен механиком по специальному оборудованию в эскадрилье связи штаба. Кстати, хотя он был сыном командира, однако на эту ответственную должность парнишку назначили только после сдачи экзаменов строгой комиссии. Причем придирались они к Аркаше особенно: не было ведь раньше такого, чтобы мальчишка самолеты обслуживал. Вот и старались убедиться, что он действительно это сможет.

А дальше, как говорится, «лиха беда начало». Оказавшись на аэродроме и показав себя очень хорошим, добросовестным и исполнительным специалистом, Аркадий стал проситься в воздух.

Во фронтовых условиях пилоты летали много и часто — разумеется, не только на штурмовку вражеских позиций или атакующих войск. Самолеты связи У-2 сновали в воздухе, буквально как автомобили по земле, доставляя документы в штабы дивизий, на полевые аэродромы и в штаб фронта, что-то транспортировали, кого-то куда-то отвозили.

«Лишних людей» на аэродроме не было, поэтому Аркашу брали в полет то в роли бортмеханика, то штурмана или наблюдателя, зная, что он человек подготовленный, может справиться с этими обязанностями.

Биплан — самолет с двумя парами крыльев, одни над другими — У-2 создавался как учебный, а потому имел двойное управление: в обеих его кабинах были штурвал, рычаги и педали. Пользуясь этим, мальчик просил летчиков «дать порулить». Если обстановка в воздухе была спокойной, о появлении немецких истребителей не сообщалось, то пилоты «воздушных тихоходов» — так называли летчики У-2 — охотно уступали ему управление. Чувствовали, что парнишка ведет машину в воздухе смело и уверенно, что у него воистину талант летчика.

— Вырастешь, Аркашка, отца обгонишь! — предрекали пилоты громкую славу своему юному товарищу.

Правда, такая «вывозка» осуществлялась тайком, и никто не разрешал юному пилоту ни самостоятельно взлетать, ни самому посадить самолет.

Но однажды так случилось, что маленький У-2, сделанный из фанеры, оказался в зоне воздушного боя и шальная пуля с немецкого «юнкерса» разбила лобовое стекло кабины нашего самолетика. Оно разлетелось в осколки, серьезно поранившие лицо летчика.

— Бери управление на себя! — приказал пилот.

Теряя сознание, он успел переключить рацию на своего пассажира. Аркадий сообщил о происшествии на землю и повел самолет к аэродрому. Когда он подлетал, в воздух поднялся самолет командира эскадрильи, и командир по радио руко-

водил действиями мальчика. Аркаша безупречно посадил самолет, и летчики на земле встречали его как победителя.

Специалисты оценили, насколько хорошо подготовлен юный пилот, как повинуется ему боевая машина, — и после этого Аркадий упросил отца направить его на летную подготовку. Можно сказать: «Папа генерал, сыну все позволено!». Да, в этом есть доля истины, но ведь генерал Каманин не прятал сына от войны, а наоборот — открыл ему одну из самых опасных военных дорог: путь в грозное военное небо. А в этом небе средний срок жизни того же летчика-штурмовика равнялся тридцати боевым вылетам. Пилот посыльного самолета в боях не участвует, хотя врага в воздухе может встретить в любой момент. Поэтому отправляя сына на учебу, Николай Петрович понимал, что очень рискует. Но это была война — на ней смертельно рисковал каждый.

Через два месяца Аркадий Каманин возвратился в эскадрилью полноправным пилотом. Обычно военные летчики имели офицерское звание, но Аркадию — самому молодому пилоту Красной армии и, вероятно, и всей Второй мировой войны — было всего лишь 14 лет. Для офицера годков уж слишком мало! Так что летал он в скромном звании сержанта.

Летать в таком возрасте, тем более на боевом самолете — это уже настоящий подвиг.

Между тем в биографии Аркадия есть и вполне «взрослые» боевые подвиги, отмеченные государственными наградами.

Как-то раз, пролетая вдоль линии фронта, он увидел на нейтральной полосе — между нашими и немецкими войсками — лежащий штурмовик

Ил-2. Самолет не горел, но был окутан дымом. Выбрав площадку неподалеку, Аркадий повел свой самолет на посадку. Штурмовику или другому самолету сесть на таком «пяточке», проехав между снарядами воронками, было бы невозможно, но для легкого и маневренного У-2 такое осуществимо.

Приземлившись, мальчик побежал к сбитой машине. А ведь противник был неподалеку и, увидев севший самолет, усилил стрельбу. Тут же открыли огонь наши артиллерийские батареи, подавляя огневые точки немцев. В общем, все это очень рискованно и нельзя было терять ни минуты.

Аркадий откинул «фонарь» — бронестекло, защищавшее кабину штурмовика, — и стал помогать раненому летчику, лейтенанту Бердникову, выбраться на крыло.

— Подожди, — прохрипел тот. — Сними фотокамеру. Сообщи, что задание выполнено...

Оказывается, штурмовик летал на разведку, фотографировал немецкие позиции перед началом нашего наступления. Каманин отнес в свой самолет фотокамеру, а затем с огромным трудом вытянул из штурмовика и дотащил до своей машины раненого летчика, усадил его во вторую кабину. Каким-то чудом ему удалось поднять свой оставшийся невредимым под вражеским огнем самолет в воздух, ну а довести его до аэродрома юному летчику особого труда уже не составило.

Наградой за этот подвиг стал для Аркадия орден Красной Звезды, очень уважаемый нашими бойцами. А ему тогда еще и пятнадцать лет не исполнилось.

И опять — каждодневные полеты по аэродромам, по штабам...

Второй орденом Красной Звезды сержант Каманин заслужил в 1944 году: на штаб, в который он прилетел с пакетом, напал отряд бандеровцев — украинских бандитов-националистов. Мгновенно сориентировавшись, Аркадий поднял самолет в воздух и стал бросать в нападавших ручные гранаты. Бандиты в панике бежали...

Третью боевую награду, орден Красного Знамени, он получил весной 1945 года. Тогда Аркадий Каманин, которому было уже — точнее, еще — 16 лет и который служил уже в звании старшины, получил задание доставить в чехословацкий партизанский отряд под город Брно питание для рации и секретный пакет. Ежеминутно рискуя встретиться с германскими истребителями, он пересек немецкую линию противозенитной обороны — по нему вели огонь зенитные орудия, затем совершил полуторачасовой полет по неизученному маршруту над горной местностью и произвел посадку на аэродроме в горах. Потом — такой же полет в обратном направлении, с теми же опасностями.

По окончании войны Аркадий, конечно же, решил продолжать службу в авиации. Осенью 1946 года он был зачислен слушателем подготовительного курса Военно-воздушной академии.

Учился старшина Каманин с большим старанием и, наверное, когда-нибудь действительно обогнал бы своего прославленного отца. Да только учеба его оказалась недолгой: весной 1947 года Аркадий внезапно умер от страшной болезни — менингита. Было тогда ему всего восемнадцать лет — возможно, именно так сказались те огромные перегрузки военных лет, которые подчас с трудом выдерживали и взрослые люди...

Сверхснайпер 16-ти лет (ВАСЯ КУРКА)

Был август 1941 года, Красная армия с боями отступала по земле Украины. Неподалеку от села Любомирка, под Винницей, держал оборону 2-й батальон 395-й стрелковой дивизии. Когда гитлеровцы в очередной раз были остановлены и отброшены, для бойцов наступила короткая передышка. После того как похоронили убитых и увезли на подводах в тыл раненых, командир майор Андреев приказал проверить, как это официально называется, наличие личного состава. Доклады командиров рот были обескураживающими: от всего батальона оставалось не более одной роты — полнокровный батальон, как известно, состоит из трех рот, порядка ста человек в каждой. А пополнения ждать было неоткуда.

Вдруг поутру к комбату пришли восемь местных жителей — колхозников, которые попросили зачислить их бойцами в батальон. Когда каждый штук на счету, то и восемь человек в радость. Хотя один из них — маленький, худой и курносый мальчик — по возрасту в солдаты явно не годился.

— А ты кто такой? — спросил Андреев.

— Вася Курка, — отвечал тот мальчик.

— И что ты хочешь?

— В солдаты возьмите. Фашистов бить!

— Да ну, — командир усмехнулся. — Храбрый какой...

— Вы, товарищ командир, не смейтесь, — строго сказал один из колхозников. — Парнишка он бойкий и толковый, да и стреляет хорошо... Зачем его под немцем оставлять? А вам пригодится — хотя бы разведчиком. Кто его за солдата примет?

— Действительно, — согласился Андреев. — Сколько лет тебе, Вася Курка?

— Мне-то? Тринадцать лет. Возраст уже немалый!

— Ну, если так считаешь, — усмехнулся командир, — то возьмем.

Вскоре Вася действительно был отправлен в разведку — произошло это неподалеку, в Донбассе. Молодому сержанту по имени Степан, которого сопровождал Вася, было приказано узнать, что происходит в селе Чистякове: какие немецкие войска там находятся, а главное — если ли танки. Оделись разведчики в штатское и по «легенде», то есть придуманной биографии, были братьями — старшим и младшим.

Линию фронта они перешли благополучно, шли уверенно — места эти Степану были знакомы: по ним не так давно с боями отступал батальон.

— Тут хуторок есть один, мы там стояли, — сказал сержант. — Живет там одна бабка — давай зайдем к ней воды попить и узнаем, что тут делается.

Да только не мог Степан знать, что бабка эта решила помогать немцам, чтоб сохранить свое добро.

Лишь только он открыл дверь в хату, как хозяйка истошно завопила:

— Большевик! Держите его!

Из избы выскочили вооруженные немцы, деваться было некуда, сопротивляться бесполезно. Разведчиков посадили в погреб.

— Все, Вася, мне конец! Когда мы здесь стояли, эта бабка такая приветливая была, все нас сыночками называла, а вот же какая сволочь оказалась! Тебя она не знает, и ты говори, будто просто по дороге ко мне пристал — одному, мол, идти боязно. Что бы тебе фрицы ни обещали, как бы ни угрожали — стой на своем, и все. Плачь побольше, проси, канючь...

— Да как же я перед немцами... Стыдно!

— Чего тебе их стыдиться, чудака-человек? Ты задание должен выполнить: узнать, есть ли в Чистякове танки. Помнишь, как командир сказал: «любой ценой»? Такая, брат, у нас с тобой цена... Задание выполнить надо, а потому повторяю, что бы со мной ни было — ни в чем не признавайся. Не знаешь меня, первый раз увидел, и все тут.

Гитлеровцы заставили Васю смотреть на то, как избивают Степана. Мальчик стоял, плакал — и тут ему не нужно было выдавливать из себя слезы, канючил:

— Дяденька, отпустите... Я вам зачем? Я этого дядьку не знаю... Может, он и не большевик вовсе... Он веселый...

Так ничего от сержанта не добившись, его расстреляли, а Васю, отвесив ему увесистую затрепичу, прогнали прочь.

Отойдя подальше, он вытер слезы — хотя они нет-нет, да и наворачивались на глаза вновь, когда Вася вспоминал своего погибшего товарища, — и дошел до Чистякова тем самым путем, о котором рассказал ему Степан. Походив вокруг села, он увидел и пересчитал все танки, которых оказалось очень много, запомнил места их сосредоточения и, к вечеру возвратившись в батальон, доложил командиру. Уже через час советская авиация нанесла по селу Чистяково удар, уничтожив крупное скопление вражеской боевой техники. А Вася Курка за успешное выполнение этой опасной задачи был награжден медалью «За отвагу».

Немало еще славных боевых дел было на счету Васи, отважного разведчика, но сам он в глубине души лелеял заветную мечту стать снайпером, чтобы отомстить гитлеровцам за сержанта Степана, за своих погибших друзей... Мечта эта сбылась, когда наши войска начали освобождать Украину. Настав-

ником мальчика стал знаменитый тогда снайпер Максим Брыксин, который проводил с ним «уроки» прямо на передовой, в боевых условиях.

Свой, так сказать, «выпускной экзамен» Вася также сдавал не в аудитории. Задача была более чем непростая и смертельно опасная: он должен был обнаружить и уничтожить вражеского снайпера. Место, где «работал» фашист, было примерно известно.

Для «охоты» мальчик смастерил чучело, надел на него маскхалат и установил, тщательно замаскировав, позади своей позиции, на нейтральной полосе. Потом, не глядя на свою «приманку», он потянул за веревку. Все было отрепетировано заранее, и Вася знал, что чучело чуть-чуть высунется из траншеи — словно бы осторожный наблюдатель, а сам он, приготовив снайперскую винтовку, внимательно смотрел в это время за вражескими окопами.

Грохнул выстрел. Вася заметил, откуда стрелял немец и увидел его самого. Мгновенно — ответный выстрел! В оптический прицел снайперской винтовки было хорошо видно, как откинулась назад голова фашиста.

За первым боевым успехом вереницей потянулись остальные. В бою под Радомышлем Вася Курка сумел пробраться в немецкий тыл и почти в упор расстреливал отступавших гитлеровцев. «Работы» оказалось столько, что он израсходовал все свои патроны и пришлось взять немецкий автомат.

Через несколько дней в бою за опорный пункт Вася почти вплотную подобрался к вражеским дотам — долговременным огневым точкам, и «снял» засевших там пулеметчиков через амбразуры. За этот подвиг юный герой был награжден орденом Красной Звезды.

Буквально в следующем бою он вышел во фланг фашистам, занял позицию и уничтожал их пуле-

метные расчеты, замаскировавшиеся на крытых черепицей крышах домов.

Следующей наградой юного бойца стал орден Красного Знамени.

Обоевых эпизодах из жизни снайпера Васи Курки можно рассказать немало. Ограничимся лишь одним случаем: когда полк, в котором он служил, наступал в направлении на местечко Цисна, над нашими позициями завис немецкий самолет-разведчик «фокке-вульф» — «рама», как его называли за своеобразный силуэт. Обычно такие самолеты летали очень высоко, но так как зенитных орудий на прикрытии штаба полка не было, немецкий летчик решил максимально снизиться. И вдруг — винтовочные выстрелы! Заваливаясь на крыло, фашистский самолет-разведчик задымился и стал падать.

Это был всеобщий восторг!

А своей «специализацией» Вася избрал фашистских офицеров, которых он сразу замечал по блеску стекол бинокля, офицерской фуражке, жестикуляции в бою. В ночное время он очень хорошо стрелял по огоньку сигареты. Несмотря на юный возраст, Курка был авторитетным и уважаемым снайпером — для обмена опытом к нему даже приезжали «коллеги» из других частей. Прослышали про Васю и гитлеровцы — на допросе пленный немецкий офицер сказал: «Нам известно, что среди русских войск есть сверхснайпер, снайпер-ас!» — и рассказал про одну из Васиных побед, из чего и стало ясно, о ком именно идет речь.

Этому асу тогда было шестнадцать лет, и на его боевом счету оказалось 179 истребленных вражеских солдат и офицеров.

Последний бой, в котором участвовал юный герой, произошел на Сандомирском плацдарме в январе победного 1945 года.

Перед боем командир полка приказал Васе подготовить себе наблюдательный пункт.

— Я заберусь вон на ту фабричную трубу, — ответил юный боец.

— Сможешь ли? — усомнился командир.

— Я там уже был и даже скамейку себе устроил, — сказал Вася и улыбнулся, как бывалый солдат, который может иногда позволить себе пошутить с командиром: — Заходите в гости, товарищ подполковник.

— Обязательно. Как бой кончится — так сразу и приду, — отвечал тот.

Еще затемно Курка занял свою позицию, установил и настроил радиостанцию. Если бы ни ветер, раскачивавший не только его подвесную скамейку, но и чуть-чуть саму трубу, все было бы вообще идеально...

Когда начался бой, Вася стал корректировать стрельбу артиллерийской батареи. Возможно, гитлеровцы и не заметили бы отважного наблюдателя, но Курка прихватил с собой снайперскую винтовку и начал прицельно стрелять в немецких офицеров. После второго или третьего попадания гитлеровцам стало ясно, что где-то затаился советский снайпер. Когда они обнаружили Василия, по трубе был открыт огонь прямой наводкой из артиллерийского орудия.

— Курка, Курка, что с тобой? — кричал в трубку старший офицер нашей артиллерийской батареи.

Ответа не было. Юный герой до конца исполнил свой воинский долг.

«Слава» за бдительность (СТАСИК ПОЛЯНСКИЙ)

Отец Стасика Полянского был офицером и с самого начала войны воевал на Западном фронте. Очевидно, Стасик очень по нему скучал, потому как

в конце 1942 года убежал из дома на фронт. А было ему тогда всего восемь лет!

Но парнишка оказался не по годам разумный и сообразительный: он не стал сразу рваться в боевые части, а пристал к полевой хлебопекарне. И сыт всегда, и дело для такого маленького найдется — что-то подать-принести, и опасности особой нет, а потому никто и не думал о том, чтобы парнишку домой отправить. Вот так поездил он с хлебопеками, пообтерся, пообвыкся, знакомствами обзавелся — и в свои теперь уже девять лет, в феврале 1943-го, перешел в разведывательный взвод 37-го полка 5-го Донского казачьего корпуса. А это война — в полном объеме! Тем более что казакам потом, в 1944-м, пришлось драться на территории Венгрии при Секешфехерваре — городе, про который наши бойцы говорили, что его легче три раза взять, чем один раз выговорить. В тех боях Стасик был ранен, а после госпиталя оказался в 114-й гвардейской Дунайской Краснознаменной стрелковой дивизии. Опять — в разведке, был связным, а за боевые подвиги даже награжден орденом Славы 3-й степени.

Понятно, что когда мальчишку награждают боевым орденом, обязательно найдется какой-нибудь зануда, который станет говорить, мол, орден дан ему только за то, что он маленький, а человек взрослый за такое никакого бы ордена не получил. Понятно, что завидует — ведь и среди солдат люди разные бывают. Но когда Стасик Полянский был награжден орденом Славы 2-й степени — тут уже и самые зануды языки прикусили. Дело было в 1945 году, в самом конце войны, и произошло это так.

Советская армия освобождала от остатков разбитых гитлеровских войск Австрию. Когда гвардейцы-разведчики проходили по какому-то поселку, Стасик заметил, что из чердачного окна за ними

кто-то наблюдает — внимательно и осторожно. Сказал он об этом своим старшим товарищам, да те не поверили. Не удивительно: конец войны — время сложное. Все уже устали воевать, враг разбит и бежит, скоро будет мир, а потому военный народ начинает успокаиваться. Да только в боевых условиях расслабляться и успокаиваться нельзя до последнего часа! Самое удивительно, что Стасик, которому тогда было 10 или 11 лет, понимал это лучше, чем иные взрослые.

Поэтому мальчишка взял на изготовку автомат и пошел в подозрительный дом. Вроде бы никого там не было — только вещи вокруг разбросаны, бумаги разные. Не удивительно: перед приходом советских войск многие местные жители убегали в спешке и панике. Стасик осмотрел дом, конечно же, и на чердак поднимался, но нигде никого. Тогда он вышел во двор, и первое, что там увидел, была черная эсэсовская шинель с серебряными офицерскими погонями. Юный разведчик вывернул карманы — там оказались патроны от парабеллума, того пистолета, что состоял на вооружении у эсэсовцев, и какое-то удостоверение с фотографией.

Ничего необычного в этом также не было: многие гитлеровцы оставляли свои части, убегали, пытаясь спрятаться, чтобы не отвечать за собственные преступления и преступления всей своей армии. Многие переодевались в штатское, бросая, если не успевали уничтожить, форму и документы. Так что подобных шинелей и мундиров вокруг тогда валялось видимо-невидимо, и Стасик на эту шинель особого внимания не обратил. Где теперь найдешь ее хозяина?

Напоследок он зашел в сарай. Осмотрелся и заметил, что из-под перевернутой кормушки для скота торчит пистолет. Эсэсовский парабеллум!

Мечта каждого, кто понимает. Бойцы на войне любили трофейное оружие — тем более вот такое, хорошее, серьезное. Пистолет именно лежал на земле, плашмя, на боку, а не так, словно бы его кто-то держал в руке. Стасик нагнулся — и хват! Есть! Трофей! Мое!

Но тут вдруг кормушка подозрительно дернулась. Все дальнейшее произошло в доли секунды. Парабеллум — за ремень. Автомат — на изготовку. Кошачьим прыжком — три шага назад, чтоб было время для маневра.

— Хенде хох! — крикнул он по-немецки команду «руки вверх!». Ее в нашей армии знал любой солдат, вне зависимости от возраста.

На войне такие приказы дважды повторять не принято — вместо второго раза просто стреляют. Поэтому кормушка сразу опрокинулась, из-под нее вылез здоровый мужчина в спортивной форме.

— Товарищ, я поляк... — заговорил он на ломаном русском языке, а у самого глаза от удивления стали круглые. Конечно, к такому малышу в плен попал.

— Руки вверх держи! — повторил Стасик по-русски, не опуская автомата, и повел поляка к своему взводу.

Разведчики уже разместились вокруг полевой кухни и нежданного гостя встретили благодушно. Тот рассказал, что немцы угнали его на работу в Германию, теперь он возвращается домой, в Варшаву. Но вот услышал, что какие-то войска идут — и спрятался на всякий случай. Мол, времена лихие... А тут его этот мальчик «в плен» взял.

Слушали солдаты, смеялись, подтрунивая над Стасиком, угощали поляка кашей. Да только Полянскому все это не по душе пришлось — и то, что над ним смеются, и то, что «гость» на него как-то

недобро поглядывает. А вообще, дядька этот был какой-то слишком упитанный для остарбайтера, как называли в Германии людей, пригнанных туда на работы из Восточной Европы, и это также не давало покоя юному разведчику. Посидел еще немного Стасик, подумал, а потом тихонечко отошел в сторону и, повернув за угол, побежал к тому самому дому.

Ага, есть! Посреди двора так и лежала шинель. Мальчишка залез в карман и вновь вытащил эсэсовское удостоверение. Посмотрел на фотографию: знакомое лицо! «Ну, поглядим теперь, кто будет смеяться!» — подумал он.

Вернувшись, Стасик не сразу подошел к кухне, а объяснил ситуацию нескольким бойцам-автоматчикам, показал им фотографию «гостя». Так что сначала «поляк» увидел наставленные на него автоматы, а уже потом — свою шинель в руках у злорадно улыбающегося мальчишки. Отпираться не имело смысла — его бы тогда просто расстреляли, и эсэсовец сразу же рассказал, что он командует группой из 113 солдат, которые прячутся неподалеку, в руинах старого рыцарского замка, намереваясь при первой возможности уйти в Альпы, чтобы перебраться к американцам. Группа была обезврежена.

Ну а Стасик Полянский был награжден за бдительность и смекалку орденом Славы 2-й степени.

Юный солдат хотел продолжать службу в армии и после окончания войны и, наверное, мог бы стать очень хорошим офицером-разведчиком. Но война оставляет на людях следы не только в виде орденов и медалей, а также и отметины от ран и контузий. Вот почему в 13 лет Стасик был уволен из армии по болезни, полученной вследствие его фронтовых ран.

Часть 4

Россия Нового времени

Известно — в жизни всегда есть место подвигу, и это не единожды подтверждено в наше, в общем-то, мирное время. Снова, как в годы Великой Отечественной войны, как в стародавние времена, среди героев оказываются совсем даже юные граждане нашей великой Родины.

Герой России (МАГОМЕД ТАШУХАДЖИЕВ)

В 2001 году в Чеченской Республике, где проходила контртеррористическая операция, шла настоящая война, обстановка была сложная и опасная.

Но старший лейтенант милиции Сайди Ташухаджиев был не из тех людей, кто хотел воевать. Заместитель начальника Заводского районного отдела внутренних дел в столице республики городе Грозном, он как настоящий милиционер стремился лишь к одному: чтобы в стране был порядок. Чтобы люди не боялись выходить на улицу, спокойно чувствовали себя в своих домах, а преступники, как и положено, сидели в тюрьме. Понятно, что бан-

дителям-боевикам такая позиция офицера милиции очень не нравилась.

Поздно вечером 22 июля Ташухаджиев и его гость капитан милиции Расул Хабусеев ужинали под навесом во дворе. В доме в это время были его жена Раиса и дети: пятнадцатилетний Магомед, четырнадцатилетний Ислам, их старшая сестра Милана, которые смотрели телевизор, а на кровати лежала самая младшая в семье — годовалая сестренка Залина.

Было уже поздно, но неожиданно во двор завелись еще два гостя, уже незваных — это были бандиты. В руках вошедших были автоматы, тут же загрели выстрелы. Стреляли убийцы почти в упор, наверняка, так что оба офицера милиции, не ожидавшие коварного нападения, погибли на месте.

Услышав шум во дворе, Магомед выглянул в окно.

— Папу убили! — вдруг с ужасом закричал он.

Чечня уже более семи лет жила в обстановке войны, и даже детям не нужно было рассказывать, что в таком случае делать. Тем более сыну милиционера. Магомед схватил автомат, оружие своего отца, передернул затвор.

— На пол! Ложитесь на пол! — крикнул он своим родным. — Не двигайтесь!

Дважды повторять не пришлось, все залегли, кроме, конечно, остававшейся на кровати малышки.

Тут на пороге появился человек с автоматом в руках: боевики знали, что в доме находятся только женщины и дети, и решили их всех добить как нежелательных свидетелей.

Магомед выстрелил мгновенно, автоматная очередь напала сразила боевика. Уже потом со-

трудники правоохранительных органов опознали в убитом известном полевого командира — как называют командиров отрядов боевиков — Цагароева, матерого бандита, за которым они охотились и буквально шли по пятам. Стремясь бежать от правосудия, он тайком пришел в Грозный, надеясь затеряться здесь среди мирных жителей.

Увидев, как рухнул на крыльцо и остался недвижим их подстреленный главарь, боевики открыли огонь по окнам дома. Пули рикошетили от стен и с визгом летали по комнате. На кровати надрывалась от плача годовалая малышка. Это было очень опасно, но Ислам, младший брат, бросился к кровати, взял сестренку на руки и опять лег на пол, накрыв девочку собой.

В комнате все еще горел свет. Из-за этого все находившиеся здесь были для боевиков как на ладони, зато Магомед почти не видел людей на улице и стрелял, ориентируясь на вспышки выстрелов. Потом он выбрал удобный, как показалось, момент, чтобы погасить свет, бросился к выключателю — но был сразу же ранен. Несмотря на боль и текущую кровь, он продолжал стрелять, ругаясь и плача — почему он плакал, сейчас можно только гадать. Но явно не от страха и не из жалости к себе.

Стрелял парнишка хорошо и сумел свалить своим огнем еще одного бандита — это был также достаточно известный боевик, один из двух братьев Ташаевых, который вскоре умер от ран.

Но и Магомед получил ранения в шею и грудь, так что уже не мог не только продолжать бой, но даже стоять на ногах. Падая, он отбросил отцовский автомат в сторону младшего брата.

Ислам понял, что пришел его черед. Но он пока не стрелял, не было смысла: мальчик лежал на

полу, закрывая собой сестру, которая замолчала от усталости.

Наступившая в доме тишина обманула бандитов, решивших, что сопротивляться больше некому. Один из них вошел в темную комнату и, увидев сидящего на полу мальчика с автоматом в руках, выстрелил в его сторону, но промахнулся. Ислам тут же вскинул автомат и ответил длинной очередью прямо в боевика. Тот упал и больше не дергался.

Убитым оказался второй из братьев Ташаевых. Уже позже тогдашний президент Чеченской Республики Ахмад Кадыров рассказал, что в мае 1999 года — то есть еще за два года до произошедшего — эти бандиты организовали на него покушение, которое стоило жизни пяти охранникам руководителя республики. Теперь боевики получили заслуженное возмездие.

Убив бандита, Ислам вступил в перестрелку с его товарищами. Но продолжалась она недолго: к дому Ташухаджиевых уже подъезжали бойцы специального подразделения, местные милиционеры. Уцелевшие бандиты пытались бежать, но им этого сделать не удалось, они были задержаны, доставлены в милицию и постарались спасти свою жизнь, выдав всех своих товарищей, с которыми они вместе пробрались в город.

Магомеда отвезли в госпиталь — сначала в Ханкалу, где находился штаб группировки федеральных войск, затем в город Моздок, где за его жизнь долго боролись самые опытные хирурги. Но даже этим замечательным специалистам не удалось спасти мальчика. К сожалению, как это говорится на медицинском языке, «он получил ранения, несовместимые с жизнью».

Подвиг юного героя стал известен всей нашей стране. Он доказал, что даже дети в Чечне понимают, на чьей стороне правда, и что чеченской молодежи не по пути с бандитами.

А вскоре Президент Российской Федерации подписал указ о присвоении Магомеду Ташухаджиеву, ученику средней школы-гимназии № 41 города Грозного, звания Героя России (посмертно).

Пятнадцатилетний Магомед Ташухаджиев стал самым молодым Героем России. Он закончил девять классов, пойти в 10-й класс ему уже не довелось. Похоронили его рядом с отцом — на родине отца, в селении Махкеты Веденского района.

Ислам Ташухаджиев был награжден орденом Мужества.

Погибшие милиционеры — старший лейтенант Сайди Ташухаджиев и капитан Расул Хабусеев, немало сделавшие для наведения порядка на Северном Кавказе, также были посмертно награждены орденами Мужества.

Светлая память (Дима КАМЕНЕВ)

В начале июня 2005 года Дима Каменев, пятнадцатилетний школьник из города Сельцо Брянской области, пошел купаться на реку Десну вместе с двумя знакомыми девушками. Купались, загорали, вновь заходили в воду, и было всем очень хорошо и весело, да только вдруг одна из девочек — Даша, далеко отплыв от друзей, начала тонуть.

— Дима, спаси! — только и успела крикнуть она.

Дмитрий — хороший пловец, он занимался спортивным плаванием и участвовал в соревнованиях, — бросился на помощь.

Кстати, мальчик уже имел опыт спасения: как-то раз во время тренировки пловцов одному из ребят стало плохо, и тогда Дима мгновенно сориентировался, подхватил его, с ним вместе доплыл до края бассейна, вытащил парнишку на бортик.

Вот и сейчас он помог Даше доплыть до отмели и вытолкнул ее на мелководье. Да только потом что-то случилось: не то он переоохладился и судорога ноги свела, не то оказался во власти сильного течения, которое затянуло пловца в омут. Погиб Дима Камнев, а почему — так и не удалось понять.

Зато живет на этом свете девушка Даша, которая обязана юному герою своей жизнью, и осталась о нем светлая память в сердцах всех тех людей, кто его знал. А еще у родителей Дмитрия хранится его награда — медаль «За спасение погибавших», которую их сын получил, к сожалению, посмертно.

Жизнь до обидного короткая! Однако было и есть немало таких людей, которые прожили гораздо дольше — вот только ни вспомнить о них, ни сказать ничего хорошего нельзя. Что же лучше? Очень сложный вопрос.

Орден второклассника

(ЖЕНЯ ТАБАКОВ)

Это случилось в ноябре 2009 года в подмосковном городе Ногинске. Был самый обыкновенный день.

Двенадцатилетняя Яна Табакова и ее семилетний брат Женя, второклассник, оставались в квартире одни. И вдруг — звонок в дверь.

Давно бы всем детям нужно знать, что открывать двери своей квартиры незнакомым людям нельзя.

Впрочем, это, пожалуй, все и знают, да только все равно открывают. Вот и Яна спокойно открыла дверь совершенно неизвестному человеку. А тот, оттолкнув ее, ворвался в квартиру и запер дверь за собой.

После этого неизвестный достал нож:

— Деньги давай! Быстро!

— Какие деньги? — испугалась девочка. — У меня их нету...

Яна, конечно, не знала, что это был особо опасный преступник, рецидивист — то есть человек, если только можно назвать такого человеком, неоднократно судимый за различные преступления, который в общей сложности провел за тюремной решеткой целых шестнадцать лет.

А Женя еще продолжал играть в комнате и ничего не знал о происходящем в их доме. Но тут он услышал крик сестры. Выскочив из комнаты, мальчик увидел, что грабитель напал на Яну и повалил ее на пол.

Что делать?! Кричать, звать на помощь — так пока кто придет, что еще может произойти за это время?

Юный герой понял, что он сам должен спасти свою сестру. Женя бросился на кухню, схватил большой кухонный нож и с разбегу ударил им грабителя в поясницу.

Бандит взвыл от боли и испуга, выпустил Яну, упал на пол, но потом обернулся и увидел, что его противником является семилетний мальчик. Тогда этот мерзавец набросился на ребенка с ножом.

Девочка выскочила из квартиры, стала звонить к соседям, просить, чтобы вызвали милицию.

Когда в квартиру Табаковых прибыла милицеевская группа немедленного реагирования, Женя был

уже мертв, и спасти его оказалось нельзя. На теле ребенка врачи насчитали восемь ножевых ран.

Бандит успел убежать, попытался спрятаться в каком-то дачном домике, где был обнаружен, задержан и обезврежен.

Маме Жени и Яны был передан орден Мужества, которым ее смелый сын был награжден посмертно. Наверное, семилетний второклассник Женя Табаков оказался самым молодым кавалером этого боевого ордена.

«Тетя Саша» из 2-го класса

(САША ЕРШОВА)

Эта трагедия произошла в Москве вечером 14 февраля 2004 года. На улицах уже было темно и морозно, а в помещении московского аквапарка «Трансвааль» всем казалось тепло и уютно. Люди отдыхали, среди них было много счастливых детей, которых привели туда родители: кого-то — в честь дня рождения, кого-то — за школьные успехи, а кого-то и просто так...

Например, родители Саши Ершовой, в ту пору — восьмилетней второклассницы из тверской школы № 35, решили сделать поход в аквапарк подарком себе в честь забавного праздника Дня святого Валентина, как его называют — Дня всех влюбленных, ну и дочку взяли с собой, конечно же, сказав ей, что это подарок для нее. Саша второй раз ехала в «Трансвааль» и так этому событию обрадовалась, что в машине не могла ни минуты сидеть спокойно — а ведь от Твери до Москвы путь неблизкий. Поэтому в дороге девочка очень устала и неожиданно уснула на самом подъезде к

аквапарку. Папа с мамой ее будить не стали и тихо сидели в машине целый час, ожидая, пока дочка сама проснется.

Как порой происходит, именно такая случайность определила человеческую судьбу!

Давно известно, что в мирной жизни подвиг одного человека чаще всего является следствием ошибки, небрежности или преступления другого. Так получилось и в тот день 14 февраля, когда из-за ошибок, допущенных при строительстве и проектировании, на людей, купающихся в бассейне и катавшихся на аттракционах, внезапно обрушился свод «Трансвааля». Праздник, только что здесь царивший, превратился в кошмар... Потом уже стало известно, что под руинами аквапарка погибли 28 человек, из них — восемь детей; более ста человек были ранены.

В тот самый трагический момент семья Ершовых разделилась по интересам: мама пила кофе в кафе, папа катался с горки, а Саша тихонечко плавала у стенки бассейна, на мелководье. В результате мама не получила ни царапинки, папа был ранен и оказался в больнице, а вот Саша...

Сначала девочка подумала, что это началась гроза — такой со всех сторон раздался сильный грохот, а яркий праздничный свет замигал и погас. Сверху в бассейн стало что-то падать, и люди со всех сторон кричали. Рухнувшая совсем рядом бетонная плита задела Сашину левую руку, и от этого девочке стало очень больно и страшно; уже потом, когда все завершилось, врачи увидели, что она вообще вся изрезана и исцарапана. Но тогда, в тот самый жуткий момент, Саша вдруг заметила, что рядом с ней барахтается в воде и уже, наверное, тонет совсем маленькая девочка, плачущая от испуга.

— Иди сюда, маленькая... — протянула к ней руки Саша, мигом забыв и про свою боль, и про свой страх. — Успокойся... Не бойся... Я с тобой...

Малышка схватила свою спасительницу за руку, и Саша прижала ее к себе. Бетонные блоки упали так, что девочки оказались в небольшом треугольном отсеке, похожем на шалаш или вигвам, отрезанными от всех. Выбраться из него не было никакой возможности. Сама-то Саша стояла на дне бассейна, воды ей было, как говорится, по горлышко, так что если бы она отпустила девочку, та бы непременно утонула. К тому же в «Трансвале» стало темно, вода на морозе и без подогрева постепенно начинала остывать, а вокруг творилось что-то невообразимое. Но теперь Саше Ершовой совсем не было страшно: она понимала, что должна беспокоиться не о себе, а о той маленькой девочке, которую держала на руках.

— Тебя как зовут?

— Маша... — сквозь слезы отвечала малышка.

— Не плачь, Машенька, все хорошо будет. Нас обязательно спасут! — уверенно говорила Саша, прижимая к себе девочку.

— А где мама? — всхлипывала та. — Я к маме хочу!

— Подожди, скоро мама придет...

Трехлетняя Маша Гаврилова пришла в аквапарк с мамой, папой и братом. И надо же было так случиться, что буквально на какой-то миг родители оставили дочку без присмотра: брат отдыхал самостоятельно, мама решила скатиться в бассейн с самой большой горки, а папа пошел посмотреть, как у мамы это получится. В результате Маша осталась одна и в момент катастрофы упала в воду — а она ведь вообще не умела плавать! Если бы не Саша Ер-

шова, девочка могла погибнуть. Рядом с маленькой Машей второклассница почувствовала себя совсем взрослой, и это ее ощущение каким-то образом передалось спасенной девочке, которая даже потом называла ее только «тетя Саша» — как большую.

Впоследствии Саша рассказывала, что Машу ей пришлось держать на руках целых полчаса. Однако спасатели уточнили, что не полчаса, а гораздо дольше — более чем полтора часа!

Чтобы извлечь девочек из их бетонного «шалаша», требовался кран, но его прихода надо было еще ждать, а вода в бассейне остывала. Спасатели, обнаружившие девочек, увидели, что между дном и упавшими бетонными плитами есть достаточно большой лаз, через который Саша сможет выбраться из ловушки. Ей объяснили, как это сделать — и девочка поднырнула под бетонную преграду. При этом она крепко держала за ручку Машу и тащила ее за собой — если бы малышка хоть на минуту осталась одна, она запросто могла бы исчезнуть в темной воде, среди заваливших бассейн бетонных конструкций.

Правда, Саша была смущена тем, как встретили ее спасатели — из воды девочку вытащили за волосы, — но уж это такой прием по спасению утопающих, жаловаться не приходится. В общем, и Саша, и Маша остались живы.

Правда, нельзя сказать — невредимы, потому что оказалось, левая Сашина рука, по которой ударила падавшая плита, сломана. Однако этой сломанной рукой девочка все равно сумела прижимать к себе и удерживать спасенную малышку. А бедная Маша пережила серьезное психологическое потрясение и очень долго ни с кем вообще не разговаривала.

Так Саша Ершова стала главной героиней в тверской школе № 35, где ее портреты были вывешены во всех классах. Шутка ли — восьмилетняя девочка, второклашка, совершила подвиг, за который была награждена самой настоящей медалью «За спасение погибающих»!

А еще главный спасатель России — министр Сергей Шойгу — подарил тогда юной героине компьютер, а губернатор Тверской области, где живет девочка, — велосипед и путевку в детский санаторий на Черное море, чтобы там она могла и подлечиться, и как следует накупаться во время летних каникул. Ведь плавать Саша очень любит, и то, что произошло в «Трансваале», никак не отвратило ее от воды — бывает ведь так, что люди, один раз чуть не утонувшие, потом боятся даже подходить к берегу. Однако Саша Ершова не из таких, она вообще девочка смелая и самостоятельная.

Но, пожалуй, самой дорогой наградой стали для Саши подарки от спасенной Маши Гавриловой и ее мамы. Малышка подарила ей куклу Барби и замечательного игрушечного белого пуделя, с которым Саша потом очень долго не расставалась.

Школьник из Беслана

(МУРАТ КАЛМАНОВ)

События, произошедшие 1 сентября 2004 года в школе № 1 североосетинского города Беслана, потрясли не только всю нашу страну, но и весь, без преувеличения, мир. Прекрасный праздник — День знаний, начало нового учебного года — превратился в трагедию: чеченские боевики захватили в заложники учеников этой школы, их родителей

и учителей. В плену у бандитов оказались более тысячи человек. Всех их — и взрослых людей, и трогательных первоклашек, которые с таким счастливым волнением ожидали этот день, и других ребят — бандиты согнали в спортивный зал, где держали без воды и пищи; для устрашения заложников боевики периодически расстреливали людей прямо в школе. Только через сутки после захвата удалось договориться с преступниками о том, чтобы они выпустили из здания 26 женщин с грудными детьми.

3 сентября, когда стало ясно, что договориться с террористами невозможно, хотя представители руководства нашей страны неоднократно пытались это сделать, чтобы спасти детей и женщин, бойцы подразделений специального назначения пошли на штурм здания. Отбиваясь, боевики убивали заложников. В школе № 1 погибло в эти дни свыше трехсот человек.

Героями тех трагических дней стали не только сотрудники спецназа — тогда погибли десять бойцов, закрывавших собой детей, — но и простые мирные граждане: учителя, родители школьников. Мужественно, героически вели себя тогда и сами школьники — и в числе первых нужно назвать шестнадцатилетнего Мурата Калманова, ученика десятого класса.

Папа Мурата был офицером таможенной службы и погиб при нападении бандитов на таможенный пост. Это было уже давно — лет за десять до «Беслана», как теперь одним словом называют произошедшую трагедию. Мальчик хорошо учился, он поступил в Суворовское военное училище, но через год вынужден был оттуда уйти: тяжело заболела мама, и Мурат возвратился в Беслан, чтобы за

ней ухаживать, быть рядом. Весной 2004 года мама умерла, и мальчик остался круглым сиротой. Тогда его взяла к себе тетя. Планы на будущее у Мурата были такие: закончить школу и поступать в высшее военное училище, о чем он мечтал с раннего детства. Но планам этим, к сожалению, не суждено было сбыться...

1 сентября Мурат Калманов пришел в школу, хотя, конечно, мыслями он был не здесь, а с друзьями-суворовцами, на торжественном построении училища.

Когда же из подъехавшего грузовика выскочили террористы, произошел захват и школьников, ставших заложниками, бандиты загнали в спортзал, вокруг Мурата сами собой сгруппировались четверо малышей-третьеклассников, почувствовавших в нем по-настоящему сильного человека. Сильного не только физически, но в первую очередь морально — волевого, смелого, рассудительного. В минуты опасности люди обычно стараются держаться поближе к тем, кто сильнее — вот и этим малышам рядом с Муратом было уже не так страшно. Они буквально облепили его, сидели на его ноге, и Мурат не мог пошевелиться, так что потом даже ногти на пальцах этой ноги оставались черными. Старший товарищ, как мог, успокаивал и поддерживал третьеклассников, отвлекал их от мыслей о голоде, жажде и той смертельной опасности, которая нависала тогда над каждым из заложников. Еще в первый день его все время держала за руку одноклассница Кристина Фарниева. Она плакала, Мурат поддерживал и ее. А потом эта девочка погибла.

— Прежде всего — не бойтесь! — внушал Мурат своим подопечным. — Если начнут стрелять, прыгните и скорее ложитесь на пол. Не каждая пуля

попадает в цель — совсем наоборот, большинство мимо проходят.

Мурат очень хорошо разбирался в оружии, а потому его советы оказались очень полезны.

3 сентября бойцы спецназа штурмовали здание школы. Штурм начался после того, как у боевиков внезапно сработало взрывное устройство. В то же мгновение, не разбираясь, что произошло, Мурат закрыл собой своих маленьких друзей. Удивительно, как он успел это сделать, потому что тут же в него ударили осколки — были ранена рука, плечо, голова, открылось сильное кровотечение.

После взрыва и начала штурма многие заложники бросились прочь из спортзала... Одноклассник Мурата Борис Эльтаров помогал ему выбраться наружу, но в это время Калманов увидел, что учитель физкультуры Иван Константинович Каниди, человек уже пожилой, борется с боевиком, пытаясь отнять у него автомат. Забыв про свою боль, Мурат устремился к ним и ударил бандита по голове. Наверное, вся накопившаяся за три дня ненависть сконцентрировалась в этом ударе, потому что боевик упал, потеряв сознание. Учитель выхватил автомат и пристрелил бандита.

Вроде бы мальчик еще кому-то помогал выбираться из горящего здания, сейчас очень трудно восстановить те события, тем более что Мурат — человек сдержанный и совсем не тщеславный, потому старается о себе не рассказывать. Мол, да, что-то там было, а что именно — об этом знают те, кого оно коснулось.

Действительно, знают и помнят, а благодарность — это великое чувство.

В больнице города Владикавказа, столицы Северной Осетии, куда поначалу доставили Мурата, его сразу же узнал третьеклассник Олег Азиев.

— Мама, — громко закричал он, лишь только увидел Калманова, — этот тот большой мальчик, который нас спас! Я тебе про него рассказывал!

В больнице Мурату сделали операцию, но, несмотря на это, его состояние продолжало ухудшаться. Тогда Калманова перевезли в Москву, в Российскую детскую клиническую больницу, где врачам пришлось немало потрудиться, чтобы, что называется, поставить его на ноги.

— Редкий пациент! — говорили медики, удивляясь тем мужеству и терпению, с которыми мальчик переносил боль и страдания.

Мурат вел себя как настоящий взрослый мужчина — никто ни разу не слышал от него ни жалоб, ни стонов. А ведь юноша пострадал очень сильно: он почти лишился зрения и слуха, возникли проблемы с руками. Ему пришлось перенести несколько операций по восстановлению слуха и зрения, а также многочисленные операции по удалению осколков, да еще и болезненные перевязки, затем тренировать, разрабатывать ставшие вдруг непослушными руки. Но мастерство врачей, а также воля и настойчивость самого Мурата сделали, казалось бы, невозможное: он пошел на поправку.

Вот только с мечтой о военном училище пришлось проститься — по состоянию здоровья он уже не сможет стать офицером. Это не какие-то придирки: военная служба требует хорошего здоровья, без этого человек просто не сможет выполнять не легкие обязанности по защите Родины.

Так что потом, окончив школу, Мурат Калманов поступил на юридический факультет Северо-Осетинского государственного университета. Ведь у юристов тоже есть специальности сродни военным, где им приходится быть на передовой линии борьбы

с преступностью и защищать людей. Побывав в плену у террористов, юноша все это прекрасно понял.

Хотя как знать, может быть, мастерство врачей и волевые качества самого Мурата позволят ему еще раз совершить невозможное и надеть офицерские погоны? Впрочем, кем бы он ни стал в дальнейшем, чем бы ни занимался, нет сомнения в том, что он будет настоящим человеком, живущим не для себя и своего личного благосостояния, а для людей.

За свой мужественный поступок Мурат получил благодарность от Совета Федерации, а также орден и премию «Преклонение» Международной ассоциации детских фондов.

Дело было в ноябре (СЛАВА ВИЛЬДАНОВ)

Сколько раз говорят взрослым: не оставляйте без присмотра малышей! Нет ведь, оставляют... А в результате, если это не заканчивается трагедией, то увеличивается число героев, в том числе и совершенно юных. Таких, как пятиклассник в ту пору Пудожской средней школы № 1 Слава Вильданов, живущий в поселке Рагнукса, что в Республике Карелия.

Был ноябрь 2005 года. Два мальчика четырех лет — Дима Томашевич и его друг — играли на обрывистом берегу реки. Играли без всякого присмотра взрослых и так заигрались, что Дима поскользнулся и упал с обрыва прямо в воду. Для взрослого человека тут было бы совсем неглубоко, а вот для четырехлетнего — глубина. К тому же в Карелии и летом-то погода обычно не очень жаркая, а тут — ноябрь. Вода в реке была очень холодная, почти ледяная.

Хорошо, что друг у Димы оказался верный и надежный, поспешил поднять тревогу. Ведь, к сожалению, так у детей бывает, что когда один из них начинает тонуть, другие тихо-тихо уходят, «чтобы взрослые не ругались». А надо кричать и звать на помощь!

Бросился перепуганный малыш к ближайшему дому, и первым, кого он увидел, был Слава Вильданов.

— Димка тонет! — сквозь слезы закричал мальчик. — Пойдем!

— Где?

— На речке! Там! — Он махнул рукой в сторону обрыва.

Не дожидаясь малыша, Слава рванул к берегу. Уже издали он заметил, что на воде плавают куртка, а самого мальчика нет. Подбежал Слава и видит — Дима уже на дне лежит, но хорошо, что неподалеку от берега. Не раздумывая, мальчик, как есть, в одежде, вошел в воду. Ледяная вода охватила его, обожгла тело, но парнишка, затаив дыхание, нагнулся и подхватил лежащего: он-то на дне стоял, а малышу тут было с головкой.

К реке уже бежали люди, которых встревожили детские крики, поэтому, вытащив Диму Томашевича на берег, Слава передал его взрослым, которые и откачали малыша, а сам, дрожа от холода, зуб на зуб не попадал, побежал домой переодеваться.

За этот подвиг Слава Вильданов был награжден медалью «За спасение погибавших», которую, пригласив его в город Петрозаводск, вручил ему от имени руководства России президент Республики Карелия. А еще — уже от правительства Республики — он подарил мальчику фотоаппарат и поблагодарил его родителей за то, что они вырастили

и воспитали такого храброго и благородного сына, настоящего человека.

Трудно сказать, кто был более счастлив от этих слов — Слава Вильданов или его родители.

Опасные забавы

(АНТОН ЧУСОВ)

Честно говоря, Антон Чусов, школьник из города с красивым и смешным названием Гусь-Хрустальный, на героя совсем не похож. В школе он учится, как говорится, на среднем уровне — с тройки на четверку, в лучших спортсменах не числится, да и с отчаянными ребятами не водится. Скромный такой мальчик.

Даже купаться на пруд, что неподалеку от города, он во время летних каникул 2006 года ходил не один, а с бабушкой. В ту пору Антону было одиннадцать лет, и бабушка говорила, мол, маленький ты еще без присмотра в воду лезть. Сама она с мальчиком не купалась, но следила, чтобы он далеко не заплывал, в воде не баловался и долго, до посинения, в пруду не сидел.

Есть, однако, такие родители, которые дают своим детям самостоятельность с самого раннего возраста, не задумываясь, чем это может закончиться, к какой беде привести. Вот и в тот памятный июльский день — как раз середина лета была, — когда бабушка в очередной раз привела Антошу купаться, на пруду уже плавали на автомобильных камерах две девочки лет восьми. Пришли они сюда сами, без взрослых.

А ведь камера — вещь, для купания не приспособленная. На воде она плавает хорошо, вот

только держаться за нее очень неудобно: попав в воду, резиновая камера становится скользкой, и если на таком же круглом спасательном круге по бокам прикреплен канатик, то на камере ничего подобного нет. В общем, каждую вещь лучше всего использовать по прямому назначению: спасательный круг — для купания, а камеру — для автомобильного колеса. Однако родители двух маленьких девочек почему-то не усвоили эту простейшую истину, позволив своим дочкам такие опасные забавы, да еще и без всякого присмотра.

Антон, которого мама совсем недавно научила плавать брассом, с удовольствием купался в пруду, как вдруг услышал испуганный крик. Оказалось, произошло то, что и могло случиться: из-под одной девочки выскользнула камера и запрыгала по воде в противоположную от нее сторону. А девочка, которую звали Таня, совсем не умела плавать. Упав в воду и не почувствовав под ногами дна, она стала тонуть, захлебываться и звать на помощь.

Увидев это, Нина Ильинична, бабушка Антона, также стала звать на помощь — сама она на роль спасателя уже не годилась. Вот только звать-то было некого — поскольку будний день, и все, очевидно, на работе.

Но тут Антон без всяких раздумий поплыл к утопающей. Как потом говорила Нина Ильинична, она этому очень удивилась — вроде бы недавно плавать научился, и тут такая прыть! Впрочем, еще больше бабушка испугалась, как бы и с внуком чего не случилось. Известно ведь, что спасение на водах — дело опасное. Утопающий нередко настолько теряется от испуга, что может схватить своего спасителя и утащить его на дно.

Однако мальчик хотя и не числился в школе среди лучших учеников, но был парнишка толковый. Пока он плыл, то буквально до буквы вспомнил урок по школьному предмету ОБЖ — обеспечение безопасности жизнедеятельности, а также фильм, который им на уроке показывали, и применил свои знания на практике.

— Танька уже под водой была, и я начал вытаскивать ее на поверхность, — рассказывал потом юный герой. — Поднырну, подтолкну, она барахтается, а я опять ныряю...

Ох, как же было страшно бабушке на это смотреть! Но Антоша успешно отбуксировал девочку к берегу и передал ее на попечение Нине Ильиничне, которая откачала Таню, сделав ей искусственное дыхание.

А ведь Антону тем временем пришлось вновь в озеро прыгать и Кристину, вторую девочку, спасать. Она так испугалась, когда Таня стала тонуть, что и сама соскользнула с камеры. Хорошо хоть, могла на воде держаться, а потому подплывшему мальчику нужно было только поймать «убежавшую» камеру и помочь девочке на нее взобраться, чтобы потом отбуксировать ее на берег.

Бедная Таня, которая чуть не утонула, тряслась от холода и страха; Кристина выглядела не намного лучше, поэтому мальчику с бабушкой пришлось закончить купание и отвести девочек домой.

Чтобы не пугать родителей, Антон и Нина Ильинична договорились никому о случившемся не рассказывать. Мол, хорошо искупался — ну и ладно. Да его и не расспрашивали: на пруд мальчик ходил каждый день, что нового может быть?

Таня и Кристина тоже не стали «радовать» родителей рассказом о своих опасных приключениях.

А потом лето прошло, настало 1 сентября, ребята пошли в школу, и Антон вообще стал забывать про тот случай.

Зато девчонок хранимая ими тайна буквально распирала, и, в конце концов, они не выдержали и все разболтали. Тем более дело было уже прошлое, родители особенно ругаться не будут.

Известие это очень быстро разлетелось по всему городу Гусь-Хрустальный. Но, как часто бывает, сам герой и его родители обо всем узнали только из местной газеты.

Зато узнали не только они и не только в районном центре. О поступке юного героя стало известно и в городе Владимире, центре области, и даже в Москве. Тогда Президент Российской Федерации подписал Указ о награждении Антона Чусова медалью «За спасение погибавших». 27 сентября 2007 года эту награду вручил мальчику губернатор Владимирской области. Так неприметный школьник стал героем и самым известным в своем городе учеником.

Кстати, когда местные журналисты стали брать у него интервью, и он рассказал о том, как ему помогли знания ОБЖ, мальчика спросили:

— А что главное ты узнал, что ты понял из этого предмета?

— Я понял, что если человеку плохо, то ему обязательно нужно помочь, — не раздумывая, ответил Антон.

По дороге в школу (ДИМА ЛЯШКО)

День 12 декабря 2008 года для двенадцатилетнего пятиклассника климовской средней школы № 2 Димы Ляшко начался самым обыкновенным

образом. Он поднялся, умылся (делал он утреннюю зарядку или нет, мы не знаем), позавтракал и пошел себе спокойно в школу по привычной дорожке, которая вела, в частности, по мостику через реку Ирпа.

Точно так же совершенно обыкновенно начался этот день и для семилетнего второклассника той же школы Дениса Крупко. И тоже его привычная дорожка проходила по мостику через Ирпу, да только решил вдруг Дениска на этот раз свою жизнь разнообразить. Вместо того чтобы перейти речку по мосту, как это день ото дня делают все нормальные люди, он попробовал переправиться через нее по бревну, лежащему под мостом.

Ходить по бревну нужно умеючи, даже если оно просто лежит на земле. А тут обледеневшее бревно соединяло два берега. Кому и зачем оно тут понадобилось — неизвестно, как большим вопросом является и то, зачем второклассник на него полез. Может, решил, что если споткнется и сорвется, то спрыгнет на лед — и пойдет себе преспокойненько дальше...

Действительно, сорвался. Да только лед на реке оказался совсем не таким прочным, как мальчику думалось. Он пробил лед и провалился в реку, уйдя под воду почти полностью. Дениска стал звать на помощь, но взрослые, которые шли по мосту, то ли не слышали его, то ли не обращали внимания на детские крики — мало ли, где там кто развлекается, хотя вряд ли можно было не услышать отчаянное «помогите». А ведь вполне мог бы кто-нибудь из взрослых людей глянуть под мост и увидеть, что из проруби торчат голова и две руки и что мальчик не может самостоятельно выбраться.

Хорошо, одна женщина, живущая неподалеку, заметила из своего окна, как озорник соскользнул

в реку, и тут же позвонила в милицию, рассказала об этом. Милиционеры не стали ей говорить, что, мол, «вы ошиблись адресом, перезвоните в спасательную службу», и немедленно выехали на место происшествия.

Но хотя милиционеры очень спешили, они все-таки опоздали...

Проходивший по мосту Дима Ляшко услышал крики, подбежал к перилам, посмотрел вниз и увидел барахтающегося в полынье мальчика. Он сбегал с моста, осторожно подобрался к краю полыньи и, как следует зацепившись, чтобы не стащили в воду и его самого, протянул Дениске руку...

Когда милиционеры подбежали к полынье, перепуганный, дрожащий от холода второклассник уже стоял на льду. Сотрудники сняли с него мокрую одежду, растерли, чем смогли, закутали мальчишку в серый милицейский бушлат с сержантскими погонами, усадили в машину, что отвезти «купальщика» домой.

Дима, посмотрев на это, стал подниматься наверх, на мост, чтобы дальше идти в школу.

— Страшно было? — спросил у него один из сотрудников милиции. — Испугался?

— Не-а, — честно ответил пятиклассник. — Не успел.

И пошел себе в школу...

Вскоре пятиклассник Дима Ляшко, проживающий в городе Климово Брянской области, был награжден медалью «За спасение погибающих».

Юный герой все так же ходит в школу — тем же привычным и проверенным путем. По дороге он нередко встречает Дениску Крупко, который отныне также ходит только через мост, не ищет

для себя рискованных дорог. А потому ничего необыкновенного в его жизни, по счастью, больше не происходит.

«Черный омут»

(Ксюша ПЕРФИЛЬЕВА)

Обычно в день 1 сентября самой знаменитой девочкой в любой школе становится та маленькая первоклассница с колокольчиком, которую по традиции несет на плече рослый старшеклассник. Конечно, как ее зовут, никто и не знает — ведь даже ее одноклассники, счастливые и испуганные, пока еще не успели познакомиться. Но зато видели ее все!

А вот 1 сентября 2009 года в Солигаличской средней школе, что в Костромской области, самую знаменитую девочку все узнали по имени, и это была совсем даже не первоклассница. Да и вообще, привычный регламент первого дня занятий был начисто изменен: в школу тогда приехали сотрудники МЧС — Министерства по чрезвычайным ситуациям, то есть спасатели, чтобы вручить награду шестикласснице Ксюше Перфильевой. Пожалуй, все мальчишки в школе обзавидовались, слыша, как эти мужественные люди не только обращаются к шестикласснице, как ко взрослой, но и уважительно называют «коллега».

А дело в том, что летом, когда девочка во время каникул гостила у своей бабушки в деревне Высоковская, она совершила настоящий подвиг: не только спасла утопающего мальчишку, рискуя при этом своей жизнью, но и сумела оказать ему первую помощь, без чего тот просто бы не выжил... Кстати, приезд сотрудников МЧС в школу был сюрпризом

не только для учителей, но и для самой Ксюши, которая никак не ожидала, что о ее героическом поступке кому-нибудь вообще станет известно...

В тот жаркий день Ксюша, как обычно, пошла купаться. На реке почти никого не было — лишь два малыша, гулявших без присмотра взрослых. Один из них плескался у берега, а другой, шестилетний Захар Смирнов, стоял на большом камне, уходящем с берега в реку и нависающем над водой. Если стоять на нем и не оглядываться, то кругом будет только вода, и ты словно бы на необитаемом острове или на капитанском мостике большого корабля. Здорово, так интересно! Как потом выяснилось, мама Захара отлучилась по делам всего на два часа и наказала сыну никуда со двора не уходить. Он, однако, решил воспользоваться «свободой» по-своему.

Вот и стоял теперь мальчишка на камне, мечтая о чем-то своем, а потом как-то неловко переступил с ноги на ногу и поскользнулся, так что «необитаемый остров» вдруг превратился для него в трамплин, по которому мальчик слетел в воду, на несколько метров от берега. А ведь там был «черный омут» в несколько метров глубиной, про который местные жители рассказывают всякие ужасы, да и небылицы. Недаром же к этому страшному омуту и хорошие пловцы старались не приближаться. А Захарка вообще плавать не умел.

Закричал мальчик, пуская пузыри, забил по воде руками, но вокруг не было никого, ни одного взрослого, одна лишь Ксюша, девочка двенадцати лет. Впрочем, дальнейшее не от возраста зависит и не от того, мальчик или девочка, а от души человеческой.

Ксюша не стала вспоминать, что она сама еще не так давно научилась плавать.

— Держись! — крикнула она, сняла с себя одежду и бросилась в воду.

Хотя бедного испуганного Захарку, который судорожно колотил по воде руками, течением вынесло уже почти на середину реки, девочка быстро доплыла до него. Теперь нужно было подплыть к нему так, чтобы утопающий не схватил ее за руку или за ногу и не потащил с собой на дно. И ничего, удалось — спасибо курсу ОБЖ, в котором ребятам объясняют, как действовать в подобных ситуациях. Но одно дело — когда объясняют, а ты сидишь за партой и слушаешь, а совсем другое — применить эти знания посреди реки, в смертельно опасной ситуации.

Ничего, Ксюша смогла увернуться от цепких «объятий» тонущего мальчика и дотолкать его до мелководья. Но там вдруг, еще не добравшись до берега, наглотавшийся воды Захарка упал и потерял сознание. Девочка подняла его, взяла на руки, вытащила на берег и уложила на траву. Тут, к своему ужасу, она увидела, что мальчик уже не дышит.

И опять — те же самые уроки ОБЖ! Вспомнила Ксюша, что надо в таком случае нажимать на грудь, и если человек задышит — то все будет нормально, а если нет — надо делать искусственное дыхание. Но не помогало ни то, ни другое. Слезы жалости и обиды капали у девочки из глаз, ей уже и не верилось, что у нее получится, но она все-таки упорно пыталась оживить малыша.

Неожиданно Захарка вздрогнул и слабо застоялся. Потом у него изо рта пошла пена, мальчик закашлялся и вдруг сказал, что у него болит живот... Ксюша почувствовала себя такой счастливой! А потом — счастливой вдвойне, потому что не успела

она еще и подумать, что же делать дальше, как отвести спасенного домой, как раздался треск двигателя и на тропинке неподалеку появился какой-то парень на мотоцикле. Девочка его остановила, он сразу все понял и повез Захарку домой. Но после этого маме пришлось отвезти мальчика в больницу, и там врачи еще несколько дней боролись за его жизнь.

По счастью, вся эта история закончилась хорошо.

О произошедшем Ксюша никому в школе не рассказывала, считая, что так поступил бы любой из ее одноклассников и хвастаться тут нечем. Поэтому приезд спасателей в школу 1 сентября всех очень удивил. Гости подарили девочке MP-3 плеер и вручили благодарственное письмо от Костромского областного управления МЧС, а районная администрация наградила ее премией. Ксюшу Перфильеву представили также к награждению медалью «За спасение погибавших».

А еще юная героиня решила, что по окончании школы попробует поступить в службу спасения.

Кадет — всегда кадет!

(СЕРЕЖА ШИШКИН)

Пожалуй, все мальчишки села Новоселово, что в Колпашевском районе Томской области, завидовали своему земляку Сереже Шишкину — ведь он учился в кадетском корпусе в городе Северске. Известно, что кадеты живут в казарме, ходят в военной форме, учатся стрелять из боевого оружия, изучают различные военные науки — тактику, огневую и строевую подготовку, радиотехниче-

ские специальности и автодело, а также, совсем как настоящие солдаты, занимаются физической подготовкой. И еще по давней, восходящей к дореволюционным временам традиции в кадетских корпусах ребят воспитывают настоящими патриотами, прививают им высокие моральные качества — смелость, самоотверженность, отзывчивость, стремление и способность помогать другим людям. К тому же они проходят школьную программу — как и другие ребята их возраста, которые учатся в простой школе.

По окончании учебы кадеты обычно поступают в военные училища, в высшие военно-учебные заведения Министерства внутренних дел, МЧС, налоговой службы.

Летом 2009 года, окончив 9-й класс, Сережа — тогда ему было 15 лет — приехал на каникулы в родное Новоселово. То время, когда не нужно было помогать родителям по хозяйству, он, конечно, проводил с друзьями. А какое главное развлечение у мальчишек летом? Любой сразу скажет — купание!

Как-то раз, это было 19 июля, Сергей вместе с друзьями пошел на речку — туда, где с утра до вечера купаются и загорают местные ребята. И ведь все знают, что на воде нужно быть предельно осторожными — но нет, обязательно кто-нибудь чего-нибудь, да отчудит, чтобы показать товарищам, какой он смелый, сильный и ловкий. Хотя река там была вроде бы и небольшая, но коварная: есть в ней и глубокие ямы, и водовороты, да и течение сильное.

В тот самый злополучный день один из приятелей Сергея, 16-летний Олег, посадил на плечи своего семилетнего соседа и, пообещав, что будет

учить его плавать, стал вместе с ним заходить в воду. Когда он зашел довольно далеко, то вдруг поскользнулся и упал. Может быть, если бы Олег был один, он успел бы отреагировать, а так — скрылся под водой. Мальчик же, сидевший на его плечах, стал бить руками по воде, кричать и захлебываться.

Как это бывает в минуты опасности, ребята на берегу растерялись и сами стали кричать, звать на помощь. Только Сергей среагировал мгновенно и адекватно — так, как было нужно в тот самый момент. Не раздумывая, он сразу же бросился в реку и поплыл к отчаянно барахтавшемуся мальчишке. Кадет успел вовремя — он вытащил парнишку из воды, донес его до берега и передал друзьям, сказав, чтобы откачивали. И скоро, действительно, мальчик уже был на ногах, хотя потом ему еще долго пришлось приходиться в себя.

Сергей опять бросился в воду, надеясь спасти своего приятеля Олега. Он несколько раз нырял до самого дна, однако там никого не было. Стали нырять и другие ребята, а затем и вскоре приехавшие спасатели, но все оказалось бесполезным — очевидно, тело унесло течением. Недаром же говорят, что вода шалостей не прощает.

Когда о подвиге кадета Сергея Шишкина узнали в Северском кадетском корпусе, его директор уверенно сказал:

— На его месте любой наш кадет поступил бы точно так же!

Наверное, да. Однако подвиг совершил именно Сергей, а потому за мужественный поступок ему было присвоено кадетское звание вице-ефрейтор. А как известно, ефрейтор — есть такое воинское звание в Российской армии — означает «отличный солдат».

Новогодний подарок от Президента (ЛИЗА ХОМУТОВА)

Новый год — любимый для всех детей праздник. Если же его встречают еще и за городом, а не в привычной квартире — то вообще сказка и счастье великое!

Вот и Лиза Хомутова, ученица шестого класса школы № 9 из древнего города Владимира, и ее брат Саша, которому тогда только исполнилось шесть лет, очень обрадовались, узнав, что новый, 2010 год они вместе с мамой, папой и бабушкой будут встречать на даче — в деревне Козики Суздальского района.

Ночь на 1 января действительно была новогодней: морозной, тихой и снежной. Так что утром, когда ребята решили пойти покататься на коньках по пруду, лед оказался засыпан толстым слоем пушистого снега.

— Не беда, — сказал сосед, выкатывая на лед свой маленький снегоуборочный комбайн. — Это мы сейчас быстро исправим!

Хотя комбайн был маленький, но шум от него получался очень большой. К тому же машина эта подняла такие облака снежной пыли, что вскоре ни ее, ни соседа не стало видно. Ребята пытались помогать соседу своими лопатками, но их так засыпало снежной пылью, что они отошли и гуляли в отдалении.

Гулял так маленький Саша и случайно набрел на прорубь, в которой тот же самый сосед, увлекшийся зимним купанием, моржеванием, плавал. Но так как в новогоднюю ночь было не до купаний, то мороз успел затянуть прорубь ледком, который

вполне выдержал снежный покров, на него нападавший, и потому прорубь была незаметна. Однако выдержать тяжесть человека, хотя бы и маленького, этот лед не мог. К тому же, как и положено для зимней прогулки, этот человек был основательно закутан: шуба, шарф, шапка, свитер, рейтузы, валенки. В таком виде маленький человек обычно ходит, как пингвин, вперевалочку, медленно передвигая ноги и раздвинув в стороны опущенные вниз руки.

Мальчик спокойно бродил по льду, не замечая этой самой злосчастной проруби. А потом один шаг — тонкий лед проломился, и он оказался в полынье. Счастье, что Саша был так укутан — одежды сыграли роль спасательного жилета, и он остался на поверхности, а не ушел под воду. Однако, в отличие от спасательного пояса, одежда намокает довольно быстро, постепенно превращаясь в тот якорь, который неизбежно потянет человека на дно. Мальчик пытался ухватиться за край проруби, но лед был скользкий, пальцы срывались, и он не то что понимал — просто чувствовал, что самому себя ему не спасти.

Конечно же, Саша сразу закричал. Страшно ведь! Но снегочистилка продолжала громко тархтеть, и никто не слышал криков мальчика. А он чувствовал, как холодные струйки воды попадают за воротник, как намокает и тяжелеет шуба — и кричал еще громче и отчаяннее.

Кто знает, как услышала эти крики Лиза? Может, просто оглянулась на братишку — старшая сестра всегда контролирует младших, так самой природой положено. В общем, не то услышала, не то оглянулась, но девочка вдруг увидела, что надо льдом торчит одна только Сашина шапка и две руки за лед цепляются.

Любой ребенок знает: если что случилось, нужно обращаться за помощью к взрослым. Но к кому было обратиться Лизе? Папа с мамой были дома, дед тоже почти дома, возле крыльца — но как кого из них дозовешься, сколько им потом сюда бежать? Сосед вроде бы и неподалеку, но у него так громко работала машинка, что ему ничего не было слышно. Тоже — пока подбежишь к нему, пока объяснишь, пока вместе добежишь обратно... Не успеешь! Что делать?!

Но хотя Лиза в своем классе и самая маленькая по росту была, да и весит совсем немного, чуть больше своего младшего брата, но она — опытная спортсменка: уже четыре года занимается настольным теннисом, дважды становилась чемпионкой Владимирской области. Так что реакция у девочки отменная. Вот и теперь Лиза мгновенно сообразила, что если она потратит драгоценные минуты или секунды на обращение к взрослым, то ее любимый брат Саша может утонуть. Девочка метнулась к проруби...

Это в старших классах ребятам объясняют, как вести себя на льду и как спасти утопающего. А Лиза все сообразила сама. Подбежав, схватила малыша за руки, чуть потянула и сразу почувствовала, как заскользили по льду ее ноги. Тогда, не отпуская брата, девочка легла на лед и, упираясь локтями и коленями, стала отползать назад, потихоньку вытягивая его из воды. И вот тут скользкие края полыньи, за которые не смог уцепиться Саша, очень помогли: мальчик буквально выскользнул на лед. Лег и замер, переводя дыхание и поскуливая от пережитого испуга. Рядом лежала на снегу Лиза, тоже приходя в себя.

А в это время к ребятам уже бежал дедушка, издалека заметивший, что случилась беда. Подбежал,

попытался взять мальчика на руки — и не смог, настолько его одежда пропиталась водой и отяжелела. Дед-то у ребят совсем еще не старый, но вот ноша, как говорится, оказалась неподъемной.

Пришлось тогда деду с внучкой взять Сашу за руки и втроем бежать домой.

— Как же ты его вытащить умудрилась, такого тяжеленного? — спрашивал по дороге дед у внучки.

— Сама не знаю, — отвечала Лиза. — Наверное, слишком испугалась...

Дома мама, папа и дедушка сняли с мальчика всю мокрую одежду, растерли его докрасна, переодели, уложили на печку, как следует протопленную.

— А я пойду вечером на коньках кататься? — вдруг спросил Саша.

— Что?! Какие коньки?! — оторопело отвечал отец.

— Ты простужен, ты заболел, — заявила мама.

Однако к вечеру ни температура у мальчика не поднялась, ни насморка не появилось. Да и врач, которого сразу пригласили к утопавшему, сказал уверенно:

— Ребенок абсолютно здоров.

В общем, решив, что держать мальчика взаперти не имеет смысла, родители отпустили Сашу на пруд. Но тут уже и папа, и мама стояли рядом и не отрывая глаз смотрели, как сын катается на коньках. По счастью, все теперь обошлось без происшествий.

Много разных подарков получили на тот Новый год Лиза и Саша Хомутовы — Лиза, разумеется, больше, как благодарность от родителей. Но главным «новогодним подарком», пусть и пришедшим немного попозже, стал Указ Президента Российской Федерации о награждении девочки медалью «За спасение погибавших».

Лиза Хомутова — единственная школьница 9-й средней школы Владимира, имеющая государственную награду. Но не считайте ее нескромной, Лиза мечтает еще об одной медали — теперь уже олимпийской, по настольному теннису, и всерьез готовится к будущим спортивным баталиям.

Думается, что этой отважной, волевой и сообразительной девочке, которая уже сейчас показывает очень хорошие спортивные результаты, смогут в будущем покориться и олимпийские высоты.

«Золотое сердце» школьницы (Оля КОЗЛОВА)

Беда обычно приходит неожиданно... Сколько уже лет стоял на улице Пугачева, на окраине города Петровска, что в Саратовской области, небольшой и ветхий деревянный дом, да только в тот злополучный день, 11 марта 2010 года, он почему-то загорелся, да еще и в то время, когда ушли хозяева. Огонь охватил здание за считанные минуты, из форточек и из-под двери, из всех щелей валил густой, едкий дым от горящего тряпья и пластика.

Еще до приезда пожарных к горящему дому со всей округи успел собраться народ — пожар всегда привлекает любопытных. Среди прочих была и Оля Козлова, тринадцатилетняя школьница, которая подбежала туда с одноклассницами.

Конечно, просто так, равнодушно люди тут не стояли: кто-то вызывал по телефону пожарных, а прочие, слыша раздающиеся из дома крики о помощи, ругали нерадивую гражданку Илясову — мать троих детей, оставшихся в горящем доме, и недоумевали, почему до сих пор пожарные не при-

ехали. Но открыть дверь и шагнуть в огонь, чтобы спасти погибающих детей, плач и задыхающийся кашель которых всем были хорошо слышны, никто не решался.

— Мамочка, помоги! Здесь так жарко! — раздался из-за дверей пронзительный детский крик, в котором были слышны боль и ужас.

— Да что же это делается! Как так можно?! Где эти спасатели? — вновь загомонила толпа, однако люди по-прежнему стояли на месте и даже медленно пятились назад от жара, которым был окутан горящий дом.

Потом детские крики стихли, но хорошо были слышны задыхающийся надрывный кашель и истошный плач грудного ребенка — один из малышей был совсем маленьким, в пеленках.

Вдруг в окне появилось искаженное ужасом лицо трехлетней девочки.

— Спасите! Спасите! — кричала она, шлепая по стеклу бессильной ладошкой, а потом, словно бы опрокинувшись назад, исчезла, наверное, потеряла сознание.

— Это Машенька! Хорошая такая девочка, добрая! — заговорила какая-то тетка, очевидно, соседка, вытирая слезы. — Жалко! Ну, мужчины, хоть кто-нибудь! Чего вы стоите? Сделайте что-нибудь!

Однако ни мужчины, ни женщины, о которых некогда поэт Некрасов написал: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», с места не трогались. Конечно, малышей всем было очень жалко, однако людям, стоящим у горящего здания, самим было страшно идти в огонь, боязно, что рухнет крыша, и им придется погибать с чужими детьми, тогда как почти у всех были свои.

И тут Оля не выдержала, рванулась к горящему дому.

— Куда ты, девонька! — запричитали сердобольные тетки. — Ты и их не спасешь, и сама сгоришь!

Никто, однако, не попытался ее остановить, да и девочка уже никого не слушала. Стараясь пореже дышать — так горяч и неприятен был воздух около пылающего строения, она потянула на себя ручку двери. Закрыто! Бросилась к окну, несколько раз ударила локтем по стеклу, вышибая осколки, потом взобралась на подоконник и спрыгнула вниз, в огонь горячей комнаты. Толпа на улице ахнула.

Подхватив маленькую Машу, которая с плачем ползала по полу, Оля подтащила ее к окну, поставила на подоконник, высунула девочку в окно, на минуту остановилась, тяжело вдыхая уличный воздух и ожидая, что кто-нибудь из взрослых подойдет принять ребенка. Напрасно! Люди боялись даже приблизиться к горящему дому — а вдруг, рухнет? Тогда Оле пришлось самой высаживать Машу из окна, прямо на снег, а ведь та была босая! Но что делать — в комнате еще оставались дети.

Опять вернувшись туда, Оля не сразу поняла, что на полу лежит младший Машин брат Саша — сначала она думала, что это просто куча тряпья набросана. Да и дымно было, плохо видно, а глазам — очень больно. Подхватив ребенка, девочка и его потащила к окну, также подняла на подоконник — и опять никакой помощи от взрослых! Люди на улице, которые так громко переживали о судьбе малышей, шагу не сделали, чтобы просто их принять, отнести подальше от огня. Пришлось также и его высаживать из дома самой.

И в третий уже раз девочка вернулась в пылающую комнату. Но тут перед ней буквально встала

стена огня — в комнате что-то очень сильно загорелось, и Оля поняла, что эту преграду, за которой находился несчастный грудной ребенок, ей уже не преодолеть. К тому же она задышалась, наглотавшись едкого, ядовитого дыма. С большим трудом, из последних сил, девочка перелезла через подоконник и упала на черный от гари снег под окном.

Соседи, стоявшие в отдалении, громко восхищались Олиным героизмом и очень ее жалели, но никто, ни один из них так и не подошел к лежащей на снегу девочке! К счастью, скоро приехали пожарные, которые успели оказать ей помощь, а потом сказали, что Оля буквально чудом осталась жива: потолок в комнате был оббит каким-то пластиком, и он при горении выделял ядовитый дым. Поэтому третьего малыша спасти уже не удалось.

Подвиг, который совершила Оля Козлова, был отмечен высокой наградой: девочке была вручена медаль «За отвагу на пожаре». А еще в начале лета Оле была присуждена международная премия «Золотое сердце» — драгоценную статуэтку, символ этой премии, девочка получила из рук главного спасателя России — главы МЧС Сергея Шойгу, и знаменитой итальянской киноактрисы Софи Лорен. А еще семье Козловых был передан тогда ценный подарок — автомобиль «рено».

На этой машине Оля мечтает объехать всю нашу прекрасную страну — Россию.

Самый юный спасатель (Данилка ЗАЙЦЕВ, Ваня ЖАМБЯНОВ)

Это случилось 5 апреля 2010 года. Весна уже подходила к середине, однако реку Уду, на которой стоит столица Бурятии город Улан-Удэ, все еще

сковывал лед. Хотя с виду этот лед казался вполне крепким, но любому человеку было понятно, что он ненадежен и выходить на него опасно. Однако брат и сестра Данилка и Валя Зайцевы, а также их подруга Лиза Жамьянова преспокойно отправились гулять по речке. Данилке — пять лет, девочкам — по шесть. Дело было на окраине города, а никого из взрослых, конечно, с малышами не было.

Любая река таит в себе опасность — особенно для тех, кто не знает, как себя вести. Дети, гуляющие по талому льду, совсем не предполагали, что под ногами у них очень ненадежная поверхность. Под лед ведь и лютой зимой можно провалиться: то прорубь окажется, то трещина, а уж про апрель и говорить не приходится.

Вот Валя и провалилась под рыхлый лед. Только вскрикнуть успела — и уже в воде барахтается. А вокруг, разумеется, никого — если бы кто из взрослых ребят на реке увидел, он бы их сразу оттуда прогнал.

Как Данилка сообразил, что делать, — все потом только удивлялись. Подбежав к сестре, он схватил ее за капюшон, но не стал удерживать его руками, а вцепился зубами. Получилась, что называется, «мертвая хватка». Вообще, челюсти у человека считаются самыми сильными мышцами — только пятилетний Данилка этого, разумеется, не знал. Но всеми своими молочными зубами он, задыхаясь от слез, удерживал сестру. Мальчик стоял на льду на четвереньках, прочно упираясь в него локтями и коленками, так что с места его было не сдвинуть — хотя Валя одежда с каждой минутой все более намокала и становилась все тяжелее.

— Валя, не беспокойся! — закричала подруга Лиза. — Все будет хорошо! Только вы меня ждите!

И девочка стремглав бросилась к своему дому, где оставался ее брат — Иван Жамьянов. Ваня, которому было уже пятнадцать, своей сестренке казался совсем взрослым. К тому же она знала, что ее брат — опытный и отважный спасатель. Давно, еще когда ему было шесть лет — как ей сейчас, он спас из реки своего друга.

Однако пока Лиза до дома добежала, пока Ваня к реке примчался — прошло уже целых полчаса. И все это время Данилка, стоявший на четвереньках, сжимал зубами капюшон! Не будь этого, девочку давно бы утянуло под лед, и спасти ее было бы невозможно. Даже бы, наверное, и не нашли.

Только лишь когда подбежал Ваня, осторожно подполз к проруби и вытащил оттуда Лизу, Данилка разжал зубы. Сделать это оказалось очень трудно — челюсти у мальчика свело.

Ваня поставил девочку на лед — лицо ее казалось синим, она тряслась от холода и испуга, вода стекала с нее ручьем. Сняв с девочки куртку, Ваня закутал Валю своим пуховиком. Спросил:

— Идти можешь? Бежать?

— Нет... — прошептала она, чуть было не падая.

Мальчик подхватил малышку на руки, прижал к себе, стараясь хоть как-то согреть, и побежал по направлению к своему дому. А там детей уже ждала мама Вани и Лизы, медсестра, которая смогла оказать девочке необходимую помощь.

Вскоре в 31-й средней школе года Улан-Удэ, где учится Ваня Жамьянов, чествовали юных героев: Ваню и самого юного спасателя — Данилку, который еще вообще нигде не учится. Отважные ребята получили подарки и грамоты от республиканского управления МЧС.

Но самое главное, как считает Ваня, — главный спасатель Республики Бурятия предложил ему стать после окончания школы спасателем. А ведь это была заветная мечта Вани Жамьянова! С тех самых пор, когда он в шестилетнем возрасте своего товарища из реки вытаскивал.

О том же, кем станет после школы Данилка Зайцев, говорить еще рано — он ведь и в школу пока не ходит, не дорос, но, думается, спасатели уже взяли на заметку этого смелого и сообразительно паренька.

Медали от МЧС

(Ваня ПАСЕЧНИК и СЕРЕЖА ВВЕДЕНСКИЙ)

Лето 2010 года запомнилось жителям России небывалой жарой и сильнейшими торфяными пожарами, когда огонь уничтожил не только тысячи гектаров леса, но и сотни жилых домов, даже Москву дым укутал плотной пеленой, а в борьбе с разгулом стихии погибали люди. С огнем тогда боролись не только пожарные, которых явно не хватало, но и военные, и добровольцы, просто местные жители, домам которых угрожало пламя. Порой огонь приходил так внезапно, что многие становились огнеборцами неожиданно для себя.

Вот и ребята из подмосковной Балашихи Сережа Введенский и Ваня Пасечник никак не ожидали, что будут награждены медалями МЧС России «За содействие в борьбе с пожарами». Не то чтобы храбрецами они себя не считали, а просто возраст у них как бы еще не тот: одному из юных героев 10 лет, другому — 12. То есть возраст, скажем так, пока не очень солидный.

Но в один из этих жарких дней они куда-то шли со своими старшими, можно даже сказать взрослыми, товарищами, одному из которых уже 19 лет исполнилось, — Александром Прониным и Максимом Белозеровым. То ли купаться их ребята с собой взяли, то ли еще что, сейчас уже и не упомнишь. Шли они и вдруг увидели, даже, скорее, почувствовали — что-то не так.

— Горелым пахнет, — заметил Максим. — Это до нас торфяные пожары дошли?

— Может... Вон видишь дым, — заметил Ваня. — А ведь близко...

— Так это здесь что-то горит, — ускорил шаги Саша, большой парень. — Ну-ка, давайте посмотрим...

Тут ребята увидели, что загорелась трансформаторная будка. Очевидно, перегрелась от жары — такое с электроприборами случается, что-то в ней замкнуло, вспыхнул огонь, ну и загорелась. Произошло это, видимо, совсем недавно — пожар только начался.

А ведь известно, что пожары на подобных объектах очень опасны и тушить их сложно: водой это делать категорически нельзя, потому как может привести к еще большим замыканиям, и тот, кто борется с огнем, очень рискует. Но и не тушить нельзя — огонь мог вот-вот перекинуться на соседние дома. А вокруг все так от жары посохло, что в любую минуту могло вспыхнуть, и тогда огонь пойдет по всему поселку. Так что времени бежать за подмогой, собирать людей, не было. Конечно, мальчишки вызвали по мобильнику спасателей — это всегда так при пожаре положено, а сами начали тушить, не дожидаясь, пока пожарные приедут.

От огня шел сильный жар, из будки вырывались языки пламени, да вообще температура вокруг за

тридцать была, дышать нечем. И неизвестно — вдруг что-нибудь замкнет, и все рванет. Так что, честно говоря, страху натерпелись. Но хорошо, что старшие ребята знали, как следует обращаться с электричеством, так что и младшие, Сережа и Ваня, на них глядя, тоже не оплошали — даром, что маленькие. Засыпали огонь, сбивали — и как-то умудрились они вчетвером потушить пламя до приезда пожарных. Конечно, на руках у всех были ожоги, прожженные и прокоптелые рубашки потом пришлось выбросить, но ведь не в игрушки они играли, а с огнем боролись, так что родители Сереже и Ване ни слова в укор не сказали. Кто знает — если бы ни ребята, чем бы все это для поселка кончилось.

Таким образом, они в одночасье стали героями местного значения. Впрочем, почему местного? Конечно, все их здесь очень хвалили и благодарили, но смелый поступок юных героев получил также высокую оценку руководства МЧС — то есть самых главных пожарных. Все четверо — не только старшие Александр Пронин и Максим Белозеров, но и малыши Сережа Введенский и Ваня Пасечник — были награждены медалями МЧС.

Содержание

Несколько слов к читателям.....	3
ЧАСТЬ 1. РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ.....	4
«Князь уже начал!» (Святослав, великий князь Киевский)	4
Мальчик с уздечкой (Герой, оставшийся безымянным)	7
Наследник Дмитрия Донского (Василий I, великий князь Московский).....	11
Детство Иоанна Великого (Иоанн III, государь всея Руси)	14
ЧАСТЬ 2. ИМПЕРСКАЯ РОССИЯ.....	18
В боях за Отечество	18
«Кто первым поднимется на вал...» (Князь Василий ДОЛГОРУКОВ-КРЫМСКИЙ)	18
«Молодость не мешает быть храбрым» (Никита ЛУНИН)	23
«Я и мои сыновья покажем вам путь!» (Николай РАЕВСКИЙ-младший).....	26
Подвиг милосердия (Мальчишки из села Аксиньино) ...	29
Дети осажденного Севастополя	33
Сын комендора (Коля ПИЩЕНКО)	35
«Надо помочь братушкам!» (Райчо НИКОЛОВ)	38
Командир Варяга и Корейца (Саша СТЕПАНОВ)	43
«Мирные дети труда»	48
Ангара — река своенравная (Тимоша ГРЕЧИН)	49
Бездонный колодец (Миша МАТУШКИН)	52
К чему ведет озорство... (Гриша СТРАННИКОВ)	55

«Главное — сестричка жива!» (Володя КОШТИН)	57
Смелая девочка (Женя ВАСИЛЬЕВА).....	60
Как Ваня рыбу ловил (Иргалей ИСКАКОВ).....	62
Герои Мировой войны	65
Как казачонок с коня упал (Федя ФРИКИН).....	68
В разведку — с лукошком (Антошка ВЛАСИН)	71
«Георгий» гвардейского егеря (Всеволод ВИШНЕВСКИЙ).....	73
Два знамени (Шурка ЧЕРВЯТНИК).....	76
«Хитрые» патроны германцев (Костя ТОМАШЕВСКИЙ)	79
ЧАСТЬ 3. СТРАНА СОВЕТОВ	82
«На той единственной, Гражданской»	82
<i>КРАСНЫЕ</i>	83
«За рабочее дело...» (Павлик АНДРЕЕВ).....	84
Цена хлеба (Костя НИКИФОРОВ)	87
Последний бой юного разведчика (Вася ШАХТАРОВ).....	90
Военная тайна Гайдара (Аркадий ГОЛИКОВ).....	96
Мальчик из Бобруйска (Пиня ЗОЛОТИН).....	100
Актер Революции (Котя МГЕБРОВ-ЧЕКАН).....	104
<i>БЕЛЫЕ</i>	108
Засада на станции (Гимназист САДОВИЧ).....	109
Корпусная святыня (Симбирские кадеты).....	112
Атака на пулеметы (Николай ВОЛКОВ-МУРОМЦЕВ)	116
Кадетская дружба	119
(Василий ГОНЧАРОВ и Иван ЛАТЫШЕВ)	119
Гордость героев (Крымские кадеты)	123
«Идет война народная, Священная война»	128
<i>ЗОЛОТЫЕ ЗВЕЗДЫ ПИОНЕРОВ</i>	129
Дуэль с генералом (Леня ГОЛИКОВ).....	129
Девочка из Ленинграда (Зина ПОРТНОВА)	134
Самый юный Герой (Валя КОТИК)	138
Последняя граната (Марат КАЗЕЙ).....	142

«Они сражались за Родину»	147
Юный герой Бреста (Петя КЛЫПА)	147
Дочь старшины (Валя ЗЕНКИНА)	153
Спасенные знамена (Костя КРАВЧУК).....	159
Тульский Гаврош (Валя ПАРШУТИН).....	165
«Здесь был остановлен враг» (Володя КУЗЬМИН) ...	168
Герой из подземелья (Володя ДУБИНИН)	173
Предисловие к подвигу (Володя ЧЕРИНОВ)	178
Прыжок за линию фронта (Юра ЖДАНКО)	180
Блокадный дневник (Таня САВИЧЕВА)	186
Последний бой (Саша БОРОДУЛИН)	191
Мальчик со скрипкой (Муся ПИНКЕНЗОН).....	195
Противотанкист (Ваня ФЕДОРОВ).....	201
Мальчиши с хутора Ляпичев (Аксен ТИМОНИН, Семен МАНЖИН и другие)	207
Сын за отца... (Миша РОМАНОВ)	213
Жили два друга-товарища... (Витя ХОМЕНКО, Шура КОБЕР).....	216
Листовки к обеду (Люся ГЕРАСИМЕНКО).....	222
Партизанская связная (Галя КОМЛЕВА)	227
Подвиг младшего сына (Спиридон ГНАТЮК).....	230
Разведчица Нина (Нина КУКОВЕРОВА)	236
Шестилетний гвардеец (Сереза АЛЕШКОВ)	240
Партизанка Лара (Лариса МИХЕЕНКО)	244
Подрывник (Володя КАЗНАЧЕЕВ).....	250
Девочка с черной сумкой (Лида ВАШКЕВИЧ)	256
Дважды казненная (Надя БОГДАНОВА)	260
Мститель (Вася КОРОБКО)	267
Маленькая героиня большой войны (Юта БОНДАРОВСКАЯ)	272
Юнга Северного флота (Саша КОВАЛЕВ-РАБИНОВИЧ)	278
Мальчик за штурвалом самолета (Аркадий КАМАНИН)	284
Сверхснайпер 16-ти лет (Вася КУРКА)	290
«Слава» за бдительность (Стасик ПОЛЯНСКИЙ)	295
ЧАСТЬ 4. РОССИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ	300
Герой России (Магомед ТАШУХАДЖИЕВ)	300

Светлая память (Дима КАМЕНЕВ)	304
Орден второклассника (Женя ТАБАКОВ)	305
«Тетя Саша» из 2-го класса (Саша ЕРШОВА)	307
Школьник из Беслана (Мурат КАЛМАНОВ)	311
Дело было в ноябре (Слава ВИЛЬДАНОВ)	316
Опасные забавы (Антон ЧУСОВ)	318
По дороге в школу (Дима ЛЯШКО).....	321
«Черный омут» (Ксюша ПЕРФИЛЬЕВА)	324
Кадет — всегда кадет! (Сереза ШИШКИН)	327
Новогодний подарок от Президента (Лиза ХОМУТОВА)	331
«Золотое сердце» школьницы (Оля КОЗЛОВА).....	334
Самый юный спасатель (Данилка ЗАЙЦЕВ, Ваня ЖАМЬЯНОВ)	337
Медали от МЧС (Ваня ПАСЕЧНИК и Сереза ВВЕДЕНСКИЙ)	340

Бондаренко Александр Юльевич

ЮНЫЕ ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВА

Подписано в печать 05.12.16. Формат 84x108/32.

Усл. печ. л. 18,48. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз.

Издательство «Банк культурной информации»
620100, Екатеринбург, п/о 100, а/я 855.
E-mail: ukbkin@gmail.com
www.ukbki.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»:
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
E-mail: sales@uralprint.ru

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

МИЛОРАДОВИЧ

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

МИХАИЛ ОРЛОВ

Александр
Бондаренко

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

ФИТИН

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

